

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Ли Имо

**Лексико-семантические особенности русских
зоосемизмов (на фоне китайского языка)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (10.02.01)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка
М.В. Шульга

Москва 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Место зоосемизмов в лексической системе.....	13
русского языка	13
1.1. Зоосемизмы в русской научной традиции	13
1.2. Зоосемизмы как особое явление по функции в речи.....	22
1.3. Зоосемизмы как особое явление по грамматическим свойствам.....	24
1.4. Зоосемизмы по отношению к их семантическим производящим.....	29
1.5. Зоо-номинации в сравнениях и в метафорах	31
1.5.1. Сравнения и метафоры в аспекте семантики.	32
1.5.2. Сравнения и метафоры в аспекте внутренней формы.	37
1.5.3. Бессоюзные сравнения и метафоры.	40
1.6. Зоонимы в составе фразеологических единиц и зоосемизмы.....	44
1.7. Основные выводы	50
Глава 2. Зоосемизмы в русских толковых словарях	57
2.1. Лексикографическое описание зоосемизмов русского языка.....	57
2.2. Сопоставительный анализ характеризующих признаков зоосемизмов в русских словарях.....	61
2.3. Стилистические и прагматические характеристики русских зоосемизмов	82
2.4. Грамматические характеристики зоосемизмов в русских толковых словарях	91
2.5. Основные выводы	114
Глава 3. Русские зоосемизмы на фоне китайского языка.....	122
3.1. Китайская лексикология и лексикография.....	122
3.2. Зоосемизмы в китайской научной традиции.....	126
3.3. Сопоставительный анализ русских и китайских зоосемизмов	132
3.3.1. Высокая степень эквивалентности.	133
3.3.2. Средняя степень эквивалентности.	137
3.3.3. Низкая степень эквивалентности.	140
3.4. Русские зоосемизмы в двуязычном русско-китайском толковом словаре	145
3.4.1. Характеризующие и стилистические значения русских зоосемизмов отражены в двуязычном словаре и в основном совпадают.....	147
3.4.2. Характеризующие и стилистические значения отражены в двуязычном словаре, но не соответствуют русским словарям.....	161

3.4.3. Зоосемические значения, не отражённые в двуязычном словаре	180
3.4.4. Грамматический род и биологический пол русских зоосемизмов в двуязычном словаре.....	182
3.5. Основные выводы	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
БИБЛИОГРАФИЯ.....	210
Статьи и монографии.....	210
Источники	224
Словари.....	224

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена проблемам вторичной номинации: проблеме метафоры как одного из видов вторичной номинации, особенностям вторичных названий лиц, мотивированных названиями животных.

Исследованию семантического поля вторичных номинаций, производных от названий животных, посвящены многочисленные научные работы (Е.А. Гутман, М.И. Черемисина, Л.С. Войтик, О.А. Рыжкина, Ю.Л. Лясота, Н.В. Располыхина, Э.А. Кацитадзе, Ю.Г. Юсифов, А.А. Киприянова, М.Н. Лапшина, Е.И. Селиверстова и др.). Употребление терминов, относящихся к этому виду номинации, и их толкование в научной литературе варьируется. Широко употребительны термины *зоометафоры*, *зооморфизмы*, *анимализмы*, *зоосемизмы*.

В теоретическом аспекте в научной литературе обсуждаются границы между первичными номинациями (*зоонимами*) и их метафорическими производными. Особую проблему составляет квалификация тех характеризующих значений зоонимов, которые реализуются во фразеологических единицах (в широком смысле, в том числе в сравнениях). Ряд исследователей в теоретическом аспекте разграничивают метафорические значения названий животных и зоонимические фразеологически связанные значения. Последние рассматриваются преимущественно как зооморфизмы – промежуточная позиция между названиями животных и названиями лиц (Н.В. Располыхина, М.Н. Лапшина, Ю.Л. Лясота, Ф.А. Литвин, О.Ю. Семина, М.И. Черемисина, Э.А. Кацитадзе, О.А. Рыжкина, С. Чакыроглу, И.Н. Махова, Н.В. Солнцева, Г.Н. Складневская, А.С. Маслов, Р.Я. Солодкин, Ц.Ц. Огдонова, Т.В. Матвеева и др.). Однако в применении к практическому материалу зооморфизмы и «зоонимные

метафоры», как правило, не разграничены.

Исследованию собственно зоосемизмов посвящены единичные работы (М.В. Шульга, Цай Сяо-лин, О.Е. Фролова, З.И.Минеева, Устуньер Ильяс, А.А. Шаповалова).

В данной работе мы анализируем вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных, используем по отношению к ним термин *зоосемизмы*, а также останавливаемся на проблеме разграничения зоосемических и особых зоонимических значений в составе фразеологических единиц.

Наше исследование лексико-семантических особенностей зоосемизмов опирается в основном на материалы толковых словарей русского языка. Как констатирует В.В. Дубичинский, «словарь - один из важнейших способов описания лексической системы языка. В отличие от некоторых других способов, для лексикографической интерпретации словарного состава, как правило, характерны разносторонность анализа (характеристика с позиций всех уровней языка), полнота (универсальность, всеохватность структуры словарной статьи) и доказательность исследования» [Дубичинский 1998: 13]. Опираясь на теоретическую базу лексикологии, лексикография «старается описать каждую лексическую единицу с позиции её индивидуальности и неповторимости, показать её отличительные черты и специфическое контекстуальное окружение» [Там же].

Русские зоосемизмы рассматриваются на фоне соотносительных по мотивации китайских зоосемизмов и сквозь призму русско-китайского двуязычного словаря.

Актуальность темы настоящего исследования предопределена тем, что зоосемизмы, то есть вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных, являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации. Целенаправленного исследования свойств русских зоосемизмов в их совокупности, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

Дополнительные возможности для исследования русского

зоосемического материала содержит двуязычный русско-китайский толковый словарь. В практике научных исследований двуязычные словари используются как источник изучения лексической системы языков.

Обращение к соотносительному китайскому материалу оправдано потребностями более глубокого изучения того, что в языковом плане обеспечивает эффективность межкультурной коммуникации. Язык позволяет выявить специфику мировидения разных народов и учитывать её в самых разных сферах: от межличностного общения до перевода художественной литературы. Национальная самобытность проявляется в системе образного мышления, в метафорическом восприятии и отображении действительности.

Цель работы – описать состав русских зоосемизмов, как они представлены в русской лексикографии; выявить их лексико-семантические, стилистические, прагматические и грамматические особенности; выявить специфику русских зоосемизмов в сопоставлении с эквивалентными китайскими зоосемизмами, представленными в китайской лексикографии; выявить проблемы представления русского зоосемического материала в двуязычной русско-китайской лексикографии.

В данной работе решаются следующие **задачи**:

1. Изучить теоретическую литературу по определению метафоры в русской и китайской научной традиции.
2. Выявить семантические и прагматические различия между зоонимами в составе фразеологизмов и зоосемизмами; очертить границы зоосемических значений.
3. Составить по возможности полный список зоосемизмов по материалам русской толковой лексикографии; исследовать характеризующие значения зоосемизмов, грамматические, стилистические и прагматические особенности, способы представления зоосемизмов в русской лексикографии.
4. Описать своеобразие русских зоосемизмов на фоне китайских зоосемизмов, мотивированных соотносительными зоонимами.
5. Сопоставить описание русских зоосемизмов в русских толковых

словарях и в двуязычном русско-китайском словаре; выявить проблемы двуязычной лексикографии, связанные с недостаточностью для китаеязычного пользователя тех сведений о зоосемизмах, которые имеются в русских словарях.

Объектом исследования являются русские зоосемизмы. **Предмет** данной работы – лексико-семантические, грамматические и прагматические особенности русских зоосемизмов.

Источники и материалы. Источником исследования являются толковые словари русского языка, толковые словари китайского языка, двуязычный русско-китайский словарь. Список источников прилагается в конце рукописи. Каждый пример сопровождается ссылкой на источник.

Когда обнаруживались расхождения между источниками, в отдельных случаях мы обращались также к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Каждый пример, извлечённый из НКРЯ, сопровождается ссылкой на источник (в том виде, в каком это принято в НКРЯ), а также аббревиатурой НКРЯ.

Из словарей русского языка методом сплошной выборки материала систематически обработаны следующие издания: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значениям / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998 (раздел «Названия лиц и животных»); *Дуличенко Л.В.* Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. – Тарту, 1999.

«Русский семантический словарь» составлен на основе полного извлечения материалов из однотомного "Словаря русского языка" С.И. Ожегова (изд. 1–23, 1949–1989) и из "Толкового словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (изд. 1–4, 1993–1997), он дополнен материалами из академического "Словаря современного русского литературного языка" (тт. 1–17; 1948–1965, 2-е изд., перераб. и доп., тт. 1–7, 1991–1996), и из других словарных источников, а также из современной литературы.

«Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением»

Л.В. Дуличенко представляет собой лексикографическое описание названий лиц со вторичным (переносным) значением. Он опирается на материал академического «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой.

Таким образом, эти два словаря — «Русский семантический словарь» (далее: РСС) и «Словарь обидных слов» Л.В. Дуличенко (далее: СОС) — в совокупности отражают основные научные традиции современной лексикографии — традиции Большого и Малого академических словарей и нормативного толкового словаря общеупотребительной лексики С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

В отдельных случаях мы привлекаем также данные других русских словарей, список которых прилагается в конце рукописи.

Мы отдаем себе отчет, что в русской речи и в языке круг зоосемизмов шире, чем это отражено в словарях. Многие метафорические значения, встречающиеся, например, в художественной литературе, по разным причинам не нашли отражения в словарях. Тем не менее, для решения поставленных задач извлеченный из словарей материал является, на наш взгляд, достаточно репрезентативным.

Методы научного исследования. В диссертации используются описательный метод, метод компонентного анализа, сопоставительный метод, элементы количественного метода, лингвистический эксперимент, приём сплошной выборки материала.

Научная новизна работы состоит в комплексном исследовании подсистемы русских зоосемизмов, ранее не подвергавшихся специальному рассмотрению; выявлены семантические, грамматические, стилистические и прагматические особенности русских зоосемизмов по сравнению с мотивирующими их зоонимами; выявлены спорные и нерешенные вопросы в описании зоосемизмов в русской лексикографии; представлено своеобразие русских зоосемизмов на фоне китайских зоосемизмов, мотивированных соотносительными зоонимами; на материале двуязычной русско-китайской лексикографии определен круг схождений в использовании русских и

китайских зоосемизмов, выявлена сфера специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык.

Теоретическая значимость работы состоит в описании и разграничении свойств зоонимов и их метафорических производных. Полученные результаты способствуют повышению общетеоретического уровня современных исследований по проблемам вторичной номинации, метафоры как одного из видов вторичной номинации, исследованию особенностей вторичных названий лиц.

В дополнение к ранее проведённому другими авторами анализу данной микросистемы, мы описываем её особенности на фоне китайского языка, что позволяет выявить национальную самобытность в системе образного мышления двух народов, в метафорическом восприятии и отображении действительности.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в различных университетских курсах по семантике и прагматике, по стилистике, по переводу, в практических курсах русского языка как иностранного; для уточнения грамматических и семантических характеристик зоосемизмов при их лексикографическом описании, при составлении лингвострановедчески ориентированных учебных пособий, а также в практике перевода различных текстов с русского языка на другие языки, в частности, на китайский.

Положения, выносимые на защиту.

1. Зоосемизмы составляют особую лексическую подсистему как по отношению к первичным названиям лиц, так и по отношению к подсистеме мотивирующих их зоонимов. Отношения синонимии, многозначности у зоосемизмов имеют особый характер по сравнению с мотивирующими их зоонимами. У зоосемизмов и зоонимов не совпадают также прагматические компоненты значений. Для зоосемизмов наиболее характерными прагматическими компонентами значения являются оценочные компоненты.

2. Процесс вторичной номинации затрагивает грамматические свойства

мотивирующих слов. У зоосемизмов наблюдается переосмысление отношений между грамматическим родом и биологическим полом в результате их адаптации в кругу личных существительных. У зоосемизмов, обозначающих лиц мужского пола, могут формироваться особые синтаксические свойства (синтаксический род, не соответствующий морфологическому роду). Результаты и степень грамматической адаптации зоосемизмов среди названий лиц характеризуются индивидуальностью и нерегулярностью.

3. Между основными русскими словарями имеются существенные расхождения в составе зоосемизмов, в их толковании, в определении грамматического рода и биологического пола зоосемизмов, в стилистической характеристике. Отчасти это связано с недостаточной разработанностью зоосемической проблематики и неоднозначностью способов лексикографического описания зоосемизмов.

4. Анализ выявил своеобразие лексического состава русских зоосемизмов на фоне китайского языка. Из русских зоосемизмов только 14,2 % мотивированы соотносительными зоонимами в китайском языке. Характеризующие признаки и оценочность таких зоосемизмов совпадают в двух культурах лишь частично; у них могут быть актуализированы разные характеризующие признаки; отмечается противоположная оценочность; русские зоосемизмы имеют более широкий диапазон стилистических и прагматических характеристик; они окрашены более негативно.

5. Способы лексикографического описания русских зоосемизмов в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны. Сфера специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык отражается в преобладании описательного метода, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию. Китайскими зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением, переводятся единичные русские зоосемизмы (четыре зоосемизма – 7,7 %).

6. Сравнительно адекватное отражение характеризующих значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет менее трети от того зоосемического материала, который выявлен в русских толковых словарях; у шестой части русских зоосемизмов не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях; толкования в двуязычном словаре в той или иной степени не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях у половины русских зоосемизмов. Эти количественные показатели характеризуют сложности с восприятием и описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

7. Китайско-русский двуязычный словарь отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей. Неточности в переводе русских зоосемизмов связаны отчасти с неоднозначностью информации в русскоязычной лексикографии.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в научных докладах на следующих международных конференциях: Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Москва, 2019); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2020» (Москва, 2020); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021» (Москва, 2021).

По теме диссертации опубликовано семь научных работ, из них четыре статьи в журналах, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (10.02.01).

Структура диссертации. Данная работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения и Библиографии. Список использованной литературы включает 148 наименований.

Во Введении обосновывается актуальность исследования, названы объект, предмет, методы исследования, сформулированы цели и задачи диссертационной работы, определена научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе «Место зоосемизмов в лексической системе русского языка» представлены теоретические основы диссертационной работы. Рассматриваются основные термины, выявляются лексико-семантические особенности русских зоосемизмов в аспектах характеризующих признаков, прагматических и грамматических свойств. Рассматриваются отношения между сравнениями и метафорами, зоонимами в составе фразеологических единиц и зоосемизмами.

Во второй главе «Зоосемизмы в русских толковых словарях» рассматривается отражение характеризующих признаков, стилистических и прагматических свойств и грамматических особенностей зоосемизмов в русской лексикографии. Выявляются расхождения между толковыми словарями в лексическом составе зоосемизмов и в их описании.

В третьей главе представлено состояние современной китайской лексикологии и лексикографии. Проведен сопоставительный анализ русских и китайских зоосемизмов, мотивированных соотносительными зоонимами. На материале русско-китайского двуязычного толкового словаря исследованы особенности описания русских зоосемизмов в китайской лексикографии, выявлены способы перевода русских зоосемизмов на китайский язык. Отмечены трудности и неточности перевода.

Каждая глава завершается основными выводами.

В Заключении подведены итоги исследования.

Глава 1. Место зоосемизмов в лексической системе русского языка

1.1. Зоосемизмы в русской научной традиции

Зоосемизмы в нашем понимании — это вторичные названия лиц (метафоры), мотивированные названиями животных (зоонимами).

Различая исходные и производные типы, первичные и вторичные, в функционально-генетическом аспекте В.Г. Гак выделял восемь типов номинации [Гак 1977: 243]. В данной работе мы рассматриваем вторичные номинации, которые опираются на переосмысление уже готовых языковых единиц.

По внутренней форме вторичные номинации разделяют на два типа: абстрактная номинация (например, *зверь* вместо *медведь*) и переносная номинация (например, *косолапый* вместо *медведь*) [Гак 1977: 246]. Переносные номинации разделяются на два подтипа: метафорическая номинация и метонимическая номинация [Там же].

Метафорический перенос номинации с одного предмета на другой осуществляется на основе их сходства [Аристотель 2000: 170; Реформатский 1996: 45; Гак 1977: 283]. Например: *я вошла в аудиторию, сидят две курицы*. Метонимический перенос названия образован на основе их смежности. Например: *Говорите так, чтобы слышала вся аудитория*.

Зоосемизмы представляют собой одну из самых регулярных моделей метафорической номинации [Скляревская 1993: 90].

Первые сведения о метафоре можно найти в античности. Более развёрнуто, по сравнению с другими учеными, писал о метафоре Аристотель. У Аристотеля метафора объясняется как «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2000:170].

В XX веке исследователи рассматривают метафору как «неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и, следовательно, познавательных целей» [Скляревская 1993: 5].

В.В. Виноградов разрабатывает теорию метафоры и вычленяет метафору как самостоятельный элемент лингвистического анализа в сфере общей семантической теории языка [Виноградов 1953]. По его мнению, проблема метафоры как принципа семантического преобразования чрезвычайно сложна и трудна. Чтобы рассматривать её, необходимо прежде всего расчленив её: во-первых, классифицировать типы метафоры, во-вторых, объяснить их отличия с точки зрения психологии и лингвистики [Виноградов 1976: 427].

В.В. Виноградов выделяет особый тип лексического значения метафорического слова – «предикативно-характеризующий». Он реализуется в строго закрепленных синтаксических позициях: в сказуемом или составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении. Он используется для называния, обозначения кого-либо при индивидуальном указании [Виноградов 1953: 24].

Дж. Лакофф и М. Джонсон впервые рассматривают метафору в когнитивном аспекте [Лакофф, Джордж 2004]. В их работе метафора представляет собой основной способ познания мира. «Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры "источника" (source domain) и когнитивной структуры "цели" (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (metaphorical mapping)» [Баранов 2003: 75].

Метафора также рассматривается как «компонент человеческого познания» [МакКормак 1990: 373]. С этих позиций процесс метафоризации оказывается «связанным с глубинными особенностями человеческого мышления» [Гак 1988: 11]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только

национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990: 6]. В.Н. Телия подчёркивает антропоцентричность метафоры: «соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей» [Телия 1988: 4].

Понятие метафоры получило развитие не только в сфере лингвистики, но и в области логики, когнитивной психологии и т. д. Исследователи рассматривают глубинные связи между метафорой и человеческим мышлением. Метафора является важным элементом национальной языковой картины мира. В данной работе мы рассматриваем метафору как частный случай вторичной номинации, то есть анализируем в собственно лингвистическом направлении.

Понимание терминов *зооним* и *зоосемизм* в научной литературе варьируется [Дорогайкина, Игнатъева 2019: 61]. Н.В. Располыхина впервые ввела термин «зооним» в отношении «прямых наименований животных» [Располыхина 1984: 7]. А.А. Киприянова применяет термин «зоосемизм» по отношению к названиям животных в паремиях [Киприянова 1999].

В ряде работ используются другие термины для обозначения зоосемизмов [Галимова 2004; Леонова, Самарин 2017; Мусси 2017]. В том же значении, что и зоосемизм, употребляются термины *зооморфная метафора*, *зоометафора*, *анимализм*.

Некоторые исследователи не видят необходимости терминологически разграничивать прямые и метафорические значения зоономинаций. Например, в работе Ю.Л. Лясоты термин *зоосемизмы* обозначает названия животных в прямом и в переносном значении [Лясота 1984: 5]. В публикациях Е.В. Болговой в тех же значениях употребляется термин «зооним» [Болгова 2021: 4].

При терминологическом разграничении прямых и переносных значений границу между теми и другими значениями зоономинаций проводят по-разному.

Ф.А. Литвин исходит из многозначности лексемы – сосуществования в одном слове номинативного и характеризующего значений. В его работах *зооним* в номинативном значении называется зоосемизмом, а в характеризующем – зооморфизмом, но, по словам автора, зоосемизм входит в состав сравнительной конструкции [Литвин 2015: 106]. Автор исследует зоонимы в составе фразеологизмов (сравнений) в параллельных текстах – в переводах «Мастера и Маргариты» на другие языки. Собственно зоосемические (метафорические) значения в этой системе не имеют особого термина.

О.Ю. Семина в своей кандидатской диссертации сопоставляет особенности русских и английских зоонимов [Семина 2008]. Вслед за Ф.А. Литвиным, она рассматривает зооморфизмы как вторичные значения зоонимов.

М.И. Черемисина и Н.С. Соппа для «вторичной, образной функции» употребляют термин *зооморфизм* [Черемисина, Соппа 1973: 55]. Примеры в их работе показывают, что термин *зооморфизм* обозначает не только метафорические значения, связанные с названиями животных, но и зоонимические значения в сравнительных оборотах: *Мать рассказывает, ты драться любишь. Он у меня, говорит, драчливый, как петух.* (Н. Островский, «Как закалялась сталь») [Черемисина, Соппа 1973: 57].

О.А. Рыжкина определяет *зооморфизмы* как «лексико-семантические варианты названий животных (включая названия птиц и насекомых), проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения» [Рыжкина 1979: 3]. В более поздних работах она обращает внимание на «сложности семантической структуры зоонимических образов», в которой выделяется «первое значение – “обыденное”, это именование того или иного животного; второе – “мифологическое”, оно находит отражение в фольклорных текстах, мифах. На основании этих двух уровней формируется “стереотипный образ”, который и актуализируется при использовании зоонима для характеристики человека» [Рыжкина, Чакыроглу

2009: 20]. Последний «стереотипный образ» авторы называют зоометафорой.

У Э.А. Кацитадзе термин *зоометафора* обозначает «вид второй образной номинации», при этом «представляют собой вербальное выражение образного мышления» [Кацитадзе 1985: 1]. К зоометафорам при этом отнесены также те единицы, которые в других работах именуются зооморфизмами: «фразеологизмы, содержащие в своём составе зоонимный или анималистический компонент и имеющие значение качественно-оценочной характеристики человека» [Кацитадзе 1985: 1]. Разделяя эти позиции, А.Б. Антонова анализирует семантическую структуру английских фразеологизмов (зоонимы в концепте DRINK) [Антонова 2010].

Ц.Ц. Огдонова выделяет два типа зооморфизмов: «окказиональные зооморфизмы» и «устойчивые зооморфизмы». В составе устойчивых зооморфизмов закреплены устойчивые метафоры, многие из них стали «символами определённых человеческих качеств» [Огдонова 2000: 8].

А.И. Молотков и А.Г. Балакай широко используют термин «зооморфизмы» по отношению к фразеологизмам с названиями животных [Молотков 1977; Балакай 1992].

В некоторых исследованиях термины зооморфизм, зооморфное имя используются в особых значениях. В работах А.В. Суперанской *зооморфное имя* – это «имя собственное, любое имя, образованное от названия животного, в том числе топозооним, гидроним, антропозооним» [Суперанская 2012]. В публикациях Т.Ф. Ефремовой *зооморфизм* – это «представление богов и духов в образе животных» [Ефремова 2000].

Многие исследователи не останавливаются на проблеме разграничения зооморфных значений и метафорических значений. Материалом для исследования служат преимущественно зоонимы в составе фразеологизмов. Данная проблематика разрабатывается в основном в сопоставительном аспекте. Например, анализируются зооморфные метафоры в публицистических текстах английского и русского языков в составе фразеологизмов [Патюкова 2008; Патюкова 2009]; исследуются зооморфные

значения *кошка* и *собака* в русских и немецких толковых и фразеологических словарях [Соколова 2009]; описываются национальные особенности русской и китайской лингвокультур на материале зооморфизмов [Гаврилюк 2013; 2015]; выявляются общие черты и различия в прямых и переносных значениях зоонимов в русском и немецком языках [Саблина 2020]; рассматривается эквивалентность русских и китайских пословиц с зоосемическим компонентом [Селиверстова, Цэн Кунь-цзяо 2013]; описываются зоонимы в русском и английском языках [Курбанов 2000]; исследуется гендерная специфика фразеологических единиц с зоонимами на материале английского языка [Васькова 2006]; рассматривается лексико-фразеологическая система и семантическая структура имён животных и зооморфных метафор английского языка в пословично-поговорочном фонде [Карташкова, Куражева, Егорова 2009]; анализируются русские зооморфизмы в гендерном аспекте, в сопоставлении с английскими зооморфизмами [Шарова 2010]; описаны зоонимы и зооморфизмы в составе устойчивых сравнительных оборотов и фразеологизмов на материале русского и азербайджанского языков [Сафаралиева 2013]; рассматриваются зооморфные образы в русских и арабских пословицах [Салим Ахмед Ибрагим 2018].

Некоторые исследователи останавливаются на принципиальных различиях между прямыми и метафорическими значениями, при этом отнесенность сравнений к сфере метафорических значений ставится под вопрос.

Р.Я. Солодкин отмечает двусмысленность, характерную для термина *зооморфизм*. «Результат метафорического переноса не является его единственным референтом» [Солодкин 2009: 68]. По мнению автора, наиболее адекватным для обозначения вторичной номинации является термин *зоометафора*, поскольку, «во-первых, его референтом является непосредственно и только метафорический продукт переноса, чего нельзя сказать про термин *зооморфизм*, могущий обозначать что угодно, представленное в фаунической форме. Во-вторых, обозначена

специфическая особенность этого метафорического продукта – зооним во вторичной номинации» [Там же].

Г.Н. Скляревская обращает внимание на тот факт, что «признак, формирующий зооморфную метафору, не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику. Больше того, в отдельных случаях он даже противоречит тем массовым ассоциациям, которые вызывает то или иное слово. Например, *собака* издавна воспринимается как символ преданности, бескорыстной дружбы и верности, однако эти общеизвестные качества не нашли языкового воплощения: ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека *собакой*, как называют хитрого *лисой*, упрямого *ослом*, коварного *змеёй* и т. п.» [Скляревская 1993: 60].

Определяя термин *анимализм*, И.Н. Махова обращает внимание на различие денотатов у номинативных единиц первичной и вторичной номинации: «Анимализм в рамках номинативного аспекта теории языка можно рассматривать как номинативную единицу вторичной номинации, образованную в результате переноса наименования с одного единичного денотата (животное) на другой (человек) при их соотнесении по ассоциативному признаку (сходству) с целью именованья отдельного объекта реальной действительности (человек)» [Махова 1999: 2]. Она подчеркивает, что при метафорическом переносе денотатом является человек, а денотатом зоонима является животное, и отграничивает метафору от сравнения, в котором денотатом является животное [Махова 1999: 3].

А.С. Маслов представляет семантическую структуру названия животного следующим образом: первая номинация (*зооним*), вторая номинация (*зоометафора*), промежуточная позиция (*зооморфизм*). «В отличие от зоонимных метафор зооморфные образования воспринимаются как способ обозначения индивидуализированного автором субъективного символа, причем результат метафорического переноса не является его единственным референтом» [Маслов 2013: 52].

Собственно метафорические значения названий животных рассматриваются на конкретном материале в немногих работах.

При анализе метафорического употребления зоонимов в русском, английском, французском и новогреческом языках А.А. Шаповалова отмечает, что «в первом десятилетии XXI века в работах по исследованию переносного употребления названий животных наиболее частотным стал термин *зоометафора*». При этом термин *зоометафора* «используется для называния не только переносных метафорических употреблений, но и переносных употреблений, образованных иными способами (например, метонимия)» [Шаповалова 2018: 96-97].

Устуньер Ильяс при исследовании зооморфных метафорических номинаций, характеризующих человека, в русском и турецком языках использует термин *зооморфные метафорические номинации*, которым обозначаются вторичные номинации зоонимов [Устуньер Ильяс 2004].

З.И. Минеева использует термин «зоотроп» по отношению к «переносным, возникшим на основе метафоры и метонимии антропоцентрическим значениям названий животных» [Минеева 2014: 329].

М.В. Шульга рассматривает изменение грамматических характеристик у зоонимов при их переосмыслении в качестве наименований лиц, преобразование их грамматических родовых значений в значения биологического пола у зоосемизмов [Шульга 2017: 50]. Цай Сяо-лин рассматривает лексико-грамматические особенности зоосемизмов [Цай Сяо-лин 2006].

В нашем исследовании вторичные названия лиц (метафоры), мотивированные названиями животных (*зоонимами*), мы обозначаем термином *зоосемизмы* [Цай Сяо-лин 2006; Шульга 2017 и др.]. В другой терминологии *анимализмы* [Махова 1999 и др.], *зооморфные метафоры* [Солнцева 2004, Склярская 1993 и др.], *зоометафоры* [Маслов 2013, Кацитадзе 1985; Солодкин 2009 и др.].

Подводя краткие итоги обзору публикаций по зоосемической

проблематике, констатируем следующее.

Зоосемической проблематике в научной литературе уделяется большое внимание. Несмотря на это, терминология в отношении типов зоосемической номинации существенно варьируется, здесь наблюдается синонимия, неоднозначность терминов и омонимия. Русская зоосемическая проблематика исследуется преимущественно на материале фразеологических единиц и в сопоставительном аспекте. Специальных работ, посвященных системному описанию русских зоометафор, не имеется. Исследования, в которых специально рассматриваются метафорические значения русских зоонимов, единичны.

Эти факты подтверждают актуальность предпринимаемого нами системного исследования русских зоосемизмов.

Мы рассматриваем зоосемизмы как особые номинативные единицы, исходя из следующих их отличий от мотивирующих их зоонимов:

- у зоонима и зоосемизма разные денотаты: денотатом зоонима является животное, денотатом зоосемизма является человек;
- семантика зоонима и мотивированного им зоосемизма регулярно различается: зоосемизмам свойственны характеризующие признаки, отсутствующие у зоонимов;
- зоонимы выполняют номинативные функции, для зоосемизмов характерна прагматическая функция (оценочность);
- зоосемизмы в речи стилистически маркированы ¹, зоонимы преимущественно стилистически нейтральны;
- зоонимы и зоосемизмы могут различаться грамматическими свойствами (по отношению к категории рода и числа).

¹ Понятие маркированности (грамматической, стилистической, прагматической) применяем для характеристики состояния лингвистической «выделенности как нетипичной или дивергентной по сравнению с обычной или более распространенной формой» - https://en.wikipedia.org/wiki/Linguistic_markedness. Маркер понимается как языковой «сигнал, который указывает (то есть маркирует) функцию или свойство» <https://809.slovaronline.com/3463-%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B5%D1%80>

Мы разграничиваем метафорические значения (зоосемизмы) и зоонимы в составе фразеологических единиц (зооморфизмы), исходя из следующих их различий:

- денотатом зоосемизма является человек, во фразеологии употребляется название животного (зооним);

- лексический состав зоонимов во фразеологизмах и зоосемизмов совпадает лишь частично; у большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое зоосемическое значение; большинство зоосемизмов образованы от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов;

- характеризующие признаки зоосемизмов, как правило, устойчивы; они уже совокупности характеризующих фразеологических значений зоонима;

- зоонимы во фразеологии и зоосемизмы имеют регулярные различия по характеризующим значениям, эти значения могут даже противоречить друг другу.

1.2. Зоосемизмы как особое явление по функции в речи

В процессе вторичной номинации зоосемизмы приобретают коннотации – эмоциональность и оценочность, не свойственные зоонимам.

В.Н. Телия отмечает, что коннотации имеют место преимущественно в переносных значениях, при этом они выражают «эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5].

Ю.Д. Апресян относит к коннотациям лексики «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян

1995: 159]. «Будучи ассоциативными и несущественными для основного значения слова *петух*, они оказываются семантическим ядром его переносных значений, производных слов, фразеологических единиц. Признак задиристости, например, лежит в основе переносного значения слова *петух* ‘задиристый человек, забияка’» [Апресян 1995: 160].

На оценочность зоосемизмов и их особую функцию в речи указывают многие исследователи. Зоосемизмы «получают заряд эмоциональности и образности и становятся широко употребительными как в повседневном общении, так и в литературе, придавая языку идиоматичность» [Киприянова 1998: 330]. «Зооморфизмы, будучи экспрессивными лексическими единицами с ярко выраженной эмоциональностью и оценкой, обладают культурно-национальной спецификой и, следовательно, представляют особый интерес в кросскультурном плане» [Рыжкина, Чакыроглу 2009: 18]. Зоосемизмы «бывают чрезвычайно востребованы в художественных и публицистических текстах» [Москвин 2006: 163].

Н.В. Солнцева в своей работе уделяет внимание истокам экспрессивности зооморфизмов: «Немаловажную роль в создании экспрессивности зооморфизмов играет наличие контраста между метафорическим и собственно номинативным словом – зоонимом, за которым стоит смена сферы употребления и прагматического аспекта слова. Семантически релевантные особенности образа ориентированы на обыденные знания, которые служат основой формирования актуального значения зооморфизма и существуют как его часть» [Солнцева 2004: 13].

Е.М. Вольф подчеркивает тот факт, что «перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации, сами названия животных оценки не содержат» [Вольф 1988: 59]. При этом исследователи констатируют, что в большинстве своем зооморфизмы имеют отрицательные коннотации [Вольф 1985: 178; Телия 1991: 43].

Ф.Н. Гукетлова также отмечает, что «отрицательно-оценочное значение зоометафор встречается намного чаще, так как через него и фиксируется

нарушаемая норма поведения: выделяются типовые стратегии негативной оценки, связанные с умственными способностями, с отношением к труду, к другим людям, к другому этносу, к собственности» [Гукетлова 2009: 123].

«У слова *петух, тюлень* оценочное значение является переносно-образным. Они, как и производные от качественных имён прилагательных *хитрец, ленивец*, имеют предикативное качественно-оценочное значение [Колесникова 2016: 62].

А.В. Кирилина видит причину этого явления в психолингвистическом аспекте: это «связано с особенностью человеческой концептуализации действительности, когда *хорошее* является нормой и не всегда фиксируется в языке, а *плохое* маркировано и отражается в языке чаще как признак отклонения от идеального *хорошего*» [Кирилина 1999: 83].

1.3. Зоосемизмы как особое явление по грамматическим свойствам

Преобразования в процессе вторичной номинации затрагивают также грамматические свойства зоосемизмов.

В настоящей работе мы остановимся на отношениях между значениями грамматического рода и биологического пола у зоосемизмов на фоне мотивирующих их зоонимов. Хотя и зоонимы, и зоосемизмы по своим грамматическим признакам являются одушевлёнными существительными, «они относятся к разным лексико-грамматическим классам существительных, противопоставленным по признаку не-лицо — лицо. Неличные существительные и личные существительные по-разному охарактеризованы в отношении грамматического рода и по отношению родовых форм к биологическому полу» [Цай Сяо-лин 2006: 84].

У личных существительных «в языковой действительности обнаруживается так называемая гендерная асимметрия» [Григорьева, Туран 2016: 154]. Как утверждает немецкая исследовательница М. Хеллингер, «*мужское*, например, в названиях профессий, доминирует в языке и чаще имеет положительную или нейтральную оценку, в то время как *женское* или

игнорируется или обесценивается» [Хеллингер 1999: 92].

М.В. Шульга выявляет двенадцать различий между личными (или лично-мужскими) существительными и зоонимами [Шульга 2017: 44]. Она показывает, что в процессе метафоризации у зоосемизмов происходит переосмысление отношений между грамматическим родом и биологическим полом, зоосемизмы адаптируются в кругу личных существительных, при этом результаты и степень адаптации наблюдаются разные.

Наиболее близкую личным существительным модель составляют пары зоонимов с охарактеризованной по биологическому полу формой женского рода типа *лев — львица, волк — волчица, осел — ослица, телок — тёлка*. В таких парах зоонимов форма мужского грамматического рода может употребляться и как название самца, и как общее наименование вида, то есть безотносительно к полу: *львы, волки, ослы, телки*. Производная форма женского грамматического рода на *-а* именуется только самку.

При вторичной номинации подобные зоосемизмы могут сохранять родо-половые отношения мотивирующих зоонимов. Например, *осел — ослица* или *ослиха*.

Зооним *осёл*: *осла, м.* ‘Непарнокопытное сем. лошадиных, невысокое, с большой головой и длинными ушами’ [РСС: 90]. *Ослица* и *ослиха*: *ж.* ‘Самка осла’ [РСС: 90].

Зоосемизм *осёл*: *осла, м.* ‘Дурак, упрямый глупец’. *Ослица* и *ослиха*: *ж.* ‘Глупая и упрямая женщина’ [РСС: 90] и т. д.

Аналогично представлены в словарях отношения в паре *волк — волчица*:

Зооним *волк*: *-а, м.* ‘Хищное млекопитающее сем. волчьих’ [РСС: 409]. *Волчица / волчиха*: *ж.* ‘Самка волка’ (*разг.*) [РСС: 412].

Зоосемизм *волк*: *-а, м.* ‘О недружелюбном, враждебно настроенном человеке’; *Волчица*: ‘Женск. к волк’ [СОС: 31].

В парах *осел — ослица* или *ослиха, волк — волчица* сохранены не только грамматические, но и семантические соответствия между зоонимами и зоосемизмами. Однако в некоторых парах при вторичной номинации

семантическая соотносительность не сохраняется. Так, в нашем материале зоосемическое значение отражено только у зоонима мужского грамматического рода *кот*; *кошка* фиксируется только как зооним.

Кот: -а, м. 2. перен. 'Похотливый сластолюбец' (прост. пренебр.) [РСС].

Кошка: -и, ж. 'Самка домашнего кота' [РСС].

Более радикальная степень адаптации зоосемизмов в кругу личных существительных наблюдается, например, в паре *козёл* — *коза*. У мотивирующих зоонимов маркированной по биологическому полу формой является форма мужского грамматического рода: *козлы* — это самцы, а *козы* — название самок и общее название вида, независимо от биологического пола. В процессе вторичной номинации зоосемизм женского грамматического рода стал маркированным по признаку биологического пола (*коза* — только девочка или женщина), как это характерно для личных существительных. Зоосемизм мужского грамматического рода употребляется по отношению к мужскому и женскому полу (*козёл* — 'человек...').

Зооним *козёл*: -зла, м. 'Самец домашней (а также дикой) козы'. *Коза*: -ы, ж. 'Самка домашнего (а также дикого) козла'; *коза*: мн. 'Одомашненный вид козлов' [РСС: 419].

Зоосемизм *козёл*: -зла, м. 'Человек, сделавший другому что-то плохое, поступивший нечестно' и т. д.; *коза*: -ы, ж. 'О непоседливой, непослушной и назойливой девочке или молодой женщине' [СОС: 78].

При вторичной номинации здесь меняются не только отношения между грамматическим родом и биологическим полом. Зоосемизмы также разошлись семантически: *козёл* и *коза* имеют разные характеризующие значения [Шульга 2017: 46].

Способы адаптации зоосемизмов среди названий лиц характеризуются нерегулярностью и индивидуальностью. «Некоторые зоосемизмы утратили соотносительность родовых форм по биологическому полу. При употреблении в зоосемическом значении формы мужского и женского рода не

составляют родополовой оппозиции. Форма мужского рода и форма женского рода нейтральны по отношению к полу — могут относиться и к женщине, и к мужчине (не маркированы)» [Шульга 2017: 45]. Так словари характеризуют отношения в парах зоосемизмов *лис* — *лисица*, *лис* — *лиса*.

Необходимо отметить ещё одну важную особенность зоосемизмов в качестве названий лиц на фоне зоонимов. У названий лиц различают морфологический род (он определяется по типу склонения) и синтаксический род (он определяется по формам согласования) [Зализняк 2002: 73; Шульга 2017: 42]. У зоонимов, как и у всех неличных имён, формы согласования соответствуют родовым формам словоизменения. Особенность зоосемизмов состоит в том, что у них морфологический род и синтаксический род могут не совпадать, как это свойственно личным существительным типа *мужчина*, *подмастерье* (*этот мужчина*, *этот подмастерье*).

Например, зоосемизмы общего рода (в словарях с грамматической пометой *м.* и *ж.*) *малявка*, *прилипала* – это женский морфологический род (Р. ед. *малявки*, *прилипалы*), но мужской или женский синтаксический род в соответствии с биологическим полом: *он настоящий / настоящая малявка, прилипала; она настоящая малявка, прилипала*. Как эти разные синтаксические свойства отражаются в формах согласования, видно из следующих примеров.

В неличном значении ('липкое тесто') согласование соответствует женскому морфологическому роду:

Ты это чего, ты куда это лезешь, прилипала противная! — закричал Пулькин и начал ложкой запихивать тесто обратно в кастрюлю. (Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина, 1995 – НКРЯ).

В значении лица женского пола согласование осуществляется по женскому роду:

Именно тебя, мальчик будущего, и должна увидеть моя Прилипала. – А кто же она – Прилипала? — Да моя младшая дочь. (Евгений Велтистов. Миллион и один день каникул, 1979 – НКРЯ).

...*Почти все свободное время этот мальчик возжжася с **пятилетней прилипалой**, не обращая внимания на издевки сверстников, — часами возил **Верку** на багажнике...* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)].

В значении лица мужского пола предикативное и атрибутивное согласование осуществляется преимущественно по мужскому роду:

*Уважаю, — пересохшим тенором **ответил прилипала**.* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы, 2008-2009 – НКРЯ).

*Жириновский, **талантливый "прилипала власти", многоцветный**, как хамелеон, выходит на выборы с требованием национализации крупных корпораций, имея в виду "ЮКОС".* [Александр Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко // «Завтра», 2003.08.06].

Но у названий лиц мужского пола возможно также атрибутивное согласование по женскому роду:

*— Знаешь, что у **него** на повязке? — громко спросил Максим у Тани. — «ПП» — **подлая прилипала**.* [Владислав Крапивин. Болтик (1976)]

Таким образом, у зоосемизмов отношения между грамматическим родом и биологическим полом меняются в процессе метафоризации. Для этих изменений характерны нерегулярность и индивидуальность. У зоосемизмов, обозначающих лиц мужского пола, могут формироваться особые синтаксические связи (синтаксический род), не соответствующие морфологическому роду.

С этих позиций Цай Сяо-лин анализирует восемь различающихся по роду номинаций: *ворон – ворона, зверь – зверюга, скот – скотина, змей – змея, жираф – жирафа, скот – скотина, гад – гадина, гад – гадюка* по характеру осуществления процессов вторичной номинации [Цай Сяо-лин 2006]. Ш.А. Алексеева анализирует гендерный аспект зооморфных образов на материале русского и английского языков [Алексеева 2010].

Таким образом, в ряду личных существительных зоосемизмы в целом остаются особым явлением по функции в речи и по грамматическим

свойствам, что составляет теоретический и практический интерес их изучения.

1.4. Зоосемизмы по отношению к их семантическим производящим

Далее мы более подробно остановимся на семантических аспектах разграничения зоосемизмов и зоонимов. Мы рассматриваем семантические преобразования в процессе вторичной номинации в двух аспектах. В вертикальном аспекте – зоосемизмы по отношению к их семантическим производящим. В горизонтальном аспекте – разграничение зоосемизма (метафоры) и зоонима в составе фразеологических единиц, в том числе в составе сравнительных конструкций.

Известно, что значение языкового выражения состоит из трёх компонентов: денотативный, сигнификативный, прагматический. Денотативное значение языка отражает мир вещей, независимо от сознания и воли человека, оно объективное. А сигнификативное значение и прагматическое значения содержат в себе субъективный элемент, они связаны с восприятием этого мира. При этом прагматическое значение характеризуется оценочностью и эмоциональностью [Кобозева 2019: 85].

Соответственно, можно разделить значение зоонима на три слоя. Первый слой – это обыденное значение, название того или иного животных. Например, зооним *заяц*: ‘Небольшой зверёк отряда зайце-образных с длинными ушами и сильными задними ногами, а также густой и мягкий мех такого животного’ [РСС: 428]. Второй слой – это мифологическое значение, связывающееся с исходным культурно-историческими ассоциациями. Например, зооним *заяц* в сказке представлен с признаком ‘трусость’, хотя на самом деле он не является самым трусливым животным в мире. Обычно мы можем найти такие ситуации в фольклоре. Внешний слой – это стереотипное значение, т. е. мы описываем характер человека с помощью метафорического значения зоонима. Например, зоосемизм *змея*: ‘злой и коварный человек’ [РСС: 117].

С этих позиций «зоосемизм является метафорическим дериватом зоонима, образующимся в результате семантического переноса, отражающего общую когнитивную антропоцентрическую тенденцию процесса метафоризации, согласно которой перенос наименований предметов и явлений окружающей среды осуществляется на человека» [Гаврилюк 2013: 136–140]

Первоначально термин *семантическая деривация* употребляется только в области словообразования. Д.Н. Шмелев использует его в семантическом плане [Шмелев 1964]. В.Г. Гак в процессе сопоставительного анализа французского языка с русским отметил, что в обоих языках прямое и переносное значения одного слова не разделены внешней формой. В.Г. Гак называет это «семантической конверсией» [Гак 1966: 119].

Позднее многие исследователи обращаются к понятию семантическая деривация [Земская 1973; Мельчук 1999]. «Семантическая деривация предстаёт как частный случай обычной лексической деривации – словообразования» [Апресян 1974: 187]. «В самом деле, семантическая деривация отличается от словообразования только тем, что не требует формальных показателей» [Падучева 2004а: 147].

По словам Е.В. Падучевой, все значения слова составляют парадигму. Семантическая деривация представляет собой следствие регулярной многозначности, как динамическая модель многозначности]. «Модель семантической деривации — это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования исходной» [Падучева 2004а: 149]. Предполагается, что, во-первых, во множестве лексем многозначного слова можно найти корневую лексему, по отношению к которой «все остальные являются её прямыми или опосредованными семантическими дериватами». Во-вторых, «исчислить модели семантической деривации, порождающие производные значения из исходных». При этом «одни и те же деривации должны повторяться в разных словах — что и служит доказательством существования моделей» [Падучева 2004а: 149].

Соответственно, в нашей работе «корневая лексема» – это значение зоонима (название животного), «модель семантической деривации»: животное → человек.

1.5. Зоо-номинации в сравнениях и в метафорах

Мы остановимся на некоторых аспектах отношений между сравнением и метафорой, актуальных для нашего исследования.

По поводу отношений между сравнением и метафорой исследователи рассуждают со времен Аристотеля: «Сравнение — тоже метафора, так как между тем и другим незначительная разница» [Аристотель 2000: 119].

Однако в XX веке мнение Аристотеля о соотношении метафоры и сравнения было поставлено под сомнение. Э. Ортони полагает, что «тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения, — если это факт — не значит, что метафоры являются сравнениями» [Ортони 1990: 213]. В.П. Москвин обобщает, что «теорию эллиптического сравнения следует понимать лишь как объяснение деривационных отношений метафоры и сравнения, а не в общепринятом семантически отождествляющем смысле» [Москвин 2006: 53].

Исследователи с разных аспектов рассматривают различия между сравнением и метафорой. С позиций логики Блэк отмечает, что «главное возражение против сравнительной точки зрения заключается в том, что она страдает расплывчатостью, граничащей с бессодержательностью» [Блэк 1990: 162]. Дж. Сёрль выдвигает два положения, доказывающих, что метафора отличается от сравнения. «Во-первых, существует множество метафор, не основанных ни на каком буквальном сходстве, которое бы адекватно объясняло метафорическое значение высказывания» [Сёрль 1990: 329]. Во-вторых, «теория сходства ничего не говорит нам о том, как находить те основания сходства или те сходства, которые метафорически подразумевал говорящий» [Там же].

В подпунктах 1.5.1-3 мы рассматриваем различия сравнения и

метафоры в аспекте семантики, в аспекте внутренней формы; в аспекте структуры особо останавливаемся на проблеме разграничения бессоюзных сравнений и метафор.

1.5.1. Сравнения и метафоры в аспекте семантики.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что «для сравнения характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление» [Арутюнова 1990: 27]. Например: *ест как свинья, гадит как свинья, испачкался как свинья*. Кроме того, «если сравнение указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является оно постоянным или преходящим, действительным или кажущимся, ограниченным одним аспектом или глобальным, то метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счёте его постоянный признак» [Арутюнова 1999: 354].

«Сравнение — ораторский приём, слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета (явления, события, персонажа и др.) другому, одной ситуации — другой, нередко связывающее их словами «как», «как будто», «вроде» и т. п.» [Кузнецов 2014: 553]. «Метафора — всякое иносказание, употребление слова или выражения в переносном смысле по сходству или по контрасту». [Кузнецов 2014: 550]. То есть метафора не сводится к простой замене смысла, она является изменением смыслового содержания слова.

Г.Н. Складаревская обобщает три главные несовпадения и несоответствия между сравнением и метафорой: «1. Сравнение не имеет семантически соответствующей метафоры; 2. Метафора не поддержана соответствующим сравнением; 3. В метафоре и сравнении реализуются разные признаки» [Складаревская 2017: 15].

Эти положения Г.Н. Складаревской мы применяем к нашему зоосемическому материалу и проиллюстрируем различия между сравнением (зоонимом) и метафорой (зоосемизмом).

1) У зоонима в сравнении не имеется семантически соответствующего зоосемизма. Признаки зоонима и зоосемизма частично совпадают, но зооним при названии лица имеет не свойственные зоосемизму характеризующие значения.

Например, зоосемизм *собака* обозначает ‘злой и грубый человек’ [РСС: 117]. В словаре Л.В. Дуличенко: ‘скверный, подлый человек’ [СОС: 178]. Есть, конечно, соответствующий сравнительный оборот: *злой как собака; скверный как собака*. При этом имеются значения, не актуализированные у зоосемизма *собака*, но актуализированные сравнительных оборотах с зоонимом *собака*:

Но по существу, у неё только больные, которые смотрят, как собака Найда (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002 – НКРЯ).

Возле своего дома Анна опять обернулась. Женщина шла следом, как собака. (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002 – НКРЯ).

— *Отвяжись, отвяжись, у меня родина осталась за десять тыщ вёрст отсюда, душа по ней изболелась, я труд про рыбу сочиняю, устал как собака...* (Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000 – НКРЯ).

— *Можно я её возьму на минутку? — вежливо спросила Дуня, умная, как собака (семь языков и высшая математика).* (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996 – НКРЯ).

Он как собака спал у нас под столом... как последний шелудивый пёс... (В. П. Катаев. Алмазный мой венец, 1975 – НКРЯ).

Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1, 1929 – НКРЯ).

Здесь били меня с малых лет как собаку. И прав человека никто не давал (Виктор Пелевин. S.N.U.F.F, 2011– НКРЯ).

Целую тебя, муничка, крепко и доченок больных, и очень мне кисло и грустно жить как собака... без семьи (Лидия Вертинская. Синяя птица любви, 2004– НКРЯ).

Зоосемизм *корова* обозначает ‘Толстую и неповоротливую женщину’ [РСС: 332]. Есть соответствующие сравнительные обороты: *толстый или неповоротливый как корова*. При этом имеются значения, не актуализированные в зоосемизме *корова*, но актуализированные в характеризующих человека сравнительных оборотах с зоонимом *корова*:

Катю он держал за плечо, не отпуская, и она млела под рукой, как корова (Людмила Улицкая. Пиковая дама, 1995 – НКРЯ).

Реву, как корова ненормальная. (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда», 1980 – НКРЯ).

Она спокойно вбирала в себя мир, как корова зелёный луг, и это сводило меня с ума (Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002– НКРЯ).

Я подымаю бокал в сердце Кремля, желаю вам счастья и повторяю слова запорожцев в адрес Екатерины Великой: Будь здорова, как корова, плодovitа, как свинья, и богата, как земля!» (Александр Проханов. Господин Гексоген, 2001– НКРЯ).

Приведённые примеры показывают, что, в отличие от метафоры, сравнение характеризует одно понятие посредством другого «на основании сходного, очевидного и бесспорного признака» [Скляревская 2017: 16]. «В сравнении нет семантической аномалии, которая характерна для метафоры» [Там же].

2) Значение зоосемизма не поддержано соответствующим зоонимом в сравнении.

Значения зоонима и зоосемизма частично совпадают, но зоосемизм имеет дополнительные значения. Например, у зоосемизма *бык* имеется значение: ‘грубый, жестокий человек’ [СОС: 27], но не отмечено узуальных сравнений: **грубый как бык*, или **жестокий как бык*.

У зоосемизма *кляча* имеется значение: ‘исхудалый, немощный человек’ [РСС: 332] ‘О худом, еле стоящем на ногах человеке’ [СОС: 77]. Но не отмечено узуальных сравнений **исхудал* или *худой как кляча*.

У зоосемизма *коза* имеется значение: ‘непослушная и назойливая

девушка' [СОС: 78]. Но нет узуальных сравнений **непослушная* или *назойливая как коза*.

У зоосемизма *птица* имеется значение 'непонятный человек' [РСС: 68]. Но нет узуального сравнения **непонятный как птица*.

3) У зоосемизма и у мотивирующего его зоонима в составе сравнения реализуются разные признаки.

Значения зоонима и зоосемизма не имеет совпадающей части. Например, зоосемизм *волк*: 'недружелюбный, враждебно настроенный человек' [СОС: 31]. Но нет сравнений **недружелюбный как волк* или **враждебный как волк*. Имеются следующие узуальные сравнения, в которых реализованы признаки, не характерные для зоосемизмов: *бежать как босой волк*, *беситься как босой волк*, *ворваться как волк в кошару*, *выть как бурый волк*, *глотать как волк*, *жрать как волк*, *смотреть как волк*, *жить как волк*, *как ленивый волк*, *красться как волк*, *работать как бурый волк*, *наедаться как волк*, *здоровый как волк*, *тосковать как волк*, *сидеть как волк*, *скрытый как волк*, *обхватать что как волки* и т. д. [Мокиенко, Никитина 2008: 108].

Зоосемизм *гусь*: 'ловкач и мошенник' [РСС: 110]; в словаре Л.В. Дуличенко: 'ненадёжный или плутоватой человек' [СОС: 43]. Но зооним *гусь* в сравнениях реализует другие признаки: *друзей у кого как гусей около мякны*, *посадить кого как гусей на воз*, *гомонить как гуси*, *плыть как гуси за кем*, *сохраняться как гуси в шайке*, *бос как гусь*, *вытянуть шею как гусь*, *глупый как гусь*, *гоготать как гусь*, *идти / ходить как гусь*, *как гусь щипнёт*, *муж без жены – как гусь без воды*, *на словах – как гусь на воде*, *написать на что как гусь на мякыну*, *не лапчат гусь – не переплывёшь*, *попасть как гусь в кашу*, *смотреть на кого, что как гусь на молнию*, *стрясти беду как гусь воду*, *хлебать воду как гусь*, *чуткий как гусь* и т. д. [Мокиенко, Никитина 2008: 158].

Зоосемизм *лев* имеет значение 'человек высшего света, пользующийся в нём большим успехом' [РСС: 137]. Но зооним *лев* выявляет в сравнении иные значения: *большой как лев*, *бросаться на кого / куда как лев*, *защищать*

кого, что как лев, зевать как лев, злой как лев, работать как лев, рычать как лев, свиреп как раненый лев, сильный как лев, следить за кем как лев, сражаться с кем-л. как лев и т. д. [Мокиенко, Никитина 2008: 338].

Есть случаи, когда значения зоосемизма и зоонима противоречат друг другу. Например, зоосемизм *конь* обозначает ‘человека, не утруждающего себя работой’ [СОС: 82]. Но зооним *конь* имеет противоположное значение: ‘человек, занимающийся тяжёлой работой’. Отмечены следующие сравнения: *буровить как конь, вкладывать как конь, как конь загнанный, как ломовой конь, лютая как конь, работать как конь* [Мокиенко, Никитина 2008: 284]. Так же в словаре Козловой: *кто-л. работает как конь* – ‘трудолюбивый’ [Козлова 2001: 56].

Зоосемизм *медведь* обозначает ‘неловкий человек’ [РСС: 105; СОС: 101]. Зооним *медведь* в составе сравнения имеет противоположное значение: ‘ловкий человек’. Зооним *медведь*: *баской как медведь*: ‘красивый, ладный; ловкий, быстрый, резвый; вежливый, приветливый’ [Мокиенко, Никитина 2008: 383; ЯОС I: 40]. Также *кто-л. (обычно о детях) лазают как медвежата* – ‘очень ловко’ [Козлова 2001: 43].

Кроме того, зоонимы в составе сравнения представлены гораздо шире, чем в метафорических значениях. Например, зооним *собака* в русской народной речи, «(если учесть данные диалектной речи и фольклорный материал, извлечённый из сборников русских пословиц и поговорок) может насчитывать свыше 60 устойчивых сравнений» [Мокиенко 2001: 41]. При этом они активно употребительны и в литературном языке: *голодный как собака, устал как собака, замёрз как собака, бегать как собака, верный как собака, заживать как на собаке, как собак нерезаных, ревнивый как собака* и т. д.

Метафорическое значение у слова *собака* (зоосемизм), зафиксированное в РСС, только одно: *Собака*: -и, ж. перен., ‘Злой и грубый человек’ (*прост. презр., также груб. бран.*) [РСС: 117].

Помимо этого, «конкретный зооним в составе сравнения и

омонимичный ему зоосемизм могут нести на себе разную стилистическую нагрузку и разную степень негативной оценки» [Цай Сяо-лин 2006: 62].
Например:

Зоосемизм *корова* даётся с пометами *прост. пренебр.*; также *бран.* [РСС: 332]. А сравнения с зоонимом *корова* приводятся без помет.

Зоосемизм *овца* даётся со стилистической пометой *разг.* А сравнение с зоонимом *овца (заблудшая овца)* – как *книжное*.

1.5.2. Сравнения и метафоры в аспекте внутренней формы.

Далее мы обратимся к разнице внутренних форм сравнения и метафоры. Анна Вежбицкая разграничивает глубинные структуры этих понятий: «Сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть’; метафора – ‘можно сказать, что не..., а ...’. Разница в том, что для метафоры характерно имплицитное отрицание» [Вежбицкая 1990: 145].

В.Г. Гак описывает процесс метафоризации зоонима. В качестве примера он анализирует слово *лиса*. Согласно его мнению, зооним имеют определённый набор сем: «Семантическую структуру слова *лиса* можно представить как сочетание категориальной архисемы А («одушевленное существо»), родовой семы В («животное»), видовой дифференцирующей семы *b1* («животное с определенными биологическими признаками» — *vulpes*), потенциальной семы С (приписываемое лисе качество — «хитрость»)» [Гак 1972: 151]. В частности, семы В и *b1* представляют собой необходимые дифференцирующие семы для структуры зоонима. Но при использовании этого слова для обозначения человека отсутствуют различительные черты В и *b1*. То есть в структуре метафоры в качестве ведущей дифференцирующей семы выступает дополнительная С (хитрость) [Гак 1972: 152].

Отталкиваясь от теории В. Г. Гака, Г.Н. Складарская выводит структуру сравнения и метафоры. Например, структура исходного значения *лиса* состоит из четырёх частей: $Az + R + V + (C)$ [Складарская 2017: 14]. *Az* — живое существо (архисема); *R* — хищник (сема родовой принадлежности); *V*

— рыжая, пушистая (семь видовых признаков); (С) — хитрость (потенциальная сема). Далее автор предлагает структуру сравнения: « $Aa < (2) Az + R + V + (C)$, где [a]— человек, антропос, [$<$] — компаративная связка» [Там же]. Следовательно, структура метафоры более простая: $Aa + C$. «Модель метафоры простая и прозрачная, утверждает определенное качество, характеризующее человека. В отличие от модели метафоры, модель сравнения имеет сложную многочленную структуру, отражающую результат сопоставления двух объектов» [Там же].

Нам представляется, что структура метафоры у Г.Н. Складневской более точна, поскольку элемент А (одушевленное существо) у зоонима и зоосемизма проявляются по-разному: Г.Н. Складневская разделяет его на две части (Aa и Az), Az (у зоонима) – живое существо животное, Aa (у метафоры) – живое существо человек. Кроме этого, в отличие от В.Г. Гака, Г.Н. Складневская пользуется скобками (С), чтобы показать потенциальность оценочного значения у зоонима.

Понятие метафорической модели было введено в работе А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова [Баранов, Караулов 1991]. Авторы анализируют метафору и метафоризацию в когнитивном аспекте с помощью дескрипторной теории. Цель в том, что создать формализованный аппарат для описания и инвентаризации метафор политических дискурсов [Баранов 2014]. А.П. Чудинов в своей монографии предлагает следующее определение: «Метафорическая модель — это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: « $X - \text{это } Y$ » [Чудинов 2003: 70].

В применении к нашему материалу примером метафорической модели будет: «хитрый человек (область цели) – это лиса (область источника); толстая женщина (область цели) – это корова (область источника)».

Что касается сравнения, то А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделяют пять основных моделей внутренних форм идиомы, среди них

модель эксплицитного сравнения.

1) Метонимические модели (во внутренней форме фиксируется часть процедуры, действия, общей ситуации, хотя имеется в виду целое). Например: *ударить по рукам; бить поклоны; памятник поставить* и т. п.

2) Синонимическая модель (в качестве указания на актуальное значение используются два квазисинонима). Например: *целиком и полностью*. В этом ряду ещё есть модель редупликации; модель множества; модель взаимодополняющих подмножеств.

3) Модель пространства (осмыслять как множество точек на поверхности). Например: *на край света, вдоль и поперёк, без конца и без края*. В этом ряду ещё есть модели: иерархическое пространство; неиерархическое пространство; отрицание конечной точки / области пространства.

4) Модели времени (осмысляются как элементы упорядоченного множества). Например: *от зари да зари; от утра до вечера*.

5) Модель эксплицитного сравнения (образная часть семантики идиомы часто основывается на сравнении, эта модель широко представлена в русской идиоматике). Например: *как снежный ком, как по команде, как с куста*. В этом ряду ещё есть: модель притворного сравнения; модель семантически немотивированного фонетического уподобления; модель несуществующей части объекта [Баранов, Добровольский 2009: 23].

Зоонимы в модели эксплицитного сравнения выявляются преимущественно со сравнительными союзами *как* и его структурными эквивалентами. Например, в «Большом словаре русских народных сравнений» зооним *волк* представлен в сравнительных оборотах с союзом *как*:

Скрытый как волк: ‘Об очень скрытном, коварном, хитром человеке’ (сиб. неодобр.) [Мокиенко, Никитина 2008: 110].

Здоровый как волк: ‘Об очень здоровом человеке’ (ирк. шутл.) [Там же: 109].

Одна что волк: 'Об очень одинокой, нелюдимой и угрюмой женщине' (пск. неодобр.) [Там же: 110].

Один как волк: 'Об очень одиноком, нелюдимом и угрюмом человеке' (брян., пск. неодобр.) [Там же: 110].

1.5.3. Бессоюзные сравнения и метафоры.

Сравнение может быть выражено союзными средствами (эксплицитно), а также бессоюзными средствами: именем существительным в форме творительного падежа, именем существительным в форме родительного падежа, в форме приложения. В случае бессоюзного сравнения возникает проблема разграничения зоонимических и зоосемических значений.

Название животного в творительном падеже в функции сравнения характеризуется как носитель предикативного признака: *выть волком, смотреть волком, глядеть волком, поскакать козой, заблеять козой*. Внутренняя форма: *выть как волк; смотреть как волк, глядеть как волк; поскакать как коза; заблеять как коза*.

Приведем примеры из материалов НКРЯ.

*Так оно вроде, знаешь, все одно и то же, хоть **волком вой*** (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001 – НКРЯ).

*Там, в районе, — ни одной спокойной ночи, местное начальство **волком смотрит**, прокурор отшивыривает обвинительные заключения, по сущим пустякам отправляя дела на доследование* (Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997– НКРЯ).

*Никита сидел красный и **волком глядел** вокруг* (В.В. Вересаев. В степи, 1901– НКРЯ).

*Две бабульки, тащившиеся через проспект, с воплем отскочили в сторону, а затем, проявив несвойственную для их возраста прыть, **козами поскакали** вперёд* (Донцова Д. А. Камасутра для Микки-Мауса, 1983 – НКРЯ).

Поднялся шум, ряды учащихся смешались, кто-то запустил булкой в портрет царицы, а первоклассники, обрадовавшись возможности

безнаказанно пошуметь, дико завыли котами и заблеяли козами (А.П. Гайдар. Школа, 1929 – НКРЯ).

Для инофонов особенно трудно разграничить сравнения и метафоры, когда оба они имеют одну и ту же падежную форму. Мы обнаружили следующие примеры, в которых представлены зоонимы и зоосемизмы в форме творительного падежа.

Бессоюзное сравнение с внутренней формой: буду как птица (вольная, свободная):

*Может, это был мой детский эгоизм — я понимала, что папа всегда занят и что я буду у него **вольной птицей*** (Галина Волчек. «Верю во взаимность во всем, не только в любви» // «Огонек», 2013 – НКРЯ).

Внутренняя форма метафоры: Франческо – это лев и лиса:

*Но если Франческо, по выражению поэтов, в одно и то же время **был львом и лисицей**, то сын его унаследовал от отца и приумножил только лисью хитрость без львиного мужества* (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи, 1901– НКРЯ).

Внутренняя форма зоосемизма: Он – это лев (важный человек):

*Положительно, он **был львом** бала, и Александра Васильевна отчаянно кокетничала с ним, то есть капризничала, надувала губки, хлопала его платком по руке, делала вид, что ей ужасно противно его ухаживание, и, вся розовая, звонко хохотала, откидываясь назад и блестя свежими тёмными глазками* (А.И. Куприн. Мелюзга, 1907 – НКРЯ).

Приведённые примеры показывает, что у зоонима и зоосемизма разные внутренние формы, но могут совпадать способы выражения. При этом метафора (зоосемизм) выражает устойчивые и сущностные свойства объекта. После связки русская метафора «предпочитает им. п. творительному, обозначающему состояние или переменный признак: *Командир наш был орёл (орлом)*. Твор. п. (метафоры) используется тогда, когда на признак наложен предел, обычно в стереотипных метафорах (*Не будь свиньёй; Каким я был ослом*)» [Арутюнова 1997: 234]. В отличие от метафоры, сравнение

«выявляет любое – постоянное или преходящее – сходство (или его отсутствие)» [Там же].

Кроме творительного падежа, бессоюзное сравнение может быть выражено именем существительным с родительным падежом: *взгляд тигрицы, повадка тигрицы, ярость тигрицы, глаза тигрицы*. Например:

*Ирина смотрела на неё **взглядом тигрицы**, готовой прыгнуть на жертву и вцепиться ей в горло* (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке, 1984 – НКРЯ).

*...А на главную роль Олег Николаевич назначил не кого-нибудь, а одну из своих приближенных прим Татьяну Лаврову, великоленную актрису, с глазами лиловыми, как у таксы, и с **повадкой** усталой **тигрицы*** (Николай Климонтович. Далее — везде, 2001– НКРЯ).

*Я всегда покрывала тебя, защищала с **яростью тигрицы**...* (Ю.М. Нагибин. Когда погас фейерверк, 1972 – НКРЯ).

*Тут Вера Ивановна выходила из себя и со сверкающими **глазами тигрицы** убегала от него в другую комнату, прося гостей засадить мужа за карты, что только и избавляло её от этих страстных супружеских излияний* (В.А. Шомпулев. Мой роман, 1897-1908 – НКРЯ).

Приведённые примеры содержат сравнения, выраженные именем существительным в родительном падеже. В таком случае зооним охарактеризован как определение. Данные структуры синонимичны соответствующим союзным сравнительным структурам: *взгляд как у тигрицы, повадка как у тигрицы, ярость как у тигрицы, глаза как у тигрицы*.

Что касается метафоры, «родительный падеж определяет денотативную отнесённость метафоры. Он не употребителен при личном субъекте. Этого типа метафора распространена в романских языках» [Арутюнова 1997: 234].

Имеются конструкции без связки, в которых образ сравнения занимает позицию предиката. «Такая метафора традиционно рассматривается как сокращённое сравнение. Из неё исключены предикаты подобия (*похож, напоминает*) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно*)

и др.)» [Арутюнова 1997: 234]. По мнению Н.Д. Арутюновой, основным признаком метафоры — её семантическая двойственность [Арутюнова 1997: 234]. Случаи «*Собакевич — настоящий медведь*, имя *медведь* относят одновременно и к классу животных, и к конкретному человеку».

Мы рассматриваем подобные употребления как зоосемические:

— *Можно подумать, что вы такой уж новичок, — укорил Борис Платонович, ловко передвигая каретку. — Невинный агнец...* [Еремей Парнов. Александрийская гемма, 1990 – НКРЯ).

В их числе рассматриваем и конструкции с отрицательной частицей *не*:

Она может и не агнец. Но если я в роли жены, на её моральные качества мне трижды наплевать – я ж не с ней живу, а с мужем [Женщина + мужчина: Брак, 2004 – НКРЯ).

— *У тебя нет людей: сплошные козлы и свиньи!* (Александр Силаев. Подлое сердце родины, 2007 – НКРЯ).

Имеется также исключительные случаи. Например, по значению равноценны сравнительной конструкции приложения типа: *мамы-тигрицы*, они синонимичны сравнительным оборотам типа: *мамы как тигрицы*:

Бывает, что такие мамы-тигрицы... мамы-самки... кажутся опасными даже мужу... (Женщина + мужчина: Брак, 2004 – НКРЯ).

Такие случаи в научной литературе рассматриваются не как сравнение, а как метафора [Арутюнова 1979: 234]. При этом зоосемизм выполняет характеризующую функцию [Там же].

Таким образом, мы разграничили зоонимы в сравнении и зоосемизмы в семантическом аспекте. В структурном аспекте мы показали различия внутренних форм зоонима (сравнения) и зоосемизма (метафоры) и их способов выражения.

1.6. Зоонимы в составе фразеологических единиц и зоосемизмы²

Наиболее характерные расхождения в понимании границ между зоонимами и зоосемизмами в научной литературе связаны с зоонимациями в составе фразеологических единиц. Опыт нашего исследования обнаруживает, что эта проблема имеет и практический аспект: наиболее часто у китаеязычных лексикографов и изучающих русский язык отмечаются проблемы, связанные с разграничением по значению зоонимов и зоосемизмов. В предыдущем разделе мы остановились на частном и специфическом случае этой проблемы – зоонимы в структуре сравнения и зоосемизмы. Далее мы рассматриваем эту проблему в более широком фразеологическом контексте.

По образному определению Е.В. Падучевой, «фразеология — бедная родственница метафоры и вынуждена довольствоваться лишь мелкими подачками» [Падучева 2004б: 202].

Д.О. Добровольский рассматривает системность идиоматических единиц и отмечает её своеобразие на фоне лексики. Несмотря на то, что идиоматике, как и лексике, свойственна регулярная многозначность, не для всех конкретных идиомов можно предсказать направление семантического развития, как в лексике (автор называет это «грамматикой лексики»). Поэтому идиомы он характеризует как «штучный товар» [Добровольский 2004: 87].

Для целей нашего исследования принципиально важным является разграничение собственно зоосемических (метафорических) и зоонимических характеризующих значений. Зоонимы с характеризующими значениями широко представлены в относительно устойчивых сочетаниях лексем разного типа: во фразеологизмах, в сравнениях, поговорках, пословицах.

² При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: Ли Имо 2021 – *Ли Имо. Зоосемизмы и зоонимы в составе фразеологических единиц // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки*, 2021, № 3/2. С. 137–143.

Далее мы эти устойчивые сочетания рассматриваем не дифференцированно. Мы следуем за сформировавшейся лексикографической традицией и рассматриваем их как зоонимы в составе фразеологии. Такое широкое понимание фразеологии представлено, например, в словаре Т.В. Козловой: «Под фразеологической единицей понимается воспроизводимое, относительно устойчивое сочетание лексем, как правило, обладающее целостным значением и экспрессивностью» [Козлова 2001: 7]. В перечень фразеологизмов с зоонимами (в индекс словаря) включены не только собственно фразеологизмы, но также сравнительные обороты и пословицы. Например: *здоровый как бык; сорока на хвосте принесла*.

В «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой насчитывается 2000 фразеологизмов, они содержат 283 названия животных [Козлова 2001: 2].

Известно, что фразеологически связанное значение слова отличается от его свободного значения, так же не совпадает значение зоонима и зоосемизма. Наше исследование показало, что степень этого несовпадения бывает разной.

Наша следующая задача состоит в сопоставлении характеризующих значений зоонимов в составе фразеологизмов и зоосемизмов. Из 162 зоосемизмов, выявленных нами в РСС и СОС, только 45 зоосемизмов (28 %) имеют соотносительные зоонимы в словаре Т.В. Козловой.

Отношения между метафорическим и фразеологическим значениями зоонимов различны. При сопоставлении нашего зоосемического материала с материалами «Идеографического словаря русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой мы встречаемся со следующими тремя типами ситуаций.

(1) У зоосемизма при метафоризации может быть актуализирована часть характеризующих признаков, ассоциирующихся с соответствующим зоонимом в составе фразеологизмов.

(2) Помимо части признаков, характерных для зоонима во фразеологии,

у зоосемизма может быть актуализирован дополнительный характеризующий признак или дополнительные признаки.

(3) Зоонимы во фразеологии и зоосемизм могут различаться характеризующими признаками, эти признаки могут даже противоречить друг другу.

К первому типу относятся 14 зоосемических единиц: у зоосемизмов *гусыня, зверь, змея, кобель, корова, лиса / лисица, осёл, петух, попугай, сорока, червь, ягнёнок, индюк, кот* при метафоризации может быть актуализирована часть характеризующих признаков, ассоциирующихся с соответствующим зоонимом в составе фразеологизмов.

Например, образы зоонима *змея* во фразеологизмах включают следующие «наиболее устойчивые характеристики и смысловые аспекты»: ‘некрасивый, неприятный, мудрый, с плохим характером, злой, жестокий, хитрый, лживый, подхалим, лицемерный, коварный, неблагодарный’ [Козлова 2001: 9]. У зоосемизма *змея* актуализирована часть этих признаков: ‘злой и коварный, злобно-язвительный’ [РСС: 117]. Так же в словаре Л.В. Дуличенко: ‘злой и коварный, хитрый’ [СОС: 65].

Образ *корова* ассоциируется во фразеологизмах с представлениями: ‘большеглазый, неуклюжий, верзила, толстый, плодовитый, одетый без вкуса, легкомысленный, гулящий, похотливый, нерасторопный, бездельник, безответный, тихий, безобидный, плачущий навзрыд, криком, скандалист’ [Козлова 2001: 9]. Зоосемизм *корова* характеризует человека по некоторым из этих признаков: ‘толстый, неповоротливый’ [РСС: 332].

Зооним *осёл* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘тощий, костлявый, глупый, покорный, упрямый, несговорчивый, ленивый, работающий’ [Козлова 2001: 10]. У зоосемизма *осёл* актуализированы некоторые из этих признаков: ‘упрямый, глупый’ [РСС: 90; СОС: 121].

Образ *сорока* ассоциируется во фразеологизмах с представлениями: ‘с конопатым, веснушчатым лицом, болтливый, сплетник, неблагодарный, вор’ [Козлова 2001: 10]. У зоосемизма *сорока* актуализирована часть этих

признаков: ‘болтливый’ [РСС: 121; СОС: 181].

Ко второму типу относятся 10 зоосемических единиц: у зоосемизмов *бык, боров, голубь, кляча, коза, ласточка, лошадь, пава, птица, сокол* при метафоризации может быть актуализирован дополнительный характеризующий признак или дополнительные признаки.

Зооним *бык* во фразеологизмах включает следующие признаки: ‘крепкий, здоровый, сильный, с короткой, сильной шеей, выносливый, обжора, недовольный, упрямый’ [Козлова 2001: 8]. Зоосемизм *бык* характеризует человека по некоторым из этих признаков, но у него есть также другие признаки: ‘упрямый, сильный, здоровый – грубый, жестокий’ [СОС: 27].

Зооним *коза* отражает во фразеологии представления: ‘подвижный, бегущий скачками, быстрый, лёгкость движений, с бестолковыми движениями, усталый, измождённый, нелюдим, зазнайка, незначительный, бесполезный, упрямый, бездельник, подражать, ломаться’ [Козлова 2001: 9]. Зоосемизм *коза* характеризует человека по части этих признаков, но также по дополнительному признаку: ‘непоседливый – непослушный и назойливый, молодой’ [СОС: 78].

Зооним *птица* отражает во фразеологии представления: ‘мало ест, быстрый, проворный, свободный, беззаботный, непоседа, одинокий, пугливый, глупый, неопытный, наивный, доверчивый, бывалый, важная особа, незначительный человек’ [Козлова 2001:10]. Зоосемизм *птица* включает некоторые из этих характеризующих признаков, но также и другой признак: ‘важный, неизвестный – непонятный’ [РСС: 68]. В СОС отражается более обобщенный признак, метафорическое значение шире: ‘претендующий на особое положение среди других’ [СОС: 153].

Зооним *сокол* отражает во фразеологии представления: ‘зоркий, видный, красивый’ [Козлова 2001:10]. Зоосемизм *сокол* включает только один из этих характеризующих признаков, но также и другой признак: ‘красивый – сильный; ласковое обращение, доброжелательный’ [РСС: 350].

К третьему типу относятся 12 зоосемических единиц: зоонимы во фразеологии и мотивированные ими зоосемизмы *волк, ворона, гусь, жеребец, кобыла / кобылица, лев, овца, пёс, рыба, сова, трутень, сыч* могут различаться характеризующими признаками.

Образ *волк* связан во фразеологии с представлениями: ‘истощенный, голодный, прожорливый, здоровый, строгий, сердитый, кровожадный, жестокий, коварный, скрытный, бывалый, работающий’ [Козлова 2001: 8]. У зоосемизма *волк* актуализированы иные признаки: ‘недружелюбный, враждебно настроенный’ [СОС: 31].

Образ *ворона* связан во фразеологии с представлениями: ‘чёрный, блестящий, грязный, предвещающий беду, смерть, жадный, алчный, глупый, трусливый’ [Козлова 2001:8]. У зоосемизма *ворона* актуализированы иные признаки: ‘тот, кто упустил свою выгоду, удачу, по рассеянности или недомыслию не сумел воспользоваться чем-н. [РСС: 104]. В СОС: ‘рассеянный, невнимательный’ [СОС: 32].

Образ *жеребец* во фразеологии ассоциируется с признаками: ‘громко смеяться, неуклюже танцевать’ [Козлова 2001: 8]. У зоосемизма *жеребец* актуализированы признаки: ‘здоровый, сильный, крепкого сложения, избегающий тяжёлой работы’ [РСС: 332].

Зооним *лев* в фразеологизме ассоциируется с признаками: ‘смелый, злой, свирепый’ [Козлова 2001: 9]. Зоосемизм *лев* отражает только положительный признак: ‘человек высшего света’ [РСС: 137].

Кроме того, у зоосемизмов *конь, медведь, телёнок / телок* выявляются противоположные признаки.

Зооним *конь* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘дряхлый, старый, больной, уставший, здоровый, сильный, выносливый, работающий, упорный, сильно храпеть’ [Козлова 2001: 11]. Зоосемизм *конь* включает не только совпадающие признаки, но и противоположные характеризующие признаки: ‘здоровый и сильный – не утруждающий себя работой’ [СОС: 82].

Образ *медведь* во фразеологии ассоциируется с признаками: ‘грязный, лохматый, обросший, ходит переваливаясь, крепко спящий, ловкий, медлительный, неповоротливый, неуклюжий, сильный, смелый, неприкаянный, недовольный’ [Козлова 2001: 9]. У зоосемизма *медведь* отражается часть из этих признаков, но также актуализированы противоположные признаки: ‘неуклюжий – неловкий и невоспитанный’ [РСС: 332]. В СОС: ‘крупный, сильный, грузный и неуклюжий – неловкий’ [СОС: 101].

Зооним *телёнок / телок* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘глупый, угрюмый, мрачный, недовольный, сердитый, вольный, беспомощный, ласковый, неуместно бурно проявляющий чувства, льстец, подхалим, нахальный’ [Козлова 2001: 10]. Зоосемизм *телёнок / телок* включает не только совпадающие признаки, но и противоположные характеризующие признаки: ‘безответный или слишком простодушный, глуповатый – безвольный’ [СОС: 193].

Между РСС и СОС выявляются расхождения в описании метафорических значений зоосемизмов *ишак, кукушка, обезьяна, скотина*.

Зооним *ишак* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘флегматичный, смирный, терпеливый, работающий’ [Козлова 2001: 9]. В РСС зоосемизм *ишак* включает часть этих признаков: ‘безропотно выполняющий самую тяжёлую работу’ [РСС: 96]. СОС указывают иные признаки: ‘упрямый, глупый’ [СОС: 71].

Зооним *кукушка* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘беззаботный, беспутный, непостоянный, одинокий, замкнутый’ [Козлова 2001: 9]. В РСС у зоосемизма *кукушка* отражены иные признаки: ‘женщина, бросившая своего ребёнка, оставившая своих детей’ [РСС: 187]. СОС включает часть этих признаков: ‘легкомысленная’ [СОС: 88].

Зооним *обезьяна* во фразеологии ассоциируется с представлениями: ‘некрасивый, ловкий, кривляющийся’ [Козлова 2001: 10]. В РСС зоосемизм *обезьяна* имеют иные признаки: ‘склонный к бездумному подражанию

другим, гримасник, кривляка' [РСС: 103]. СОС включает не только часть этих признаков, но и другие признаки: 'очень некрасивый, уродливый – гримасничает, кривляется, передразнивает других' [СОС: 117].

Зооним *скотина* во фразеологии ассоциируется с представлениями: 'грубый, похотливый, хам, грубиян' [Козлова 2001: 10]. В РСС зоосемизм *скотина* отражает часть из этих признаков: 'грубый и подлый' [РСС: 119]. СОС включает не только часть этих признаков, но и другие признаки: 'грубый, – низкий' [СОС: 175].

Изученные материалы иллюстрируют регулярные расхождения между ассоциативными признаками зоонимов во фразеологизмах и характеризующими признаками зоосемизмов.

1.7. Основные выводы

1. В современной лингвистике метафора рассматривается как самостоятельный элемент лингвистического анализа в сфере общей семантической теории языка; как компонент человеческого познания – ключ к пониманию основ мышления; как важный элемент национальной языковой картины мира.

Метафора используется для номинации как особый, предикативно-характеризующий, тип лексического значения. Она реализуется в строго закрепленных синтаксических позициях: в сказуемом или составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении.

Зоосемизмы – вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных (зоонимов), – являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации.

2. Понимание терминов *зооним* и *зоосемизм* в научной литературе варьируется, здесь наблюдается синонимия, неоднозначность терминов и омонимия. В ряде работ используются другие термины для обозначения вторичных зоо-номинаций. В том же значении, что и зоосемизм, употребляются термины *зооморфная метафора*, *зоометафора*, *анимализм* и

нек. др.

Некоторые исследователи не видят необходимости терминологически разграничивать прямые и метафорические значения зоо-номинаций и рассматривают те и другие значения как лексико-семантические варианты многозначного слова.

Границу между прямыми и переносными значениями зоо-номинаций проводят по-разному. К метафорическим значениям относят характеризующие значения зоонимов во фразеологизмах, в частности, в сравнительных конструкциях. По отношению к ним широко применяется термин *зооморфизмы*. Собственно зоосемические (метафорические) значения в этой системе могут не выделяться и не иметь особого термина. Распространено также представление зоономинаций как трехступенчатых структур: первичное значение *зооним*; вторичное значение *зоометафора* (в нашей терминологии: зоосемизм); промежуточное фразеологическое значение – *зооморфизм*.

Зоосемической проблематике в научной литературе уделяется большое внимание. Русская зоосемическая проблематика исследуется преимущественно на материале фразеологических единиц и в сопоставительном аспекте. Специальных работ, посвященных системному описанию русских зоометафор, не имеется. Исследования, в которых специально рассматриваются метафорические значения русских зоономинаций, единичны. Эти факты подтверждают актуальность предпринятого здесь системного исследования русских зоосемизмов.

3. Мы рассматриваем зоосемизмы как особые номинативные единицы, исходя из следующих их отличий от мотивирующих их зоонимов: у зоонима и зоосемизма разные денотаты – денотатом зоонима является животное, денотатом зоосемизма является человек; семантика зоонима и мотивированного им зоосемизма регулярно различается – зоосемизмам свойственны характеризующие признаки, у зоонима отсутствующие; зоонимы выполняют номинативные функции, для зоосемизмов характерны

экспрессивная и прагматическая функция (оценочность); зоосемизмы в речи преимущественно стилистически маркированы, в отличие от зоонимов; зоонимы и зоосемизмы могут различаться грамматическими свойствами (по отношению к категории рода и числа).

Мы разграничиваем метафорические значения (зоосемизмы) и зоонимические значения зоо-номинаций в составе фразеологических единиц, исходя из следующих их различий: денотатом зоосемизма является человек, во фразеологии денотатом является животное; лексический состав зоонимов во фразеологизмах и зоосемизмов существенно различается; у большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое зоосемическое значение; большинство зоосемизмов образованы от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов; характеризующие признаки зоосемизмов, как правило, устойчивы; они уже совокупности характеризующих фразеологических значений зоонима; зоонимы во фразеологии и зоосемизмы имеют регулярные различия по характеризующим значениям, эти значения могут даже противоречить друг другу.

4. Зоосемизмы представляют собой особое явление по функции в речи. В процессе вторичной номинации зоосемизмы приобретают коннотации – эмоциональность, оценочность, не свойственные зоонимам.

Исследователи констатируют, что в большинстве своем зоосемизмы имеют отрицательные коннотации и связывают это с особенностью концептуализации действительности, когда хорошее является нормой и не всегда фиксируется в языке, а плохое маркировано, оно отражается в языке как признак отклонения от хорошего.

Как номинации с ярко выраженной эмоциональностью и оценкой зоосемизмы обладают культурно-национальной спецификой и представляют особый интерес в сопоставительном плане.

5. Преобразования в процессе вторичной номинации затрагивают грамматические свойства зоосемизмов. Зоонимы и зоосемизмы относятся к

разным лексико-грамматическим классам существительных, противопоставленным по признаку не-лицо — лицо. В процессе метафоризации отношения между грамматическим родом и биологическим полом меняются. Для этих изменений характерны нерегулярность и индивидуальность.

При вторичной номинации некоторые зоосемизмы могут сохранять родо-половые отношения мотивирующих зоонимов, например, *осел* — *ослица*. Однако в некоторых парах при вторичной номинации семантическая соотносительность не сохраняется. Так, зоосемическое значение отражено только у зоонима мужского грамматического рода *кот*; *кошка* в нашем материале фиксируется только как зооним. В паре *козел* – *коза* при вторичной номинации меняются отношения между грамматическим родом и биологическим полом, они также приобретают разные характеризующие значения.

У зоосемизмов, обозначающих лиц мужского пола, могут формироваться особые синтаксические связи (синтаксический род), не соответствующие морфологическому роду. В ряду личных существительных зоосемизмы также остаются особым явлением и по функции в речи, и по грамматическим свойствам, что составляет теоретический и практический интерес их изучения.

6. Исследователи в разных аспектах рассматривают различия между сравнением и метафорой. В аспекте семантики установлено, что сравнение указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является оно постоянным или преходящим; метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, его постоянный признак» [Арутюнова 1999: 354]; метафора является изменением смыслового содержания слова.

Обращение к зоо-номинациям подтверждает регулярные расхождения между сравнением и метафорой в аспекте семантики: у сравнения не имеется семантически соответствующего зоосемизма – при названии лица имеются не свойственные зоосемизму характеризующие значения (*собака*, *корова*);

значение зоосемизма не поддержано соответствующим зоонимом – у зоосемизма имеются дополнительные значения (*бык, кляча, коза*); у зоосемизма и у мотивирующего его зоонима в составе сравнения не имеется совпадающей части (*волк, гусь, лев*), при этом разные признаки могут противоречить друг другу (*конь, медведь*; зоонимы в составе сравнения представлены более широким набором признаков, чем в метафорических значениях (*собака, корова, овца*).

7. В структурном аспекте в научной литературе рассматривается различие внутренних форм метафоры и сравнения и применяется понятие метафорической модели.

Для метафоры характерно имплицитное отрицание; метафора – ‘можно сказать, что не..., а ...’. Сравнение выявляет любое сходство или его отсутствие. Сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть’ [Вежбицкая 1990: 145].

Г.Н. Складаревская констатирует, что модель метафоры прозрачная, отражает определённое качество, характеризующее человека. А модель сравнения имеет сложную многочленную структуру, отражающую результат сопоставления двух объектов [Складаревская 2017:14]. Для метафоры она предлагает следующую модель: $Aa + C$, где Aa – живое существо человек, C – оценочное значение.

А.П. Чудинов определяет метафорическую модель как существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: « X – это Y » [Чудинов 2003: 70].

Что касается сравнения, то А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделяют модель эксплицитного сравнения среди пяти основных моделей внутренних форм идиомы.

8. Сравнение может быть выражено союзными средствами (эксплицитно), а также бессоюзными средствами: именем существительным в форме творительного падежа, именем существительным в форме

родительного падежа, в форме приложения. В случае бессоюзного сравнения возникает проблема разграничения зоонимических и зоосемических значений.

Мы рассматриваем в качестве сравнения (как зоонимы) бессоюзные зоо-номинации типа *выть волком* (внутренняя форма: *выть как волк*), *взгляд тигрицы* (внутренняя форма: *взгляд как у тигрицы*).

Зоо-номинации типа *Собакевич — настоящий медведь, она может и не агнец, мамы-тигрицы* рассматриваем как зоосемические.

9. Наиболее характерные расхождения в понимании границ между зоонимами и зоосемизмами в научной литературе связаны с зоо-номинациями в составе фразеологических единиц. Исследование показывает принципиальные расхождения между этими феноменами и в лексическом составе, и в характеризующих значениях.

В частности, фразеологические значения у зоонимов представлены шире, чем метафорические значения. В «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой выявлено 283 зоонима. В «Русском семантическом словаре» и в «Словаре обидных слов» Л.В. Дуличенко методом сплошной выписки мы выявили 162 зоосемизма. У большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое значение. При этом большинство зоосемизмов образовано от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов. Наличие фразеологического значения, наряду с зоосемическим, нами выявлено только у 45 названий животных.

10. Наше исследование также выявило высокую степень несовпадения между характеризующими значениями зоонимов во фразеологизмах и значениями зоосемизмов. Здесь имеются три типа ситуаций.

1) У зоосемизма актуализирована часть характеризующих признаков, ассоциирующихся с соответствующим зоонимом в составе фразеологизмов, – 14 единиц: *гусыня, зверь, змея, кобель, корова, лиса / лисица, осёл, петух, попугай, сорока, червь, ягнёнок, индюк, кот.*

2) Помимо части признаков, характерных для зоонима во фразеологии, у зоосемизма может быть актуализирован дополнительный характеризующий признак или дополнительные признаки – 10 единиц: *бык, боров, голубь, кляча, коза, ласточка, лошадь, пава, птица, сокол*.

3) Зоонимы во фразеологии и зоосемизм могут различаться характеризующими признаками – 12 единиц: *волк, ворона, гусь, жеребец, кобыла / кобылица, лев, овца, пёс, рыба, сова, трутень, сыч*. Эти признаки могут даже противоречить друг другу – 3 единицы: *конь, медведь, телёнок / телок*.

Эти наблюдения иллюстрируют существенные расхождения между рассматриваемыми явлениями. Фразеологически связанные значения зоонимов и зоосемических значения не могут рассматриваться как вариативные. Необходимо последовательное разграничение соответствующих языковых феноменов в терминологии, в научных исследованиях, в русскоязычной и двуязычной лексикографии. Такое разграничение важно также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Глава 2. Зоосемизмы в русских толковых словарях

2.1. Лексикографическое описание зоосемизмов русского языка

Для практической лексикографии проблема выявления метафорических значений является довольно сложной. Это касается также вопросов, связанных с описанием переносных значений у зоо-номинаций.

Между авторитетными русскими словарями наблюдаются существенные расхождения в отражении лексического состава зоосемизмов. В этом отношении показательны количественные характеристики, которые можно извлечь из словарных материалов, приведенных в таблице О.Е. Фроловой [Фролова 2005: 153-158]. Согласно этим материалам, семь толковых словарей русского языка, вышедших с 1935 по 2002 год³, включают в совокупности 139 зоосемизмов. Из них только 23 зоосемизма солидарно признаны всеми словарями, то есть 16,5 % от общего числа зоосемизмов. Это следующие зоосемизмы: *выдра, ехидна, животное, заяц, зверь, зубр, каракатица, клоп, петух, медведь, обезьяна, осёл, паразит, пигалица, попугай, свинья, скот, скотина, слизень / слизняк, пёс, щенок, стрекоза, тварь.*

Между «Словарем русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) и «Словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (4-е изд. — М., 1999) также имеются существенные расхождения в составе зоосемизмов: в словнике МАС отражен 81 зоосемизм, в словнике Ожегова, Шведовой 1999 содержится 62 зоосемизма, из них общими для двух словарей являются 53 зоосемизма.

³ В публикации приведены данные по следующим словарям (в хронологическом порядке их выхода): Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1—4. — М., 1996; Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. — М., 1948—1965; Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1—4. 2-е изд. — М., 1981—1984; Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд. — М., 1961; Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд. — М., 1972; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. 4-е изд. — М., 1999; Большой толковый словарь русского языка / Авт. и рук. проекта С.А. Кузнецов. СПб., 2002.

Как будет показано ниже, состав зоосемизмов в РСС и СОС также существенно различается и совпадает только на 44,4 %.

Расхождения между наиболее авторитетными словарями показывают, насколько неоднозначными и сложными являются вопросы внутренней формы, мотивации, лексического состава зоосемизмов. Они требуют согласованного решения теоретических вопросов лексикологии и лексикографии, выхода за пределы проблематики нашего исследования. В нашей выборке зоосемического материала мы следуем традиции расширительного толкования метафоры и, в частности, зоосемизма, обращаемся не только к ядерной, но также к периферийной сфере зоосемической микросистемы. Мы не ставим перед собой задачу строго соотнести каждый зоосемизм с мотивирующим его зоонимом. Мы отталкиваемся от антропоцентрического значения у существительных, называющих также животных; в отдельных случаях сознательно выходим за пределы непосредственной семантической мотивированности названием животного. Важным аргументом в пользу такого подхода является однотипность их лексико-семантических свойств, стилистических и прагматических функций.

Важнейшим источником сведений о составе зоосемизмов русского языка является «Русский семантический словарь» (РСС). Он содержит около трехсот тысяч словарных статей, каждая из которых посвящена отдельному словозначению.

В РСС зоосемизмы представлены на фоне класса существительных ‘Лицо, человек’, и они чрезвычайно разнообразны по свойствам, характеризующим человека. Зоосемизмы попадают в 29 групп, обозначающих качества человека. Например:

‘Обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность’: *вьюн, лис, лиса, гусь, жук, хамелеон.*

‘Безволие, покорность, зависимость, робость, избалованность, плаксивость, недоверчивость, ревнивость, трусость’: *амёба, овца, слизняк.*

‘Бесчувственность, жёсткость, злобность, злодейство’: *аспид, гадюка, ехидна, змея, змеёныш, змей, жаба, паук, пиявка, скорпион, собака, спрут, хищник.*

«Словарь обидных слов» Л.В. Дуличенко ориентирован не только на лингвистов-словарников, но и на широкий круг пользователей с учётом современной лингвистической ситуации и роли русского языка за пределами традиционного языкового пространства. Среди слов, негативно характеризующих человека («обидных» слов), в словаре существенное место занимают антрополоксемы, мотивированные зоонимами, то есть зоосемизмы. Для составителя принципиально важным было не выходить за рамки «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, отражающего широкоупотребительную лексику современного русского языка [СОС: 8].

Объективно же Л.В. Дуличенко существенно расширяет круг зоосемизмов за счёт собственных наблюдений над современной речью. По словам О.В. Никитина, «Словарь обидных слов» Л.В. Дуличенко оказывает большую помощь изучающим русский язык как редкий и гармоничный образец чуткого подхода к анализу русской словесности, преподнесению тех её лучших образов, которые обогащают русскую речь, делают её живой, красочной и литературной [Никитин 2003: 124].

Методом сплошной выборки материала в этих двух изданиях нами выявлено 162 русских зоосемизма со значением ‘Лицо, человек’. В соответствии со сложившейся исследовательской и лексикографической традицией, мы рассматриваем в их числе также названия мифологических существ типа *дракон, цербер*; единичные названия лиц, соотносительные с зоонимами как с омонимами: *ищейка, малявка*⁴, *притворяшка*⁵, *прилипала* /

⁴ РСС: *Малявка* 1. *ж.* Очень маленькая рыбка. 2. *м. и ж.* О человеке очень маленького роста (разг. пренебр.). 3. *м. и ж.* О маленьком ребёнке (разг.). РСС не рассматривает значения 2 и 3 как семантически производные от зоонимического значения.

⁵ РСС: *Притворяшка* 2. *м.* Жук, родственник точильщику, при опасности притворяющийся мёртвым. РСС не усматривает отношений семантической деривации: *Притворяшка* 1. *м. и ж.* Притворщик (обычно о ребёнке) (разг.).

прилипало, паразит (а также суффиксальное производное *паразитка*); названия человеческих общностей, связанные с номинациями типа *змеюшник, муравейник*⁶, *свора, скот*. Такое решение находит поддержку также в однотипности их лексико-семантических свойств, стилистических и прагматических функций.

Состав зоосемизмов в двух русских словарях совпадает лишь отчасти. В обоих словарях отражены 72 зоосемизма; 41 зоосемизм зафиксирован только в «Русском семантическом словаре»; 49 зоосемизмов зафиксированы только в словаре Л.В. Дуличенко.

Только в «Русском семантическом словаре» выявлены следующие названия лиц, соотносительные с зоонимами: *букашка, голубь, динозавр, жаворонок, жеребец, зайчик, зверьё, змей, змеюшник, индюк, кит, кобыла / кобылица, кобылка, корова, кот, котёнок, ласточка, лев, лис, морж, муравейник, овца, орёл, ослица / ослиха, пантера, паразит, паразитка, птичка, сатир, скорпион, сова, сокол, спрут, стрекоза, сука, сыч, тварь, цербер, шавка, щебетун, ягнёнок*.

Только в словаре Л.В. Дуличенко зафиксированы (среди прочих «обидных слов») следующие зоосемизмы: *агнец, акула, баран, барбос, бык, верблюд, волк, волчица / волчиха, воробей, воронье, гидра, головастик, гусыня, дракон, ёж, жираф, жирафа, кабан, квочка, клещ, кобра, коза, козёл, конь, крот, крыса, курица, лошадка, макака, мелюзга, мошка, овечка, одёр, пава, пигалица, поросё, рептилия, росомаха, страус, теленок/телок, телка, теля, тигрица, хавронья, червь, чечетка, чушка, шакал, шилохвостка*.

Расхождения в лексическом составе подкласса зоосемизмов отчасти

⁶ Первичные номинации *змеюшник, муравейник* РСС относят не к 'Названиям животных', а к 'Местам обитания, местонахождения животных, скопления организмов'. Однако в переносных значениях актуализированы признаки, ассоциирующиеся не с местом обитания, а с зоонимами *змея* и *муравей* и их семантическими производными: *Змеюшник* (прост.). **1.** Место скопления змей. **2. перен.** О собравшихся вместе злых, враждующих друг с другом людях (презр.); *Муравейник* **1.** Надземная конусообразная часть жилища муравьёв из хвои, листьев, комочков земли. **2. перен.** Множество движущихся, хлопотливо снующих людей. По мнению Л.А. Ждановой, здесь можно предполагать промежуточное звено: регулярный метонимический перенос с 'жилища / вместилища' на 'жилецов, содержимое': *муравейник зашевелился, погиб* и др.

связано с лексикографическими принципами базовых словарей, отчасти отражает субъективность лексикографических решений при описании переносных значений. Этот факт выявляет сферу недостаточной изученности рассматриваемого феномена.

2.2. Сопоставительный анализ характеризующих признаков зоосемизмов в русских словарях

Мы сопоставили толкования 72 зоосемизмов, которые отражены в обоих русских словарях. Из них 26 зоосемизмов представлены с одними и теми же характеризующими признаками: *байбак, боров, гад, глиста, ехидна, животное, жук, ищейка, каракатица, кобель, козявка, легавый, лиса / лисица, малявка, осёл, пёс, попугай, поросёнок, притворяшка, свора, скот, слон, трутень, хамелеон, щebetунья, стадо.*

Остальные 46 зоосемизмов различаются по составу характеризующих признаков. Мы разделили такие зоосемизмы на три типа:

- 1) не совпадают по формулировкам, но отражают близкие характеристики;
- 2) не совпадают по характеризующим признакам частично;
- 3) характеризующие признаки у зоосемизмов различаются.

Далее мы более подробно комментируем эти различия. При описании второго и третьего типов различий мы обращаемся к узусу, отраженному в материалах НКРЯ, для уточнения характеризующих признаков, имеющих только в одном словаре.

Первый тип. Следующие зоосемизмы в двух русских словарях называют близкие характеризующие значения, преимущественно относящиеся к одним и тем же общим характеристикам человека, но они названы по-разному (25): *аспид, бугай, ворона, вьюн, гадина, гадюка, гусь, зверь, зверюга, змеёныш, змея, клоп, кляча, крокодил, паук, птица, рыба, скотина, слизняк, собака, сорока, тля, тюлень, ублюдок, червяк.*

Таблица № 1

**Зоосемизмы с близкими характеризующими значениями,
названными в словарях по-разному**

Зоосемизм	Признаки зоосемизма в РСС	Признаки зоосемизма в СОС
Аспид	Злой, жестокий [РСС: 116]	Злобный, коварный [СОС: 13]
Бугай	Здоровый и сильный [РСС: 332]	Крупный, крепкий [СОС: 25]
Ворона	Упустил свою выгоду, удачу, по рассеянности или недомыслию не сумел воспользоваться чем-н. [РСС: 104]	Рассеянный, невнимательный [СОС: 32]
Вьюн	Большой хитрец, ловкач и проныра [РСС: 110]	Ловкий, расторопный или пронырливый [СОС: 35]
Гадина	Подлый, отвратительный, мерзкий [РСС: 118]	Отвратительный, мерзкий [СОС: 36]
Гадюка	Злой и язвительный [РСС: 116]	Отвратительный, подлый [СОС: 36]
Гусь	Ловкач и мошенник [РСС: 110]	Ненадёжный или плутоватый [СОС: 43]
Зверь	Жестокий, беспощадный, свирепый [РСС: 116]	Чрезвычайно жестокий, свирепый [СОС: 62]
Зверюга	Жестокий, свирепый, беспощадный [Семантический словарь 116]	Чрезвычайно жестокий, свирепый [СОС: 62]
Змеёныш	Злобный и хитрый [РСС: 117]	Вредный и злобный [СОС: 64].
Змея	Злой и коварный, злобно язвительный [РСС: 117]	Коварный, хитрый, злой [СОС: 65]
Клоп	Маленький [РСС: 451]	Небольшого роста [СОС: 77]
Кляча	Исхудалый, немощный [РСС: 332]	Худой, еле стоящий на ногах [СОС: 77]
Крокодил	С некрасивой отталкивающей внешностью [РСС: 340]	С грубым, обезображенным лицом [СОС: 86]
Паук	Жестокий, беспощадный [РСС: 345]	Жестоко эксплуатирует кого-л. [СОС: 126]
Птица	Важный или непонятный, неизвестный [РСС: 68]	Претендующий на особое положение среди других [СОС: 153]

Рыба	Вялый и холодный [РСС: 105]	Вялый, медлительный или холодный, бесстрастный [СОС: 165]
Скотина	Грубый и подлый [РСС: 119]	Грубый, низкий, подлый [СОС: 175]
Слизняк	Безвольный и жалкий [РСС: 115]	Безвольный, бесхарактерный, ничтожный [СОС: 176]
Собака	Злой и грубый [РСС: 117]	Скверный, подлый [СОС: 178]
Сорока	Громко, без умолку говорит, таратора [РСС: 121]	Болтливый [СОС: 181]
Тля	Ничтожный, ничего не значащий [РСС: 345]	Ничтожный, никчёмный [СОС: 195]
Тюлень	Неуклюжий, неповоротливый [РСС: 105]	Неуклюжий, неповоротливый, нерасторопный [СОС: 199]
Ублюдок	С низкими, животными инстинктами [РСС: 119]	Отличающийся от других своими грубыми, низменными инстинктами, резко отрицательными качествами; выродок [СОС: 200]
Червяк	Ничтожный, презираемый [РСС: 345]	Ничтожный, приниженный [СОС: 223]

Из приведенных в Таблице № 1 зоосемизмов следующие зоосемизмы в двух русских словарях называют характеризующие признаки одного типа (относящиеся к одним и тем же общим характеристикам человека), но разными словами: *аспид, бугай, вьюн, гадина, гадюка, гусь, зверь, зверюга, змеёныш, змея, клоп, крокодил, птица, рыба, скотина, слизняк, собака, тля, тюлень, ублюдок, червяк*.

У зоосемизмов *сорока, ворона, кляча, паук* в двух словарях отражены одни и те же характеристики с разных аспектов (относящиеся к разным общим характеристикам человека). Зоосемизм *сорока*: ‘без умолку говорит, таратора’ (поведение) = ‘болтливый’ (внутренний признак). Зоосемизм *ворона*: ‘упустил свою выгоду, удачу, по рассеянности или недомыслию не сумел воспользоваться чем-н.’ (поведение) = ‘рассеянный, невнимательный’ (внутренний признак). Зоосемизм *кляча*: ‘исхудалый, немощный’ (внешний признак) = ‘худой, еле стоящий на ногах’ (поведение). Зоосемизм *паук*:

‘жестокий, беспощадный’ (внутренний признак) = ‘жестоко эксплуатирует кого-л.’ (поведение).

Второй тип. Есть случаи, когда значения зоосемизмов в двух словарях совпадают только частично. В нашем материале это следующие зоосемизмы (12): *бирюк, быдло*⁷, *выдра, гнида, зубр, клуша, медведь, обезьяна, петух, прилипала/прилипало, свинья, хищник.*

Таблица № 2

**Значения зоосемизмов
совпадают в словарях частично**

Зоосемизм	Характеризующий признак зоосемизма в РСС	Характеризующий признак зоосемизма в СОС	Отличительный признак
Бирюк	Нелюдимый и угрюмый; живущий одиночкой [РСС: 99]	Одинокый, нелюдимый [СОС: 21]	Угрюмый [РСС: 99]
Быдло	Бессловесно выполняющие для кого-н. тяжёлую работу; из низких социальных слоёв [РСС: 385]	Бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжёлую работу; невежественный и грубый [СОС: 26]	Из низких социальных слоёв [РСС: 385] – невежественный и грубый [СОС: 26]
Выдра	Худой и некрасивый [РСС: 332]	Худой и злой [СОС: 34].	Злой [СОС: 34]
Гнида	Подлый и отвратительный; мерзавец [РСС: 345]	Ничтожный, мерзкий [СОС: 38]	Ничтожный [СОС: 38]
Зубр	Косный, консервативно настроенный [РСС: 82]; опытный и ценный [РСС: 90]	Закоснелый в своих отсталых взглядах [СОС: 66]	Опытный и ценный [РСС: 90]
Клуша	Медлительный, нерасторопный [РСС: 105].	Неповоротливый, медлительный и неаккуратный [СОС: 77]	Неаккуратный [СОС: 77]
Медведь	Неуклюжий, неловкий и невоспитанный [РСС: 105]	Крупный, сильный, но грузный и неуклюжий,	Крупный, сильный [СОС: 77]

⁷ Зооним бы'дло, -а, ср., собир. обл. Рабочий скот. [БТС].

		неловкий [СОС: 101].	101].
Обезьяна	Склонный к бездумному подражанию другим, гримасник, кривляка [РСС: 103]	Гримасничает, кривляется, передразнивает других; очень некрасивый, уродливый [СОС: 117]	Некрасивый [СОС: 117]
Петух	Задиристый [РСС: 116]	Задиристый, запальчивый [СОС: 130]	Запальчивый [СОС: 130]
Прилипала Прилипало	Навязчивый, неотвязный и надоедливый [РСС: 101]; ловкий и беспринципный, примкнувший к кому-н. ради личного интереса, выгоды [РСС: 112]	Надоедливый, неотвязный [СОС: 145]	Ловкий и беспринципный [РСС: 112]
Свинья	Ведёт себя скверно, подло, по-свински [РСС: 119]	Грязный, неопрятный; невежественный, некультурный, грубый и неблагодарный [СОС: 169]	Грязный, неопрятный [СОС: 169]
Хищник	Наживается на ограблении, разорении других [Семантический словарь: 117]	Наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л.; с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств [СОС: 216]	С целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств [СОС: 216]

Зоосемизм *бирюк* в обоих словарях характеризует человека по признакам ‘нелюдимый, живущий одиночкой’. Но РСС содержит отличительный характеризующий признак ‘угрюмый’:

Бирюк: -а, м. перен. ‘Нелюдимый и угрюмый человек, живущий одиночкой’ (разг.) [РСС: 99].

Бирюк: -а, м. ‘Одинокый, нелюдимый человек’ (разг.) [СОС: 21].

В одном из наших примеров зоосемизм *бирюк* приведен как антонимичный характеризующему признаку *ласковый*, что можно рассматривать как подтверждение характеризующего значения *угрюмый*, отраженного в РСС:

Приезжий, которого Ганза побежала встречать, был наш знакомец Филипп Савич, ласковый с чужими, бирюк в семье (А. Ф. Вельтман.

Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея, 1848 – НКРЯ).

Толкования зоосемизма *быдло* в двух словарях характеризуют поведение людей (выполняют тяжёлую работу), с негативной оценкой, но в разных аспектах:

Быдло: -а, ср. ‘Люди, бессловесно выполняющие для кого-н. тяжёлую работу, а также бранно о людях из низких социальных слоёв’ (*прост. презр.*) [РСС: 385].

Быдло: -а, ср. употр. также как бранное слово 1. ‘О людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжёлую работу’ (*собир. обл. прост. презр.*); 2. ‘О невежественном и грубом человеке’ [СОС: 26].

Бранное значение ‘о людях из низких социальных слоев’, приведенное в РСС, в материалах НКРЯ подтверждено следующим примером:

А простолюдины (быдло по-современному) надевали длинные брюки из грубой материи вроде тех, что сейчас носят все. (неизвестный. Штаны наверх // «Кот Шрёдингера», 2017 – НКРЯ).

Значение ‘О невежественном и грубом человеке’ [СОС: 26] может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Создаётся впечатление, что быдло, которое составляет значительную часть нашего населения, вознамерилось окончательно истребить интеллект России – точнее, остатки интеллекта (Гибель академика // «Криминальная хроника», 2003.07.08 – НКРЯ).

Власть транслирует один смысл, а Коновал — другой. Ты говоришь, что народ быдло, а Коновал. — Знаешь, Оль, — большой человек переходит последнюю грань интимности... (Краткий курс борьбы за справедливость // «Русский репортер», 2013 – НКРЯ).

Таким образом, дефиниции двух словарей дополняют друг друга.

Зоосемизм *выдра* в двух словарях имеет общий внешний признак человека ‘худой’. Но имеются также дополнительные признаки; признак ‘некрасивый’ в РСС и признак ‘злой’ в СОС:

Выдра: -ы, ж. перен., ‘Худая и некрасивая женщина’ (*прост. пренебр.*

также бран.) [РСС: 332].

Выдра: -ы, ж. *прост.*; употр. также как бранное слово. ‘Об очень худой и злой женщине’ [СОС: 34].

Возможно, характеристика ‘злой’ реализована в следующем примере:

Только ты там поаккуратнее... Жена у него настоящая выдра.
(Марина Зосимкина. Ты проснёшься. Книга первая, 2015– НКРЯ).

Общий признак зоосемизма *гнида* в двух словарях – ‘мерзкий’. В РСС имеются дополнительные признаки ‘подлый и отвратительный’; в СОС имеется признак ‘ничтожный’:

Гнида: -ы, ж. *перен.* ‘Подлый и отвратительный человек, мерзавец’ (*прост. презр., также груб. бран.*) [РСС: 118].

Гнида: -ы, ж. употр. также как бранное слово. ‘О ничтожном, мерзком человеке’ (*прост.*) [СОС: 38].

Следующие примеры подтверждают дополнительные узусные значения зоосемизма *гнида*.

Человек народной, органической культуры склонен чувствовать себя не «ничтожной гнидой», а сыном Божиим и одинаково — в языческую или христианскую эпоху (М. О. Меньшиков. Красивый цинизм. М. Горький. Рассказы. Т. I, II, III, IV. СПб., 1900 – НКРЯ).

Значит, не сегодня завтра опять какая-нибудь гнида к власти придёт, чтобы гаечки закручивать, а нынешние пламенные демократы мигом перестроятся (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова, 2013 – НКРЯ).

Неужели эта кабинетная гнида сама ухаживала за таким сложным хозяйством? (Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008 – НКРЯ).

При зоосемизме *зубр* в двух словарях даётся одно и то же значение – ‘косный’, характеризующее внутренний признак человека. Но в РСС имеются также положительные признаки ‘опытный и ценный’:

Зубр: -а, м. *перен.* 1. ‘Косный, консервативно настроенный человек’

[РСС: 82]. 2. *перен.* ‘Опытный и ценный специалист’ (*разг. шутл.*) [РСС: 90].

Зубр: -а, м. ‘Закоснелый в своих отсталых взглядах человек’ [СОС: 66].

В наших материалах зоосемизм *зубр* имеет те и другие признаки. Но количество примеров, характеризующих человека по признаку ‘косный’, меньше. Преимущественно реализуется положительный признак ‘опытный и ценный’.

Испанец, руководя белыми всадниками, эффектным ударом на h7 на 27-м ходу завершил мучения молодого Александра Мотылева, а опытный «зубр» из Израиля тоже белыми методично «перекатал» Алексея Дреева в 66 ходов (Леонид Народицкий. Не все котам масленица. // «Известия», 2002.09.11– НКРЯ).

Зовут его Василий Семенович Трезубец, он зубр ещё тот: около сорока лет работы в органах (Петр Галицкий. Цена Шагала, 2000 – НКРЯ).

Когда они только начинали вместе, дело не очень шло, и им помог старый администратор, эдакий эстрадный зубр с огромными связями (Константин Ваншенкин. Писательский клуб, 1998 – НКРЯ).

Он – зубр, умный, хитрый, опытный и невероятно опасный (Александра Маринина. За все надо платить, 1995 – НКРЯ).

Платонов – зубр, он может сделать гадость, но не глупость (Александра Маринина. Шестерки умирают первыми, 1995 – НКРЯ).

Дежурный техник — не знаете его? — старый, опытный зубр. (Даниил Гранин. Искатели, 1954 – НКРЯ).

Зоосемизм *клуша* в двух словарях имеет общие признаки, характеризующие внешность человека — ‘медлительный, нерасторопный, неповоротливый’. Но в СОС имеется дополнительный признак — ‘неаккуратный’:

Клуша: -и, ж. *перен.*, ‘Медлительная, нерасторопная женщина’ (*разг. неодобр.*) [РСС: 105].

Клуша: -и, ж. ‘Неповоротливая, медлительная и неаккуратная женщина’ [СОС: 77].

Следующий пример подтверждает признак ‘неаккуратный’:

Стискиваю зубы, бубню про себя что-то вроде «ничего, детям нужна реализовавшаяся мать, а не домашняя клуша в трениках», хотя, конечно, мне невыносимо хочется на этот утренник, что уж теперь (Полина Осетинская. Рояль на линолеуме // «Русская жизнь», 2012 – НКРЯ).

Зоосемизм *медведь* в СОС имеет два значения. Одно значение указывает на внешние характеристики человека ‘крупный, сильный’, но ‘грузный, неуклюжий’. Другое значение указывает на внутренние качества человека ‘невоспитанный’. В РСС соединены эти два значения в одно, но отсутствуют положительные признаки ‘крупный, сильный’, как в СОС:

Медведь: -я, м. перен. ‘Неуклюжий, неловкий и невоспитанный человек’ (разг.) [РСС: 105].

Медведь: -я, м. 1. ‘О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке’. 2. ‘О невоспитанном человеке’ [СОС: 101].

Материалы НКРЯ указывают на характеристики ‘крупный, сильный’:

Ермишин на пляже — это монстр с огромными ручищами, медведь. (Дмитрий Кувичка. Нет больше сил смотреть на солнце. // «Известия», 2001.09.30 – НКРЯ).

Зоосемизм *обезьяна* в СОС имеет два значения: характеризует человека по поведению ‘передразнивает других’ и внешнему признаку ‘некрасивый’. В РСС охарактеризовано только поведение человека:

Обезьяна: -ы, ж. перен. ‘Человек, склонный к бездумному подражанию другим, гримасник, кривляка’ (разг. неодобр.) [РСС: 103].

Обезьяна: -ы, ж. разг. 1. ‘О человеке, который гримасничает, кривляется, передразнивает других’. 2. ‘Об очень некрасивом, уродливом человеке’ [СОС: 117].

Наши материала свидетельствуют, что значение ‘некрасивый’ активно используются в русском языке:

Он дополнил это полушутя, с невообразимо уродливой улыбкой, которая невольно сместила всех его знавших. Улыбающийся Шваньский был

настоящая *обезьяна*... (Е. А. Салиас. Аракчеевский сынок, 1888 – НКРЯ).

Зоосемизмы *прилипала*, *прилипало* имеют два значения в РСС, которые называют внутренний признак человека ‘неотвязный, надоедливый’ и ‘ловкий и беспринципный’. В СОС отражен один из этих признаков:

Прилипала -ы, и *Прилипало* -а, 1. м. и ж. ‘Навязчивый, неотвязный и надоедливый человек’ (*прост.*) [РСС: 101].

Прилипала -ы, и *Прилипало* -а, 2. м. и ж. ‘Ловкий и беспринципный человек, примкнувший к кому-н. ради личного интереса, выгоды’ (*разг. пренебр.*) [РСС: 112].

Прилипала: -ы, м. и ж. ‘О надоедливом, неотвязном человеке’ (*прост.*) [СОС: 145].

Прилипало: -а, ср., см. *прилипала* [СОС: 145].

Наши примеры подтверждают дополнительное характеризующее значение ‘ловкий и беспринципный’ в РСС.

Он так открыто и настойчиво это провозглашал, что на основе цитат из его высказываний появилось письмо без подписи, где Александр Степанович обвинялся в покровительстве, «протекционизме», а Вася назывался посредственностью и прилипалой (Анатолий Алексин. Дым без огня, 1980 – НКРЯ).

Подчеркнув, что никто из моих друзей юности не стал прилипалой, выскочкой, спекулянтом, дутой известностью, проваливаясь в неизвестность и скромно ютясь в тени музеев, редакций как ценные консультанты, я вовсе не вменяю этим чудакам в заслугу их подчас преувеличенную скромность или безгловость коснуться того, что захватано: старым бытом, продажностью! (Андрей Белый. Начало века, 1930 – НКРЯ).

Указывают на характеристики человека ‘неотвязный, надоедливый’:

Гораздо позже она оценила его великодушие в условиях жестоких нравов ташкентского двора: почти все свободное время этот мальчик возжжался с пятилетней прилипалой, не обращая внимания на издевки

сверстников, — часами возил Верку на багажнике, отбивая ей тощую задницу на ухабах, после каждого болезненного «бздыка» спрашивая через плечо: «Как жопа, Мышастый, цела?» (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы, 1980–2006 – НКРЯ).

От Славки не так легко отделаться, он прилипала, хотя и ханыгой его не назовёшь (Эдуард Лимонов. Подросток Савенко, 1982 – НКРЯ).

Зоосемизм *свинья* в СОС указывает на внешние признаки ‘грязный, неопрятный’ и внутренние признаки ‘некультурный, грубый’. РСС указывает на признак поведение человека ‘ведёт себя скверно, по-свински’.

Свинья: -и, ж. перен. ‘Человек, который ведёт себя скверно, подло, по-свински’ (разг., также груб. бран.) [РСС: 119].

Свинья: -и, ж. разг. 1. ‘О грязном, неопрятном человеке, неряхе’. 2. ‘О человеке невежественном, некультурном, грубом и неблагодарном’ [СОС: 169].

Толкование в РСС шире, потому что характеристика ‘человек ведёт себя по-свински’ включает, на наш взгляд, также значение ‘некультурный человек’. Значения в СОС описаны более детально. Различие в том, что СОС называет также внешние характеристики человека. Примеры из НКРЯ подтверждают такое значение – указывают на внешний признак человека ‘неопрятный’.

Ты посмотри, что в комнате у тебя творится, свинья ты такая! (Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова, 1999 – НКРЯ).

Указывает на внутренний признак человека ‘ведёт себя скверно’:

— *Я сказал, кто я. Сейчас же освободи квартиру, свинья гнусная.* (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру, 1976 – НКРЯ).

Меня это взбесило: свинья ты неблагодарная — и т. п. (Марина Палей. Дань саламандре, 2008 – НКРЯ).

Зоосемизм *хищник* в СОС имеет три значения: поведение человека ‘наживается на ограблении других’; цель и образ жизни человека ‘с целью

наживы пользуется средствами к истощению природных богатств’; обращение ‘похититель, вор’. РСС указывает только на поведение человека ‘наживается на ограблении других’:

Хищник: -а, м. перен. ‘Человек, который наживается на ограблении, разорении других’ [РСС: 117].

Хищник: -а, м. 1. ‘Тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л’. 2. ‘Тот, кто с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств, к истреблению промысловых зверей, рыб и т. п.’. 3. *Устар.* ‘Похититель, вор’ [СОС: 216].

На наш взгляд, толкование в РСС более широкое (‘наживается на ограблении других’). Толкования в СОС более детальные, третье значение может рассматриваться как частное по отношению к первому толкованию. Только второе значение является дополнительным. Следующий пример подтверждает его, указывает на характеристику человека ‘с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств’:

Всемогущая взятка быстро улаживает противоречия, возникающие между наличием леса и совестью, между хищником и законом (Л.М. Леонов. Русский лес, 1950-1953 – НКРЯ).

Обобщая наблюдения над частичными расхождениями в толковании зоосемизмов двумя русскими словарями, заметим, что толкования в СОС преимущественно более детальные, а в РСС более обобщенные. Отличительные характеризующие признаки каждого из словарей подтверждаются, как правило, материалами НКРЯ. В этом смысле толкования в двух русских словарях дополняют друг друга.

Третий тип. Наблюдается ряд случаев, когда зоосемизмы в двух словарях характеризуют человека по разным признакам. Например (9): *амёба, жаба, ишак, кукушка, лошадь, львица, мартышка, мастодонт, пиявка*

Таблица № 3

Значения зоосемизмов в словарях различаются

Зоосемизм	Характеризующий признак зоосемизма в РСС	Характеризующий признак зоосемизма в СОС
Амёба	Не имеющий своей индивидуальности, бесхарактерный и безвольный [РСС: 114]	Несобренный, инертный, вялый [СОС: 11]
Жаба	Злой и отвратительный [РСС: 116]	Некрасивый, уродливый [СОС: 55]
Ишак	Безропотно выполняющий самую тяжёлую работу [РСС: 96].	Упрямый глупый [СОС: 71]
Кукушка	Бросивший своего ребёнка, оставивший своих детей [РСС: 187]	Легкомысленный [СОС: 88]
Лошадь	Рослый крупный и нескладный [РСС: 332].	Используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе [СОС: 97]
Львица	Дама высшего света, пользующаяся в нём большим успехом [РСС: 137]	Агрессивный, разъярённый [СОС: 97]
Мартышка	Кривляется, обезьянничает [РСС: 103].	Некрасивый, безобразный [СОС: 100]
Мастодонт	Большой, поражающий своей величиной [РСС: 333]	Громадный, неуклюжий [СОС: 100]
Пиявка	Злой, жестокий; жадно и неотступно добивающийся чего-н. для себя [РСС: 117]	Живёт за счёт чужого труда, ведёт паразитический образ жизни [СОС: 132]

Зоосемизм *амёба* в РСС характеризует человека по внутренним признакам ‘не имеющий своей индивидуальности, бесхарактерный и безвольный’. В СОС *амёба* характеризует человека не только по внутренним, но и внешним признакам ‘несобренный, инертный, вялый’:

Амёба: ж. перен., ‘Человек, не имеющий своей индивидуальности, бесхарактерный и безвольный’ (*разг. пренебр.*) [РСС: 114].

Амёба: ж. ‘О несобренном, инертном, вялом человеке’ [СОС: 11].

Следующие примеры свидетельствуют о том, что значения зоосемизма *амёба* соединяются характеризующие признаки, названные в двух словарях.

Указывает на признаки внешние – ‘несобренный, инертный, вялый’.

И, забравшись в кладовку, он кусает рукав: он один не живёт,

настоящее происходит с другими — он же только питает свой организм, точно рыбок в аквариуме, да, как здорово сказано, лишь наращивает подкожный жир, он малёк, он амёба, он даже танго, что там танго, он толком шейк никогда не научится танцевать! (Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана, 1997– НКРЯ).

Характеризует по внутренним признакам ‘не имеющий индивидуальности, бесхарактерный и безвольный’

До того случая был он этакая бородатая амёба, дикарь; из деревни выписали его мальчишкой; не видя ничего, кроме голых спин, он и сам с течением времени становился банным инвентарем (Л. М. Леонов. Скутаревский, 1930 – НКРЯ).

Правда, определить, та ли это самая амёба, которая была вначале, и помнит ли она свою первую любовь, представляется несколько затруднительным, поскольку она, амёба, не слишком склонна к беседам и воспоминаниям о молодости (Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь», 2007– НКРЯ).

Зоосемизм *жаба* в РСС характеризует человека по внутренним признакам ‘злой и отвратительный’. В СОС даются внешние признаки человека – ‘некрасивый, уродливый’:

Жаба: -ы, ж. перен. ‘Злой и отвратительный человек’ (прост. презр., также бран.) [РСС: 116].

Жаба: -ы, ж. ‘О некрасивом, уродливом человеке’ [СОС: 55].

В нашем материале зоосемизм *жаба* характеризует и внутренние, и внешние признаки человека:

Указывают на признаки ‘злой и отвратительный’:

Быть ли королём, или старой, завистливой, злой «жабой», как он называет себя в другом месте? (Л.И. Шестов. Творчество из ничего, 1905 – НКРЯ).

Ил, распаяясь все больше, продолжал: — Какая-то жаба заманила батюшку в ловушку... Какая-то колдуновская дрянь, прости, Хорт, но какая-

то колдуновская сволочь лишила батюшку рассудка, да еще, издеваясь, цацку навесила... (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все, 2001–НКРЯ).

Куда той дуре грешной!.. Она — жаба, а я — как пух!.. И-и-их-ты!.. Женщина взвизгнула вдруг так дико и неожиданно, что вздрогнули старики, и в чулках, еще мокрых и грязных, всего на двух шагах свободного пространства пола закружилась с такой быстротой, с такими подскоками, с прищелками пальцев, с такими извивами плеч и рук и тонкого торса, что и хотели бы, да не могли отвести от нее глаз три старика (С.Н. Сергеев–Ценский. Устный счёт, 1931–НКРЯ).

Указывают на признаки ‘некрасивый, уродливый’.

Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой... (А.П. Чехов. В усадьбе, 1894–НКРЯ).

Нюрка была теперь укутана теплой шалью, но все-таки лицо ее казалось очень худощавым рядом с лицом приземистой краснощекой женщины с воловьими карими глазами... Семеныч догадался, что эта вторая и была именно та самая, которую Нюрка называла жабой и ревновала к Ивану Петрову (С.Н. Сергеев–Ценский. Устный счёт, 1931–НКРЯ).

— *Клиентура в основном простые работяги или служащие, у которых жена либо страшная жаба, либо нормальная, но с заморочками, — отозвалась Ира* (Максим Милованов. Естественный отбор, 2000 – НКРЯ).

Зоосемизм *ишак* в РСС охарактеризован по поведению человека ‘безропотно выполняющий самую тяжёлую работу’. В СОС отражены внутренние признаки человека ‘упрямый и глупый’:

Ишак: -а, м. перен. ‘Человек, безропотно выполняющий самую тяжёлую работу’ (прост.) [РСС: 96].

Ишак: -а, м. употр. также как бранное слово. ‘Об упрямом глупом человек’ [СОС: 71].

Современный узус отражает те и другие характеристики. Большинство примеров в НКРЯ указывает на внутренний признак человека ‘упрямый и глупый’:

*Завтра в одиннадцать он готов дать задаток. Старый **ишак**... почему завтра? Что ему эта ночь?* (Андрей Волос. Недвижимость, 2000 // «Новый Мир», 2001 – НКРЯ).

*Тогда Степан понял, что зря отказался от Димкиного предложения. Вот **ишак**, — думал он про себя. — Такой шанс упустил. Как теперь Томке сказать?* (Андрей Геласимов. Дом на Озерной, 2009 – НКРЯ).

*Блин, хотела же меня маманя в детстве на танцы отдать — чего я уперся, **ишак** отвязанный...* (Николай Рубан. Тельняшка для киборга // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18 – НКРЯ).

*— Женька? Ах, я **ишак**! Женьку не узнать! Мы с плачем и хохотом перебиваем друг друга воспоминаниями* (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 1, 1967 – НКРЯ).

Характеризует человека как ‘безропотно выполняющего самую тяжёлую работу’:

*— Сам себе неси. Я те не **ишак**. Не будешь, так я закрываю.* (Алексей Иванов. Псоглавцы, 2011– НКРЯ).

Зоосемизм *кукушка* в РСС толкуется конкретно – как поведение ‘бросивший своего ребёнка’. В СОС отражен внутренний признак человека ‘легкомысленный’:

Кукушка: -и, ж. перен., ‘Женщина, бросившая своего ребёнка, оставившая своих детей’ (прост. неодобр.) [РСС: 187].

Кукушка: -и, ж. ‘Легкомысленная женщина’ [СОС: 88].

Следующие примеры свидетельствуют, что толкования в двух словарях дополняют друг друга:

Указывает на поведение ‘женщины, бросившей своего ребёнка’:

А умела она только одно — любить этого мальчика, подкидыша, холить и лелеять это яичко с тонкой скорлупой, которое ей подкинула

мать-кукушка, хоть и родная дочь, прости господи (Маша Трауб. Замочная скважина, 2012 – НКРЯ).

Указывает на признак ‘легкомысленный’:

Итак, Николай Петрович, отталкиваясь от своей страсти, вывел два вида женщин: «женщина-кукушка» и «женщина-хохлушка». «Женщины-кукушки», по мнению Николая Петровича, непременно предпочитали яркие цвета, отличались буйным темпераментом и не были способны поддерживать должным образом размеренный ритм семейной жизни. [Кирилл Степаненко. Орнитолог Николай Петрович // Litera_Dnepr, 2012]

Зоосемизм *лошадь* в РСС толкуется как синоним зоосемизма *кобыла* и содержит в себе внешние признаки человека ‘рослый, крупный и нескладный’. При этом он имеет общее значение в двух русских словарях, характеризующее поведение человека ‘используют на непомерно тяжёлой работе’:

Лошадь: ж. перен. ‘То же, что кобыла: Рослая крупная и нескладная женщина’ (*прост. пренебр.*) [РСС: 332]. ‘О много и тяжело работающем человеке’ (*разг.*) [РСС: 420].

Лошадь: м. и ж. ‘О человеке, которого используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе’ [СОС: 97].

В нашем материале зоосемизм *лошадь* не только характеризует человека по внешним признакам – ‘рослый, крупный и нескладный’, но и поведению – ‘используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе’:

Указывает на признак ‘рослый’:

Чаще других ко мне приходила Мерилин Мазюр, красивая Саломея, цветок Иудеи — юная лошадь, девчонка-фотограф, училась она в «School of Visual Arts» на 14-й улице (Эдуард Лимонов. Книга воды, 2002 – НКРЯ).

Указывает признак ‘используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе’:

Кто-то ведь должен и воз везти. Я, знаете, рабочая лошадь. Лецкий вздохнул: — Самоотверженно. (Леонид Зорин. Глас народа (2007–2008) //

«Знамя», 2008 – НКРЯ).

Зоосемизм *львица* в РСС характеризует женщину по положительным признакам. В словаре Л.В. Дуличенко даются негативные признаки ‘агрессивный, разъярённый’:

Львица: -ы, ж. перен. ‘Дама высшего света, пользующаяся в нём большим успехом’ (устар., разг.) [РСС: 137].

Львица: -ы, ж. ‘Об агрессивной, разъяренной женщине’ (разг.) [СОС: 97].

В нашем материале зоосемизм *львица* регулярно употребляется в значении ‘дама высшего света, успешная’:

Открыто пренебрегать русским языком, русским писателем, русским художником едва ли посмеет самая модная львица, двадцать раз побывавшая в Париже. (А. В. Дружинин. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (1855) – НКРЯ).

Собчак вон ходит с банальным мелированием и ничего — львица. (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005) – НКРЯ).

В сороковых годах эта аристократка считалась в высшем кругу первой львицей, по оригинальной своей красоте, богатству и по живости своего характера (А.Я. Панаева. Воспоминания, 1889 – НКРЯ).

Она не хочет быть львицей, обдать резкой речью неловкого поклонника, изумить быстротою ума всю гостиную, чтоб кто-нибудь из угла закричал: «браво!» (И.А. Гончаров. Обломов, 1859 – НКРЯ).

Любая великосветская красавица-львица бывает и дурна, и желта, и зла, и неприятна, и глупа, когда она переживает пустые, мёртвые минуты жизни; но она совсем иная, когда попадает в живую струю поглощающих её интересов (Г. И. Успенский. Пришло на память, 1881– НКРЯ).

Примеры с признаками ‘агрессивный, разъярённый’ отмечены только со сравнительными оборотами, то есть с зоонимом *львица*:

Чуть кто-нибудь стукнет, громко заговорит, сейчас, как раздраженная львица, являлась Анна Павловна и наказывала

неосторожного строгим выговором, обидным прозвищем, а иногда, по мере гнева и сил своих, и толчком (И.А. Гончаров. Обыкновенная история, 1847 – НКРЯ).

Так что зоосемические значения, отмеченные в словаре Л.В. Дуличенко, видимо, не так распространены.

Зоосемизм *мартышка* в РСС даётся с признаками ‘кривляется, обезьянничает’, характеризующими поведение человека. В СОС приводятся внешние признаки человека ‘некрасивый, безобразный’:

Мартышка: -и, ж. перен. ‘Человек, который кривляется, обезьянничает’ (обычно о ребёнке) (*разг. пренебр.*) [РСС: 103].

Мартышка: -и, ж. ‘О некрасивой, безобразной женщине или девушке’ (*прост.*) [СОС: 100].

В нашем материале зоосемизм *мартышка* характеризует человека не только по поведению, но и внешним признакам.

Указывает на признаки ‘кривляется, обезьянничает’:

— Да пошла ты к черту! — *вдруг, не помня себя, взревел Максим.* — *Кого ты из себя изображаешь, мартышка?! — Спокойно, Максим Петрович, спокойно, что это вы завелись с полуоборота?* (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997– НКРЯ).

Указывает на признаки ‘некрасивый, безобразный’:

Ишь, вырядилась, вся задница наружу! Форменная мартышка! (Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998 – НКРЯ).

- *Противная мартышка!* — *продолжала Вера.* — *Такая скандалистка, сил нет. Сейчас в манекеницы с одиннадцати-двенадцати лет берут, модельный бизнес помолодел, хотя вот так подумать: что они в двенадцать лет будут демонстрировать? Талии нет, бедер — тоже, вместо груди — прыщики.* [Татьяна Моспан. Подиум (2000)]

Зоосемизм *мастодонт* в обоих словарях указывает на внешние признаки человека ‘большой, громадный’. В СОС имеется отличительный признак по поведению: ‘неуклюжий’:

Мастодонт: -а, м. перен. ‘Большой, поражающий своей величиной человек’ [РСС: 333].

Мастодонт: -а, м. ‘О громадном, неуклюжем человеке’ [СОС: 100].

Значения ‘неуклюжий’ материалы НКРЯ не отражают. Зоосемизм *мастодонт* отмечен с характеризующими признаками ‘большой, громадный’. Но намного более регулярно представлены признаки, которые не зафиксированы в двух словарях – ‘немодный, устаревший’.

Указывают на признак ‘большой, громадный’:

Карл Адольфович Круг, знаменитый электротехник, основатель электро-технического института, квадратный мастодонт 54 лет, с могучими плечами, без нервов, с огромной, высоченной женой, моего роста, правительницей, очень забавной женщиной, вроде Тамары Карловны (К.И. Чуковский. Дневник 1922–1935, 1928 – НКРЯ).

Завенягин не верил, что эта махина, мастодонт может незамеченно исчезнуть. И он добился своего, отыскал Зубра в Карлаге. (Даниил Гранин. Зубр (1987) – НКРЯ).

Указывают на не отраженный в словарях признак ‘немодный, устаревший’:

Мои обветшавшие истории и старомодные умозаключения никому не интересны. Я становлюсь мастодонтом. Но приспособливаться к сегодняшнему времени я не умею (Ю.М. Нагибин. Дневник, 1982 – НКРЯ).

Возможно, я невероятно старомоден, что я — реликт, мастодонт, ископаемое, но я убеждён, искусство должно «сеять разумное, доброе, вечное» (Эльдар Рязанов. Подведённые итоги, 2000 – НКРЯ).

Да, он устарел — ископаемое, мастодонт, Майн Рид (Ю.М. Нагибин. Один на один, 1972–1979 – НКРЯ).

Зоосемизм *пиявка* в РСС характеризует человека по внутренним признакам и по его поведению – ‘злой, жестокий; жадно и неотступно добивающийся чего-н. для себя’. В СОС *пиявка* характеризует человека по поведению, но это другой признак – ‘живёт за счёт чужого труда’.

Пиявка: -и, ж. перен. ‘Злой, жестокий человек, жадно и неотступно добывающийся чего-н для себя’ (разг. презр.) [РСС: 117].

Пиявка: -и, ж. ‘О том, кто живёт за счёт чужого труда, ведёт паразитический образ жизни’ (разг.) [СОС: 132].

В наших материалах зоосемизм *пиявка* характеризует человека не только по признакам ‘злой, жестокий; жадно и неотступно добывающийся чего-н. для себя’. но и по признакам ‘живёт за счёт чужого труда’.

Указывают на признаки ‘злой, жестокий; жадно и неотступно добывающийся чего-н. для себя’:

У полицеймейстера, хотя тоже не дурак был взять, но больше Нинишка натурой отдувалась, а эта театральная шельма была бессовестно жадная ненасыть, настоящая пиявка (А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева, 1903–1927– НКРЯ).

Липнешь пиявкой, гадкий мальчик, — ничего не поделать, придётся представить (Андрей Измайлов. Трюкач, 2001– НКРЯ).

Ирка — пиявка, которая цацкается с мамой до тех пор, пока есть, что сосать (Эмма Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев, 1994-2002 – НКРЯ).

Указывают на признак ‘живёт за счёт чужого труда’:

Частник платит именно не по труду, иначе он не был бы пиявкой (С.Г. Кара–Мурза. Антисоветский проект, 2002– НКРЯ).

Натурищица с подхихикиваньем сказала, что папаша наверняка жив-здор и хочет денег, пятидесятилетняя пиявка попросту решила напиться крови как следует. [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].

Таким образом, зоосемизмы, охарактеризованные в двух русских словарях по разным признакам, отражены в материалах НКРЯ, как правило, в том и другом значении. Мы не обнаружили подтверждения признаков ‘агрессивный, разъярённый’ [СОС] для зоосемизма *львица* и признака ‘неуклюжий’ [СОС] зоосемизма *мастодонт*.

Можно сказать, что толкования двух словарей дополняют друг друга.

2.3. Стилистические и прагматические характеристики русских зоосемизмов

В русских толковых словарях используется широкий круг стилистических и прагматических помет. В «Русском семантическом словаре» используются следующие пометы: *бран.*, *высок.*, *груб.*, *ирон.*, *книжн.*, *ласк.*, *нар.-поэт.*, *неодобр.*, *обл.*, *офиц.*, *перен.*, *презр.*, *пренебр.*, *прост.*, *проф.*, *разг.*, *спец.*, *стар.*, *увел.*, *уменьш.*, *уменьш.-ласк.*, *уменьш.-унич.*, *унич.*, *устар.*, *шутл.*

Состав стилистических и прагматических помет в «Словаре обидных слов» Л.В. Дуличенко следующий: *прост.*, *бранное*, *разг.*, *обл.*, *презр.*, *пренебр.*, *книжн.*, *груб.*, *устар.*, *неодобр.*

Метафорические значения характеризуются стилистической окрашенностью. Поэтому зоосемизмы в словарях регулярно сопровождаются стилистическими пометами.

При зоосемизмах в нашем материале обнаруживаются следующие стилистические пометы: *разг.*, *прост.*, *устар.*, *нар.-поэт.*, *книжн.* Большинство зоосемизмов характеризуются как разговорные или просторечные.

Зоосемизмы, имеющие разговорную стилистическую помету в РСС и / или в СОС (71): *амёба*, *байбак*, *бирюк*, *букашка*, *ворона*, *вьюн*, *гадюка*, *головастик*, *голубь*, *гусыня*, *гусь*, *динозавр*, *ехидна*, *животное*, *зайчик*, *зверь*, *зверьё*, *зверюга*, *змея*, *зубр*, *ищейка*, *каракатица*, *клоп*, *клуша*, *кляча*, *коза*, *козявка*, *котёнок*, *крыса*, *ласточка*, *лиса* / *лисица*, *львица*, *малявка*, *мартышка*, *медведь*, *мелюзга*, *обезьяна*, *овца*, *одёр*, *пава*, *паразитка*, *паук*, *петух*, *пигалица*, *пиявка*, *попугай*, *поросёнок*, *прилипала* / *прилипало*, *притворяшка*, *птица*, *птичка*, *рыба*, *свинья*, *свора*, *скорпион*, *слизняк*, *слон*, *сокол*, *сорока*, *стадо*, *страус*, *стрекоза*, *сыч*, *теленка* / *телок*, *тигрица*, *трутень*, *тюлень*, *хавронья*, *чечетка*, *чушка*, *щebetунья*.

Зоосемизмы, имеющие просторечную стилистическую помету в обоих словарях (57): *аспид, боров, бугай, быдло, воронье, выдра, гад, гадина, гадюка, гидра, глиста, гнида, гусь, жаба, жеребец, жук, зверюга, змеёныш, змей, змеюшник, индюк, ишак, ищейка, кабан, каракатица, квочка, кляча, кобра, кобыла / кобылица, кобылка, козявка, конь, корова, кот, крокодил, кукушка, легавый, лошадь, макака, мартышка, одёр, орёл, осёл, ослица / ослиха, пёс, поросё, прилипала / прилипало, скот, скотина, собака, сука, тварь, телка, теля, тля, ублюдок, шавка.*

Зоосемизмы, отмеченные как устарелые в том или другом словаре (6): *аспид, лев, львица, рептилия, сатир, хищник.*

Книжную стилистическую помету в обоих словарях имеет один зоосемизм: *цербер.*

Зоосемизмы, имеющие стилистическую помету народно-поэтическое в обоих словарях (1): *сокол.*

Стилистически нейтральными (без особой стилистической пометы) в обоих словарях представлены следующие зоосемизмы (42): *агнец, акула, баран, барбос, бык, верблюд, волк, волчица / волчиха, воробей, головастик, дракон, ёж, жаворонок, жираф, жирафа, зверь, кит, клещ, кобель, козёл, крот, курица, лис, лошадка, мастодонт, морж, мошка, муравейник, овечка, пантера, паразит, росомаха, сова, спрут, хамелеон, хищник, червь, червяк, шакал, шилохвостка, щебетун, ягнёнок.*

Анализ показывает, что зоосемизмы характерны преимущественно для разговорной речи и просторечия, то есть являются сниженными. Многие зоосемизмы употребляются также в нейтральной речевой сфере.

Интерес представляют расхождения в стилистических пометах при зоосемизмах. Эти расхождения наблюдаются в отношении употребления пометы *устар.*, а также в соотношении помет *разг.* и *прост.*

Как устарелые РСС характеризует следующие зоосемизмы: *аспид, львица, ублюдок.*

Таблица № 4

**Стилистические пометы зоосемизмов
в словарях различаются**

Зоосемизм	Стилистические пометы в РСС	Стилистические пометы в СОС
Аспид	Устар., прост. [РСС: 116]	Прост. [СОС: 13]
Гадюка	Разг. [РСС: 116]	Прост [СОС: 36]
Гусь	Прост. [РСС: 110]	Разг. [СОС: 43]
Зверюга	Прост. [РСС: 116]	Разг. [СОС: 62]
Ищейка	Прост. [РСС: 225]	Разг. [СОС: 71]
Каракатица	Разг., прост. [РСС: 340]	Прост. [СОС: 74]
Кляча	Разг. [РСС: 332]	Прост [СОС: 77]
Козявка	Разг. [РСС: 344]	Прост [СОС: 79]
Львица	Устар., разг. [РСС: 137]	Разг. [СОС: 97].
Мартышка	Разг. [РСС: 103]	Прост [СОС: 100]
Прилипала Прилипало	Разг. [РСС: 112]; прост. [РСС: 101]	Прост. [СОС: 145]
Ублюдок	Прост. [РСС: 119]; устар. [РСС: 187]	Прост. [СОС: 200]

Нам не удалось выявить определенной тенденции в соотношении различающихся в двух словарях стилистических помет.

С одной стороны, как более сниженные характеризуются некоторые зоосемизмы в СОС: здесь имеется помета просторечное при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное: *гадюка, кляча, козявка, мартышка*, а также при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное и просторечное: *каракатица, прилипала / прилипало*.

С другой стороны, в СОС помечены как разговорное зоосемизмы, которые имеют в РСС помету просторечное: *гусь, зверюга, ищейка*; отсутствует помета устарелое при зоосемизмах *аспид, львица, ублюдок*.

Такая ситуация может объясняться отчасти установками базовых

толковых словарей. «Словаря обидных слов» Л.В. Дуличенко следует за 4-томным «Словарём русского языка» (МАС), а «Русский семантический словарь» – преимущественно за «Толковым словарём русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Немаловажную роль могут играть и объективные факторы, в частности, диффузность самих стилистических характеристик.

Для зоосемизмов характерны оценочные компоненты значения: положительная (позитивная) оценка, нейтральная и отрицательная (негативная).

Оценочность у зоосемизмов выражается двумя способами: оценочными компонентами в толковании и оценочными пометами.

В нашем зоосемическом материале следующие зоосемизмы в РСС сопровождаются маркерами положительной оценки – преимущественно положительными компонентами в толковании (13 зоосемизмов): *бугай, голубь, зайчик, кит, ласточка, лев, львица, орёл, птичка, сокол, стрекоза, ягнёнок, котёнок.*

Отдельные зоосемизмы не сопровождаются маркерами оценочности – они могут быть отнесены к нейтральной оценке (8 зоосемизмов): *жаворонок, ишак, морж, муравейник, птица, сова, щебетун, щебетунья.*

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство русских зоосемизмов характеризуют человека отрицательно.

Маркерами отрицательной оценки в РСС сопровождаются следующие зоосемизмы (92 зоосемизма): *амёба, аспид, байбак, бирюк, боров, букашка, быдло, ворона, выдра, вьюн, гад, гадина, гадюка, глиста, гнида, гусь, динозавр, ехидна, жаба, жеребец, животное, жук, зверь, зверьё, зверюга, змеёныш, змей, змеюшник, змея, зубр, индюк, ищейка, каракатица, клоп, клуша, кляча, кобель, кобыла / кобылица, кобылка, козявка, корова, кот, крокодил, кукушка, легавый, лис, лиса / лисица, лошадь, малявка, мартышка, мастодонт, медведь, обезьяна, овца, осёл, ослица / ослиха, пантера, паразит, паразитка, паук, пёс, петух, пиявка, попугай, поросёнок, прилипала / прилипало, притворяшка, рыба, сатир, свинья, свора, скорпион, скот,*

скотина, слизняк, слон, собака, сорока, спрут, стадо, сука, сыч, тварь, тля, трутень, тюлень, ублюдок, хамелеон, хищник, цербер, червяк, шавка.

Объектом описания в СОС являются «обидные слова», то есть названия лиц с негативными коннотациями, в частности, зоосемизмы. Зоосемизмы в СОС почти всегда сопровождаются маркерами отрицательной оценки (116 зоосемизмов): *agneц, акула, амёба, аспид, байбак, баран, барбос, бирюк, боров, бугай, быдло, бык, верблюд, волк, волчица / волчиха, воробей, ворона, воронье, выдра, вьюн, гад, гадина, гадюка, гидра, глиста, гнида, головастик, гусыня, гусь, дракон, ёж, ехидна, жаба, животное, жук, зверь, зверюга, змеёныш, змея, зубр, ишак, ищейка, кабан, каракатица, квочка, клещ, клоп, клуша, кляча, кобель, кобра, козёл, козявка, конь, крокодил, крот, крыса, кукушка, курица, легавый, лиса / лисица, лошадка, лошадь, львица, макака, малявка, мартышка, мастодонт, медведь, мелюзга, мошка, обезьяна, одёр, осёл, паук, пёс, петух, пигалица, пиявка, попугай, поросёнок, поросё, прилипала / прилипало, притворяшка, птица, рептилия, росомаха, рыба, свинья, свора, скот, скотина, слизняк, слон, собака, сорока, стадо, страус, теленок / телок, телка, теля, тигрица, тля, трутень, тюлень, ублюдок, хавронья, хамелеон, хищник, червь, червяк, чечетка, чушка, шакал, шилохвостка, щебетунья.*

В толковании некоторых зоосемизмов в СОС отрицательно-оценочные компоненты сочетаются с нейтральными. Например, зоосемизм *коза*: ‘О непоседливой, непослушной и назойливой девочке или молодой женщине’ [СОС: 78]; зоосемизм *овечка*: ‘О смирном, кротком, бесхарактерном человеке’ [СОС: 119]; зоосемизм *нава*: ‘Женщина с горделивой осанкой, плавной походкой и манерными жестами’ [СОС: 124].

Зоосемизмы *бугай, ишак, львица, птица, щебетунья* в двух словарях сопровождаются разной оценочностью. Все они имеют отрицательные оценки в СОС. Но в РСС в значениях зоосемизмов *ишак, птица, щебетунья* оценочность не выявлена (нейтральная оценка). В толковании зоосемизмов *бугай* и *львица* выражена положительная оценка.

Почти у половины зоосемизмов оценочность выражена только в оценочных компонентах толкования, без оценочных помет. Так, не имеют оценочных помет следующие зоосемизмы (77): акула, байбак, баран, барбос, бирюк, бык, верблюд, волк, волчица / волчиха, воробей, ворона, вьюн, головастик, дракон, ёж, жаворонок, жираф, жирафа, зверь, квочка, кит, клещ, кобель, коза, козёл, конь, крокодил, крот, курица, лев, лис, лиса / лисица, лошадка, львица, макака, мастодонт, медведь, мелюзга, морж, муравейник, овечка, овца, одёр, орёл, пава, пантера, паразитка, петух, пугалица, попугай, поросё, притворяшка, рептилия, росомаха, сатир, слон, сова, сорока, спрут, страус, стрекоза, сыч, телёнок, телок, теля, тигрица, трутень, цербер, хавронья, хищник, червь, чечётка, чушка, шакал, шилохвостка, щebetун, щebetунья, ягнёнок.

Что касается собственно помет, в нашем материале выявлены следующие оценочные пометы: презр., пренебр., бран., груб., ирон., ласк., шутол., насмеш. Кроме помет ласк. и шутол., все они отрицательные. В частности, самые распространённые пометы: презр., бран. и пренебр.

Зоосемизм с оценкой презрительное – помета презр. (37): аспид, быдло, воронье, гад, гадина, гадюка, глиста, гнида, гусыня, гусь, ехидна, жаба, животное, зверьё, змеёныш, змеюшник, змея, ищейка, легавый, мошка, осёл, ослица / ослиха, паразит, паук, пёс, пиявка, свора, скорпион, скот, скотина, слизняк, собака, сука, тварь, ублюдок, шавка.

Зоосемизм с оценкой бранное – помета бран. (29): аспид, быдло, выдра, гад, гадина, гадюка, гнида, животное, зверюга, змеёныш, змея, ишак, каракатица, кляча, корова, осёл, паразит, пёс, поросёнок, свинья, скот, скотина, собака, сука, тварь, ублюдок, жаба, змей, ослица / ослиха.

Зоосемизмы с оценкой пренебрежительное – помета пренебр. (22): амёба, боров, букашка, выдра, индюк, ищейка, кабан, клоп, кляча, кобыла /кобылица, кобылка, козявка, корова, кот, крыса, лошадь, малявка, мартишка, прилипала/прилипало, стадо, тля, червяк.

Зоосемизмы с оценкой грубое – помета груб. (15): гад, гадина, гидра,

глиста, гнида, кобра, паразит, свинья, скот, скотина, собака, сука, тварь, ублюдок, телка.

Зоосемизмы с оценкой ласкательное – помета ласк. (6): *голубь, зайчик, ласточка, птичка, сокол, котёнок.*

Зоосемизмы с оценкой шутивное – помета шутил. (6): *динозавр, зубр, каракатица, клоп, тюлень.*

Зоосемизмы с оценкой ироническое – помета ирон. (3): *агнец, жеребец, птица.*

Зоосемизмы с оценкой насмешливое – помета насмеш. (2): *агнец, жеребец.*

Более детально оценочные пометы при зоосемизмах представлены в Таблице № 5.

Таблица № 5

Оценочные пометы при зоосемизмах в двух русских словарях

Зоосемизм	Оценочная помета	Зоосемизм	Оценочная помета	Зоосемизм	Оценочная помета
<i>Агнец</i>	Ирон., насмеш. [СОС: 10]	<i>Змеюшник</i>	Презр. [РСС: 385]	<i>Паразит</i>	Презр, бран. [РСС: 106]; груб. [РСС: 345]
<i>Амёба</i>	Пренебр. [РСС: 114]	<i>Змея</i>	Презр. бран. [РСС: 117]	<i>Паук</i>	Презр. [РСС: 345]
<i>Астид</i>	Презр., бран. [РСС: 116]; бран. [СОС: 13].	<i>Зубр</i>	Шутл. [РСС: 90]	<i>Пёс</i>	Презр., бран. [РСС: 119]; бран. [СОС: 130].
<i>Боров</i>	Пренебр. [РСС: 423]	<i>Индюк</i>	Пренебр. [РСС: 102]	<i>Пиявка</i>	Презр. [РСС: 117]
<i>Бугай</i>	Неодобр. [СОС: 25]	<i>Ишак</i>	Бран. [СОС: 71]	<i>Поросёнок</i>	Бран. [РСС: 105; СОС: 140]
<i>Букашка</i>	Пренебр. [РСС: 344]	<i>Ищейка</i>	Презр. [РСС: 255]; пренебр [СОС: 71]	<i>Прилипала, прилипало</i>	Пренебр. [РСС: 112]

<i>Быдло</i>	Презр., бран. [PCC: 385]; бран. [COC: 26]	<i>Кабан</i>	Пренебр. [COC: 71]	<i>Птица</i>	Ирон. [COC: 153]
<i>Воронье</i>	Презр. [COC: 32]	<i>Каракатица</i>	Шутл., бран. [C: 340]	<i>Птичка</i>	Ласк. [PCC: 349]
<i>Выдра</i>	Пренебр., бран. [PCC: 332]; бран. [COC: 34].	<i>Клоп</i>	Шутл. [PCC: 451]; пренебр., шутл. [COC: 77]	<i>Рыба</i>	Неодобр. [PCC: 105]
<i>Гад</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 118]; бран. [COC: 36]	<i>Клуша</i>	Неодобр. [COC: 77]	<i>Свинья</i>	Груб. бран. [PCC: 119]
<i>Гадина</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 118]; бран. [COC: 36]	<i>Кляча</i>	Пренебр., бран. [PCC: 332]; пренебр. [COC: 77]	<i>Свора</i>	Презр. [C 386; COC: 171]
<i>Гадюка</i>	Презр., бран. [PCC: 116]; бран. [COC: 36]	<i>Кобра</i>	Груб. [COC: 78]	<i>Скорпион</i>	Презр. [PCC: 117]
<i>Гидра</i>	Груб. [COC: 37]	<i>Кобыла</i> <i>Кобылица</i>	Пренебр. [PCC: 332]	<i>Скот</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 119]; презр., бран. [COC: 175]
<i>Глиста</i>	Презр. [PCC: 332]; груб. [COC: 37]	<i>Кобылка</i>	Пренебр. [PCC: 332]	<i>Скотина</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 119]; презр., бран. [COC: 175]
<i>Гнида</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 118]; бран. [COC: 38]	<i>Козявка</i>	Пренебр. [PCC: 344; COC: 79]	<i>Слизняк</i>	Презр. [C 115; COC: 176]
<i>Голубь</i>	Ласк. [PCC: 348]	<i>Корова</i>	Пренебр., бран. [PCC: 332]	<i>Собака</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 117]; бран. [COC: 178]
<i>Гусыня</i>	Презр. [COC: 43]	<i>Кот</i>	Пренебр. [PCC: 107]	<i>Сокол</i>	Ласк. [PCC: 350]

<i>Гусь</i>	Презр. [PCC: 110]	<i>Котёнок</i>	Ласк. [PCC: 349]	<i>Стадо</i>	Презр. [PCC: 386]; пренебр. [COC: 184]
<i>Динозавр</i>	Шутл. [PCC: 82]	<i>Крыса</i>	Пренебр. [COC: 87]	<i>Сука</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 119]
<i>Ехидна</i>	Презр. [PCC: 116]	<i>Кукушка</i>	Неодобр. [PCC: 187]	<i>Тварь</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 119]
<i>Жаба</i>	Презр., бран. [PCC: 116]	<i>Ласточка</i>	Ласк. [PCC: 349]	<i>Телка</i>	Груб. [COC: 193]
<i>Жеребец</i>	Ирон., насмеш. [PCC: 332]	<i>Легавий</i>	Презр. [PCC: 255]	<i>Тля</i>	Пренебр. [PCC: 345]
<i>Животное</i>	Презр., бран. [PCC: 118]	<i>Лошадь</i>	Пренебр. [PCC: 332]	<i>Тюлень</i>	Шутл. [PCC: 105]
<i>Жук</i>	Неодобр. [PCC: 110].	<i>Малявка</i>	Пренебр. [PCC: 330]	<i>Ублюдок</i>	Презр., груб. бран. [PCC: 119, 187]; презр., бран. [COC: 200]
<i>Зайчик</i>	Ласк. [PCC: 348]	<i>Мартышка</i>	Пренебр. [PCC: 103]	<i>Хамелеон</i>	Неодобр. [PCC: 112]
<i>Зверьё</i>	Презр. [PCC: 385]	<i>Мошка</i>	Презр. [COC: 106]	<i>Червяк</i>	Пренебр. [PCC: 345]
<i>Зверюга</i>	Бран. [PCC: 116]	<i>Обезьяна</i>	Неодобр. [PCC: 103]	<i>Шавка</i>	Презр. [PCC: 121]
<i>Змеёныш</i>	Презр., бран. [PCC: 117]; бран. [COC: 64]	<i>Осёл</i>	Презр., бран. [PCC: 90]		
<i>Змей</i>	Бран. [PCC: 117]	<i>Ослица / Ослиха</i>	Презр., бран. [PCC: 90]		

Из Таблицы № 5 видно, что некоторые зоосемизмы сопровождаются двумя или тремя оценочными пометами. Например, зоосемизмы: *agneц*, *астид*, *выдра*, *гад*, *гадина*, *гадюка*, *гнида*, *жеребец*, *змеёныш*, *клоп*, *кляча*, *осёл*, *паразит*, *свинья*, *скот*, *скотина*, *собака*, *сука*, *тварь*, *ублюдок*.

2.4. Грамматические характеристики зоосемизмов в русских толковых словарях⁸

При зоосемизмах имеются грамматические пометы, указывающие на грамматический род. В РСС и СОС используются следующие традиционные для русской лексикографии грамматические пометы: *м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *м.* и *ж.* – общий род.

Здесь надо обратить внимание на неоднозначность общепринятых грамматических помет. В одних случаях (в частности, регулярно при зоонимах) эти пометы указывают на морфологический род, а в других случаях (при названиях лиц мужского пола, в частности, при зоосемизмах) они могут быть интерпретированы как указывающие на биологический пол. Например, зоосемизм *животное* в РСС имеет помету мужского рода *м.* Если это не опечатка словаря, то при среднем грамматическом роде (*низкое животное*) помета *м.* означает отнесенность к лицу мужского пола; зооним *животное* сопровождается пометой среднего рода *ср.*, что указывает на грамматический род: *неизвестное животное*.

Животное: -ого, *м.* **3.** *перен.* ‘Человек с примитивными инстинктами, грубый и неразвитый’. *Низкое ж.* [РСС].

Животное: -ого, *ср.* **1.** ‘Живой организм, существо, обладающее (за исключением губок, коралловых полипов и некоторых других) способностью двигаться и питающееся, в отличие от большинства растений, готовыми органическими веществами’ [РСС].

Однако в СОС зоосемизм *животное* сопровождается пометой среднего рода *ср.*

Эти особенности и расхождения в использовании родовых помет в словарях, как правило, не оговариваются, что для пользователя, особенно иноязычного, составляет проблему.

⁸ При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: Ли Имо 2020а – *Ли Имо*. Зоосемизмы в русской и китайской лексикографии: род и пол // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 2020, № 5. С. 289–295.

Помета общего рода *м.* и *ж.* в лексикографии используется при названиях лиц, и она указывает на биологический пол – на отнесенность номинации к лицам мужского и женского пола. Например:

НЕРЯ'ХА, -и, *м.* и *ж.* (разг.). Неряшливый, неопрятный человек. *Девчонка ходит неряхой* [РСС: 105].

Однако и в применении пометы *м.* и *ж.* наблюдается некоторая непоследовательность. Например, грамматические пометы в двух словарях по-разному характеризуют зоосемизм *лошадь*: в РСС он представляется как женский грамматический род; в СОС – с пометами *м.* и *ж.*, как общий грамматический род или как указание на мужской и женский биологический пол.

В РСС помета *м.* и *ж.* отнесена не только к женскому морфологическому пододу *прилипала*, но и к среднему морфологическому роду *прилипало*; последнее не соответствует традиционному пониманию общего рода:

Прилипала, -ы и *Прилипало*, -а.: 2. *м.* и *ж.* ‘Ловкий и беспринципный человек, примкнувший к кому-н. ради личного интереса, выгоды’ (разг. пренебр.).

В основном же расхождения между двумя словарями касаются грамматической характеристики ряда зоосемизмов на *-а*. Следующие зоосемизмы представлены в РСС как слова общего рода (они сопровождаются грамматической пометой *м.* и *ж.*), а в СОС как слова женского рода (они сопровождаются грамматической пометой *ж.*): *гадина*, *гнида*, *ехидна*, *каракатица*, *кляча*, *малявка*, *скотина*.

Согласно русской грамматической традиции, к общему роду относят названия лиц на *-а*, обладающие особыми свойствами: «Именами существительными общего рода (т. е. мужского и женского) являются существительные на *-а* (*-я*) со значением лица, употребляемые преимущественно в разговорной речи и просторечии, которые, смотря по употреблению, могут быть отнесены к лицам или мужского, или женского

пола, напр.: *настоящий ханжа* (когда говорят о мужчине) и *настоящая ханжа* (когда говорят о женщине)» [Грамматика 1960: § 108].

В этом определении названы формальные признаки слов общего рода (окончание И. ед. *-а*), семантические признаки (значение лица), признаки биологического пола (мужской и женский) и синтаксического рода (согласование соответствует биологическому полу лица). Зоосемизмы на *-а* в основном соответствуют этому определению, однако они часто сохраняют женский синтаксический род при обозначении лица мужского пола, например: Он *настоящая гнида* (*ехидна, скотина*). Здесь местоимение *он* указывает на мужской биологический пол, а прилагательное *настоящая* на морфологический род зоосемизма.

«Русская грамматика 1980» в определении слов общего рода делает особый акцент на их синтаксических свойствах: «Особенностью существительных общего рода является зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица: если это лицо женского пола, то существительное общего рода синтаксически ведёт себя как слово женского рода, если же это лицо мужского пола, то такое существительное синтаксически ведёт себя как слово мужского рода. Родовые характеристики при этом имеют только синтаксическое выражение» [Русская грамматика 1980: § 1135].

Однако для такой сочетаемости характерна нерегулярность и неустойчивость. «Существительные общего рода могут быть употреблены как слова муж. р. и в применении к лицу женского пола (*Нина Владимировна Снегирева — наш школьный заводила*; журн.) и, наоборот, как слова жен. р. — в применении к лицу мужского пола (*Тот оказался, хотя и добрым парнем, но изрядной размазней*; журн.). Такое употребление нормально. Оно отличает слова общего рода от слов типа *судья, глава, коллега*, а также от слов типа *врач, инженер, доктор* в сочетаниях типа *врач пришла, она прекрасный врач*» [Там же].

Таким образом, грамматическая помета *м.* и *ж.* в РСС указывает на

особые синтаксические возможности зоосемизмов; одновременно она характеризует их по признаку биологического пола: как номинации, относящиеся и к мужскому, и к женскому биологическому полу. Грамматическая помета *ж.* в СОС указывает только на морфологические признаки слова: на «женское» склонение существительного.

Толковые словари выявляют возможность согласования по мужскому роду при названиях лиц мужского пола в иллюстративном материале, например: *От этого прилипалы не отвяжешься!* (РСС). Однако такие иллюстрации в словарях не регулярны. Синтаксические свойства зоосемизмов общего рода остаются недостаточно описанными. Для иноязычного пользователя этот грамматический аспект составляет большие затруднения.

Кроме грамматических помет, указывающих на биологический пол, зоосемизмы могут сопровождаться дополнительной информацией о биологическом поле. В РСС используются следующие маркеры для указания на биологический пола зоосемизма: *мужчина, юноша, мальчик* – мужской пол; *женщина, дама, девочка* – женский пол; *человек, тот кто*, название лица по характеризующему признаку (*хитрец*) – мужской и женский пол.

В РСС отношения между грамматическим родом и биологическим полом описываются следующими пятью способами (всего 113 зоосемизмов).

1. Прямое указание на мужской или женский биологический пол при совпадении биологического пола с грамматическим родом (16 зоосемизмов). Например: зоосемизм *жеребец*: -бца, м. перен. ‘Рослый и сильный молодой мужчина’ (*прост. ирон.*) [РСС: 332]. *Корова*: -ы, ж. перен. ‘Толстая и неповоротливая женщина’ (*прост. пренебр.; также бран.*) [РСС: 332].

Прямое указание на мужской биологический пол имеются также при зоосемизмах *бугай, кобель, сокол, змей*. Прямое указание на женский биологический пол имеется при зоосемизмах *выдра, клуша, кобыла / кобылица, кобылка, кукушка, лошадь, львица, стрекоза, ослица, пантера*.

2. Зоосемизм имеет форму мужского грамматического рода, называет

лиц мужского и женского пола, что при толковании маркируется словом *человек* (или характеризующим названием лица, местоимениями *тот кто*). Всего 53 зоосемизма. Например, зоосемизм *морж*: -а, м. ‘Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоёмах’ [РСС: 317]. Зоосемизм *зайчик*: -а, м. *перен.* ‘Ласковое обращение к любимому; вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности’ (*разг.*) [РСС: 348].

Аналогично описаны следующие зоосемизмы: *аспид, байбак, бирюк, боров, вьюн, гад, голубь, гусь, динозавр, жаворонок, животное, жук, зверь, змеёныш, зубр, ишак, кит, клоп, крокодил, лев, легавый, лис, мастодонт, медведь, орёл, осёл, паразит, паук, пёс, петух, попугай, поросёнок, скорпион, скот, слизняк, слон, спрут, трутень, тюлень, ублюдок, хамелеон, хищник, червяк, щебетун, ягнёнок, индюк, кот, котёнок, сатир, сыч, цербер.*

3. Зоосемизм относится к женскому грамматическому роду, называет лиц мужского и женского биологического пола (28 зоосемизмов). В толковании это может отражаться через маркер *человек* (или название лица по характеризующему признаку, местоимения *тот кто*). Зоосемизм *мартышка*: -и, ж. *перен.* ‘Человек, который кривляется, обезьянничает (обычно о ребёнке)’ (*разг. пренебр.*) [РСС: 103].

Аналогично при зоосемизмах *амёба, букашка, ворона, гадюка, глиста, змея, ищейка, козьявка, ласточка, лиса / лисица, обезьяна, овца, паразитка, пиявка, птица, птичка, рыба, свинья, собака, сова, сорока, сука, тварь, тля, шавка, щебетунья, жаба.*

4. При зоосемизме имеется указание на общий грамматический род – грамматическая помета *м.* и *ж.*, в толковании маркируется словом *человек* (или названием лица по характеризующему признаку, местоимениями *тот кто*). Всего 10 зоосемизмов. Например, зоосемизм *гадина*: -ы, м. и ж. *перен.* ‘Подлый, отвратительный, мерзкий человек’ (*прост. презр., также груб. бран.*) [РСС: 118].

Аналогично при зоосемизмах *гнида, ехидна, зверюга, каракатица,*

кляча, малявка, прилипала / прилипало, притворяшка, скотина.

5. При зоосемизме не имеется указания на средний морфологический род. Грамматический род зоосемизма *животное* в РСС представляется как мужской род: *м. перен.* ‘Человек с примитивными инстинктами, грубый и неразвитый’ (*разг. презр., также бран.*) [РСС: 118].

Таким образом, в РСС выявлено пять способов указания на род и пол. Среди них способ 3 (женский морфологический род, относится к мужчине и женщине) и способ 4 (общий род, относится к мужчине и женщине) указывают на ситуацию, когда при женском морфологическом роде зоосемизм называет лиц мужского и женского биологического пола. Разница лишь в том, что способ 4 предполагает у зоосемизмов мужского биологического рода вариантность форм синтаксического рода: они могут иметь при себе согласуемые слова в форме мужского рода и в форме женского рода. Способ 3 предполагает, что при зоосемизме имеется согласование только по женскому синтаксическому роду.

Словарная статья СОС содержит регулярные указания составителя не только на грамматический род зоосемизма, но и на связь конкретного характеризующего значения с биологическим полом.

Здесь представлены те же способы указания на соотношения между грамматическим родом и биологическим полом, что и в «Русском семантическом словаре» (кроме способа 5), однако состав зоосемизмов (всего 121 зоосемизм) отчасти не совпадает. Представлены также два дополнительных способа (5 и 6), не отмеченных в «Семантическом словаре».

1. Прямое указание на мужской или женский биологический пол при совпадении биологического пола с грамматическим родом (26 зоосемизмов).

Прямое указание на женский биологический пол (21 зоосемизм). Зоосемизм *гидра*: *-ы, ж.* ‘О злой и коварной женщине’ (*прост. груб.*) [СОС: 37]. А также следующие зоосемизмы: *выдра, гадина, гадюка, гусыня, квочка, клуша, кобра, коза, кукушка, львица, мартышка, пава, тигрица, чечётка, шилохвостка, волчица / волчиха, курица, макака, телка, хавронья.*

Прямое указание на мужской биологический пол (5 зоосемизмов). Например, зоосемизм *кабан*: -а, м. ‘О грузном, толстом мужчине’ (*прост. пренебр.*) [СОС: 71]. А также следующие зоосемизмы: *бугай, кобель, конь, крокодил*.

2. Зоосемизм имеет форму мужского грамматического рода, называет лиц мужского и женского пола, что при толковании маркируется словом *человек* (или характеризующим названием лица; местоимениями *тот кто*). Всего 50 зоосемизмов. Например, зоосемизм *барбос*: -а, м. ‘О злом, грубом человеке’ [СОС: 17].

Аналогично при зоосемизмах: *агнец, аспид, байбак, баран, бирюк, боров, бык, верблюд, волк, вьюн, гад, головастик, гусь, дракон, ёж, жираф, жук, зверь, змеёныш, зубр, ишак, клоп, козёл, легавый, мастодонт, медведь, одёр, осёл, паук, пёс, петух, попугай, поросёнок, скот, слизняк, слон, телёнок / телок, трутень, тюлень, ублюдок, хамелеон, хищник, червь, червяк, шакал, воробей, клещ, крот, страус*.

3. Зоосемизм относится к женскому грамматическому роду, называет лиц мужского и женского биологического пола (10 зоосемизмов). В толковании это может отражаться через маркер *человек* (или характеризующее название лица; местоимения *тот кто*). Например, зоосемизм *каракатица*: -ы, ж. ‘О неуклюжем, коротконогом человеке’ (*прост.*) [СОС: 74].

Аналогично при зоосемизмах: *жирафа, змея, козьявка, малявка, пигалица, рептилия, росомаха, щебетунья, жаба*.

4. При зоосемизме имеется указание на общий грамматический род, грамматическая помета *м.* и *ж.*, в толковании мужской и женский пол маркируется словом *человек* (или характеризующим названием лица; местоимениями *тот кто*). Всего 5 зоосемизмов. Например, зоосемизм *зверюга*: -и, м. и ж. ‘О чрезвычайно жестоком, свирепом человеке’ (*разг.*) [СОС: 62].

Аналогично при зоосемизмах: *лошадь, прилипала, притворяшка,*

лошадка.

5. Зоосемизм среднего грамматического рода, называет лиц мужского и женского пола (3 зоосемизма). Например, зоосемизм *животное*: -ого, *ср.*; в *знач. сущ.* 'О человеке грубом, с низменными инстинктами и т. п.' (*разг.*) [СОС: 56]. Так же зоосемизмы *теля* и *порося*.

6. При словах женского грамматического рода на -а имеется указание: «также относится к муж. полу» (22 зоосемизма). Например, зоосемизм *акула*: -ы, *ж.* употр. также по отношению к мужскому полу. 'О человеке, занимающемся крупным незаконными сделками, сметающем на своём пути других' [СОС: 10].

Применяется при зоосемизмах: *акула, амёба, ворона, глиста, гнида, ехидна, ищейка, кляча, крыса, лиса / лисица, обезьяна, овечка, пиявка, птица, рыба, свинья, скотина, собака, сорока, тля, мошка, чушка.*

Последний способ является вариантом третьего способа, который отмечен выше при 10 зоосемизмах. Отношения между грамматическим родом и полом у зоосемизмов, описываемых третьим и шестым способами, одинаковые. Однако при шестом способе грамматическая помета *ж.* функционирует одновременно и как маркер женского биологического пола. Такое употребление пометы *ж.* является отступлением от общей лексикографической традиции разделять грамматическую информацию о роде и информацию о биологическом поле и, по крайней мере, нуждается в особой оговорке.

Таким образом, мы выявили общие принципы представления грамматического рода и биологического пола зоосемизмов в русских словарях, а также отметили расхождения в принципах лексикографического представления зоосемизмов и в описании отдельных типов зоосемизмов (или отдельных зоосемизмов). Далее мы более подробно остановимся на этих расхождениях.

Особо остановимся на различиях между русскими толковыми словарями в характеристиках грамматического рода и биологического пола

зоосемизмов.

Как мы уже отмечали, 72 зоосемизма из нашей выборки отражены в обоих словарях – в РСС и в СОС. У большей части (у 47 зоосемизмов) имеются одинаковые характеристики грамматического рода и биологического пола. Например:

Клуша: -и, ж. перен. ‘Медлительная, нерасторопная женщина’ [РСС: 105].

Клуша: -и, ж. ‘Неповоротливая, медлительная и неаккуратная женщина’ [СОС: 77].

Подобное соответствие описаний рода и пола в обоих словарях наблюдается при следующих зоосемизмах: *аспид, байбак, бирюк, боров, бугай, быдло, выдра, вьюн, гад, гусь, жук, зверь, зверюга, змеёныш, змея, зубр, ишак, кобель, козявка, кукушка, легавый, львица, мастодонт, медведь, осёл, паук, пёс, петух, попугай, поросёнок, прилипала, притворяшка, свора, скот, слизняк, слон, собака, трутень, тюлень, ублюдок, хамелеон, хищник, червяк, щebetунья, жаба, стадо*.

В отношении остальных 24 зоосемизмов выявляются некоторые различия между двумя русскими словарями. Часть этих различий сводится к разным способам представления одной и той же информации в отношении грамматического рода и биологического пола. Это 12 зоосемизмов, описанных выше.

Кроме того, у 12 зоосемизмов не совпадают не только способы представления информации о роде и / или поле, но различаются сами характеристики по роду или полу. Такие различия составляют три группы: различия только в грамматическом роде (9 зоосемизмов); различия только в биологическом поле (3 зоосемизма); особый случай составляют зоосемизмы *животное, лошадь и прилипало*.

Для уточнения характеристик рода и пола мы обращаемся к современному узусу. На материале НКРЯ мы пытаемся определить, какие характеристики более адекватно отражают грамматический род и

биологический пол зоосемизмов. Результаты этого исследования учитываются также при дальнейшем анализе проблемы рода и пола у зоосемизмов на материале русско-китайского двуязычного словаря. Разумеется, исчерпывающей информации по интересующей нас проблеме материалы НКРЯ не дают, однако в некоторых случаях позволяют уточнить спорные родополовые характеристики зоосемизмов.

Между двумя русскими словарями имеются расхождения при грамматической характеристике следующих зоосемизмов на *-а*: *каракатица, кляча, гадина, гнида, ехидна, малявка, скотина*.

В обоих словарях эти зоосемизмы отнесены и к мужскому, и к женскому биологическому полу (с возможным уточнением узуальных характеристик типа: *чаще по отношению к женщине*).

РСС характеризует их как слова общего рода, на что указывает помета *м.* и *ж.* В СОС они охарактеризованы как слова женского грамматического рода с помощью пометы *ж.*

Из этих двух разных описаний вытекают различия в представлении форм согласования при данных зоосемизмах. При обозначении лиц женского пола синтаксический род, выраженный в формах согласуемых с зоосемизмом слов (в формах прилагательных, местоимений-прилагательных, глаголов прошедшего времени), всегда соответствует женскому морфологическому роду, выраженному в формах словоизменения: *эта гнида ему сказала*. Слова общего рода при обозначении лиц мужского пола допускают вариантность форм согласования – по женскому синтаксическому роду и по мужскому синтаксическому роду по следующему образцу: *эта гнида ему сказала; этот гнида ему сказал*. При этом возможны расхождения между согласованием атрибутивных форм (прилагательных, местоимений-прилагательных) и предикативных форм (глаголов прошедшего времени) типа: *эта гнида ему сказал*.

С этой позиции рассмотрим последовательно, что показывают материалы НКРЯ.

Каракатица: -ы, м. и ж., перен. ‘Человек с короткими ногами или низкорослый кривоногий человек (обычно неуклюжий)’ [РСС: 340].

Каракатица: -ы, ж. ‘О неуклюжем, коротконогом человеке’ [СОС: 74].

В нашем материале зоосемизм *каракатица* отмечен чаще в значении лица женского пола:

«Уберите воду! — взвизгивает **маленькая каракатица** в униформе, неотличимая от стены, — вода в музее запрещена!» — и я, глазам не веря, увидела на лице **её** счастливое юное сияние (Евгения Долгинова. Холодный дом // «Русская жизнь», 2012 – НКРЯ).

В значении лица мужского пола отмечено согласование только по женскому синтаксическому роду (в примерах отражены только атрибутивные формы), что соответствует помете *ж.* в СОС:

Для вас **Чикилев смерд**, служебный автомат, **кривоногая каракатица**... (Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2, 1927–1959 – НКРЯ).

Вот только бы **Цэрэн приехал** вовремя. Ужели **эта каракатица** и тут опоздает!!! (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №5, 1926 – НКРЯ).

Зоосемизм *кляча* в двух русских словарях относится к мужчине и женщине. Разница в том, что в СОС он описывается как женский грамматический род, а в РСС как общий род.

Кляча: -и, м. и ж. ‘Исхудалый, немощный человек’ [РСС: 332].

Кляча: -и, м. и ж. (чаще по отношению к женщине) [РСС: 345].

Кляча: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О худом, еле стоящем на ногах человеке’ (*прост. пренебр.*) [СОС: 77].

В материалах НКРЯ зоосемизм *кляча* соотнесён с лицами женского и мужского пола. При названиях лиц мужского пола встречается атрибутивное согласование по женскому синтаксическому роду, как это представлено в СОС.

Относится к мужчине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

Может, старая боевая кляча Шемякин ещё порадует безжалостного погонялу Шлайна? (Валериан Скворцов. Каникулы вне закона, 2001– НКРЯ). Данный пример примечателен тем, что в нем, наряду с согласованием по женскому синтаксическому роду при зоосемизме *кляча* (*старая боевая кляча*), представлено также согласование по мужскому синтаксическому роду при слове общего рода *погоняла* (*безжалостного погонялу*).

Впрочем, название «Старые клячи» само по себе уже содержит алиби: на все упрёки в качестве фильма режиссёр может, грустно потупившись, заметить, что, дескать, он и сам такая же старая кляча... (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги, 2000 – НКРЯ).

Ах ты, старик, старая кляча, упрекнул себя (Владимир Личутин. Любостай, 1987– НКРЯ).

В своей специальности я уже набил руку и вполне усвоил репортерскую привычку писать о совершенно незнакомых вещах с развязностью завязатого специалиста. Обвинять же репортерское незнание, пожалуй, несправедливо, потому что поневоле приходится репортеру писать обо всем, а маленькая газетная кляча не обязана быть Гумбольдтом (Д.Н. Мамин–Сибиряк. Черты из жизни Пепко, 1894 – НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

И еще я плохо себя чувствую, и мне стыдно, что я такая кляча, в халате, в бинтах, с немой головой, а ты вынужден на меня смотреть. Потапов действительно смотрел на неё во все глаза (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003 – НКРЯ).

Биологический пол зоосемизма *гадина* в двух словарях описан одинаково, соотнесён с лицами мужского и женского пола. Разница в том, что в СОС он описывается как женский грамматический род, а в РСС как общий род.

Гадина: -ы, м. и ж. перен. ‘Подлый, отвратительный, мерзкий человек’

(прост. презр., также груб. бран.) [РСС: 118].

Гадина: м. и ж. (груб.) [РСС: 345].

Гадина: -ы, ж. 'Об отвратительном, мерзком человеке (обычно женщине)' (прост., бран.) [СОС: 36].

В нашем материале зоосемизм *гадина* относится и к женщине, и к мужчине. При этом имеются синтаксические признаки общего грамматического рода.

Относится к мужчине, мужской синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

«Пусть погибнут оба два» – Вольдеморт за то, что он гадкий гадина, а Поттер в борьбе за правое дело, это к вопросу о вариантах развития (коллективный форум: обсуждение книг. «Гарри Поттер», 2006 – НКРЯ).

Относится к мужчине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

Я с надеждой прислушивалась: это уже было похоже на жизнь. — Да я та самая гадина и есть, — сказал он просто (Дина Рубина. Медная шкатулка, 2011 – НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

Я опять сидела. Потом я пришла домой и, разумеется, сразу же открылась маме, какая я гадина (Вероника Капустина. Щекотка // «Звезда», 2009 – НКРЯ).

Зоосемизм *гнида* в обоих словарях соотнесён с лицами мужского и женского пола. В РСС представлены грамматические различия между разными употреблениями слова *гнида*. В переносном значении указан женский грамматический род, в значении бранного слова – общий грамматический род.

Гнида: -ы, ж. перен. 'Подлый и отвратительный человек, мерзавец' (прост. презр., также груб. бран.) [РСС:118].

Гнида: м. и ж. (груб.) [РСС: 345].

В СОС зоосемизм *гнида* имеет женский грамматический род.

Гнида: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О ничтожном, мерзком человеке’ (*прост. бран.*) [СОС: 38].

В нашем материале при зоосемизме *гнида* встречается только согласование по женскому синтаксическому роду, как это описано в СОС:

Относится к мужчине, женский синтаксический род в атрибутивных и предикативных согласуемых формах:

Ему ответили: ждём через час — через час в тесном кабинете мелкая, плохо одетая гнида, впервые видящая живого наркома, сообщила... (Александр Терехов. Каменный мост, 1997–2008 – НКРЯ).

Что можете сообщить о восьми автомобилях иностранного производства, числящихся за вами, — нет, давайте-ка (гнида ему сказала «давайте-ка») письменно и в моем присутствии... (Александр Терехов. Каменный мост, 1997–2008 – НКРЯ).

Однако Сергей не забыл, что является наполовину хохлом и должен поддерживать любую гниду, коли она украинских кровей, да еще с рябой рожей. — Васюк мужик что надо: и в Туле лишнего не переплатил, и в Ижевске Котю-контрактника на место поставил (Владимир Черкасов. Чёрный ящик, 2000 – НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род в атрибутивных и предикативных согласуемых формах:

Ритка–Маргаритка. Гнида такая. Пришла к Лизке... (Михаил Елизаров. Библиотекарь, 2007 – НКРЯ).

Это она наши с тобой баксы стырила! Вот гнида! Ну я ей покажу! (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия, 2003 – НКРЯ).

Тут же, перед стенгазетой, я выдал в доску своим, как мне казалось, ребятам экспромт: «Тимашук Лидка — большая гнида (Эдуард Розенталь. Отец // «Вестник США», 2003.10.15 – НКРЯ).

Зоосемизм *ехидна* в двух словарях описан одинаково, соотнесён с лицами женского и мужского пола. Разница в том, что в СОС он описывается

как женский грамматический род, а в РСС как общий род.

Ехидна: -ы, перен., м. и ж. ‘Злобный, язвительный и коварный человек’ (разг. презр.) [РСС: 116].

Ехидна: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О злом язвительном, коварном человеке’ (разг.) [СОС: 54].

В нашем материале зоосемизм *ехидна* относится к мужскому и женскому полу. встречается атрибутивное согласование только по женскому синтаксическому роду, как в СОС.

Относится к мужчине, женский синтаксический род в атрибутивных формах:

Какая же ты ехидна, Пантюша! — огрызнулся Пантов (Сергей Романов. Парламент, 2000 – НКРЯ).

Вре-е-ешь, подлый человек! Ехидна дьявольская! Был во мне Бог! Был! (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997 – НКРЯ).

— *А! старая ехидна! Сам, видно, нарушил свою фетву и теперь желает, чтобы её нарушили мы!* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды, 1893-1916 – НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном и предикативном согласовании:

Почтмейстерша, слышшая за большую хозяйку и великую ехидну, даже уж вперёд несколько раз публично выражала такое мнение, что без Пизонского в Старом Городе и жить было бы невозможно (Н. С. Лесков. Котин доилец и Платонида, 1880–1890 – НКРЯ).

Конечно, эта ехидна так просто не отпустит Петра Ильича, она потребует выкупа, и немалого (Ю. М. Нагибин. Как был куплен лес, 1972-1977 – НКРЯ).

Старая ехидна, сегодня за обедом искоса блеснув косым, по-матерински насмешливым взглядом на Ло (я только что кончил описывать в шутовском тоне прелестные усики щеточкой, которые почти решил отпустить), сказала: «Лучше не нужно, иначе у кого-то совсем закружится

головка» (В. В. Набоков. Лолита, 1967 – НКРЯ).

Зоосемизм *малявка* в двух русских словарях относится к мужчине и женщине. Разница в том, что в РСС он описывается как общий род, а в СОС как женский грамматический род.

Малявка: -и, 1. м. и ж. ‘О маленьком ребёнке’ (разг.). [РСС: 330] 2. -и, м. и ж. ‘О человеке очень маленького роста’ (разг., пренебр.) [РСС: 333].

Малявка: -и, ж. ‘О человеке (и ребёнке) маленького роста’ (разг.) [СОС: 99].

В материалах НКРЯ зоосемизм *малявка* соотнесён с лицами мужского и женского пола. При названиях лиц мужского пола встречается атрибутивное согласование по мужскому синтаксическому роду и женскому синтаксическому роду, как это описано в РСС.

Относится к мужчине, женский синтаксический род, выраженный в атрибутивном согласовании:

Только что ты назвал Рэсси медлительной малявкой и тут же готов плыть с ним на край света (Евгений Велтистов. Рэсси – неуловимый друг, 1971– НКРЯ).

Относится к мужчине, мужской синтаксический род, выраженный в атрибутивном и предикативном согласовании:

А через год, решив ещё поучиться (второе образование), в институте познакомилась со своим третьим мужем. И... ещё одно замужество, второй сын, мой долгожданный малявка! (Женщина + мужчина: Брак, 2004 – НКРЯ).

Кузнечик поймал на себе взгляд одного из них и услышал: — А этот безрукий малявка дрался, как тигр! (Мариам Петросян. Дом, в котором... , 2009 – НКРЯ).

Старшие, пропуская шествие, любовались Вонючкой и заглядывали под простыню. — Крутой малявка, — уважительно заметил Хромой (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009 – НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род в атрибутивных и

предикативных согласуемых формах:

*Пока за **ней** ходили, все сидели и молчали, а я уже понял: что бы ни сказала эта **малявка**, это ничего не изменит, все и так решено, да и что она может сделать, если даже Костика сломали* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова, 2013– НКРЯ).

*Утолив жажду, **она** покашляла, провела ладонью по волосам. — **Жива, малявка?** — спросила у **самой** себя и себе же **пообещала**: — Ну, мы ещё попрыгаем!* (Сергей Таранов. Мстители, 1999 – НКРЯ).

*И вот Алька начала понемногу захватывать сено, так, чтобы поменьше **мельтешилась** в глазах **эта трудолюбивая малявка**, потому что охапки носить она не приспособлена сегодня — не та одевка, а во-вторых, с какой стати **рвать жилы?*** (Федор Абрамов. Алька, 1971– НКРЯ).

*— А вот лошадь, — сумрачно сказал Гаврик и тотчас надулся от стыда за то, что не удержался и унизился до разговора с **такой малявкой в бантиках*** (В. П. Катаев. Белеет парус одинокий, 1936 – НКРЯ).

Зоосемизм *скотина* в обоих словарях соотнесён с лицами мужского и женского пола. Разница в том, что в СОС он описывается как женский грамматический род, а в РСС как общий род.

Скотина: -ы, м. и ж. перен. ‘Грубый и подлый человек, негодяй’ (прост. презр., также груб. бран.) [РСС: 119].

Скотина: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О грубом, низком, подлом человеке’ (прост. презр. бран.) [СОС: 175].

В нашем материале зоосемизм *скотина* относится к мужчине и женщине. При названиях лиц мужского пола встречается атрибутивное согласование по мужскому синтаксическому роду и женскому синтаксическому роду, как в РСС.

Относится к мужчине, мужской синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

*Утром она мне позвонила: «**Этот скотина, твой дружок, меня вчера избил, платье разорвал, изнасиловал, уголовник проклятый, я ему этого не***

прошу никогда... (Аркадий Пастернак. Сонька–помойка (Воспоминания покойника) // «Октябрь», 2002 – НКРЯ).

Относится к мужчине, женский синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

*Каких виноватых ищешь? Ты сам, сам во всем виноват, **скотина ты пьяная*** (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001– НКРЯ).

*Тихий ждал Ваську Семихватского, **Васька** — **скотина изрядная**, конечно, и самовольник, но что-то придумал бы* (Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013 – НКРЯ).

— *Так вот **он** кто, Дашкевич, **ветхая, упрямая скотина** на неясной должности в «Иностранной литературе»; то он испугался, когда я позвонил!* (Александр Терехов. Каменный мост, 1997–2008 – НКРЯ).

*Я ему в своё время отказала в близости, — Ольга гордо вздёрнула нос и повела плечами, как в русском народном танце, — и поэтому **он** мне не помог. **Грязная скотина**, а не мужчина* (А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта, 2000–2004 – НКРЯ).

*Реплика сэра Тоби, произнесённая влажным басом Селезнюка: «**Вот самоуверенная скотина!**»* (Андрей Дмитриев. Призрак театра (2002–2003) // «Знамя», 2003– НКРЯ).

Относится к женщине, женский синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

Сама** возможность беспокойства о других даёт основание полагать, что ты не совсем **сонная и сытая скотина (Саша Денисова. Мороз и совесть // «Русский репортер», 2012 – НКРЯ).

*А потом **её** лицо исказилось, взмыло в воздух, и ангел изо всех сил пнул Пифф ногой. — Ах ты, **ленивая скотина!**.. Ослепительный свет. Детский крик* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Семеро праведных в раю господина, 2004 – НКРЯ).

*А я, бывает, гуляю по лесу и думаю — **какая я скотина**, опять*

мобильник **отключила**, а мне, небось, какой-нибудь продюсер звонит (Александр Клейн. Мама даси, представитель Бога на земле // «Пятое измерение», 2003 – НКРЯ).

Особый случай составляют зоосемизмы *животное, лошадь, прилипало*.

Зоосемизм *животное* в РСС отражается как мужской род. В СОС он представляется как средний род.

животное: -ого, м. перен. ‘Человек с примитивными инстинктами, грубый и неразвитый’ (разг. презр., также бран.) [РСС: 118].

животное: -ого, ср.; в знач. сущ. ‘О человеке грубом, с низменными инстинктами и т. п.’ (разг.) [СОС: 56].

Примеры из НКРЯ показывают, что в РСС помета м. указывает не на грамматический род (формы словоизменения или согласования), а на биологический пол зоосемизма (возможность употребления по отношению к мужчине: *он животное*). Зоосемизм *животное* относится к среднему роду. Поэтому подтверждается его грамматическая характеристика в СОС.

Относится к женщине, средний синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

«Сейчас о жене и матери вспомнил, а раньше говорил, что **жена** — это **домашнее животное**, которое надо иногда выводить гулять и трахать», — подумал Мака... (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо, 2007–НКРЯ).

Разве что-нибудь этой рыжей поможет?! Это животное! Как мне хотелось бы сейчас жить обыкновенной нормальной жизнью (Юрий Азаров. Подозреваемый, 2002 – НКРЯ).

Относится к мужчине, средний синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

Я сказал ему, что он не человек, а животное, скотина, червяк, которого надо просто давить (Артем Тарасов. Миллионер, 2004 – НКРЯ).

Ещё спрашивали: а если сравнивать с животным, вы кто — лев, рысь или лиса? Он отвечал: я сам животное. А почему у вас такой

мефистофельский вид? (Ольга Утешева. Борис Гребенщиков: внутри у меня скелет // «Домовой», 2002.04.04 – НКРЯ).

Чтобы самому не превратиться в модное животное, я на всякий случай три раза повторил про себя «я не умею рисовать», четыре — «у меня нет вкуса» и пять — «сатин и шифон суть одно и то же» (Федор Павлов–Андреевич. Питомник // «Домовой», 2002.04.04 – НКРЯ).

Тот даже поежился. Не человек, а бездушное животное. Или притворяется? Считает «охи» и «ахи» не достойными мужчины? (Марианна Баконина. Девять граммов пластита, 2000 – НКРЯ).

Генерал боится и борется со страхом, но в этой борьбе он всего лишь большое животное, не человек и уж тем более не врач, он не симпатичен ни профессионально, ни духовно (Рейн Карасты. Два генерала // «Звезда», 2000 – НКРЯ).

Зоосемизм *прилипало* в РСС, как и зоосемизм *прилипала*, имеет помету общего рода, он отнесён к мужчине и женщине. В СОС *прилипало* характеризуется как средний род.

Прилипала -ы, и *прилипало* -а, 1. м. и ж. ‘Навязчивый, неотвязный и надоедливый человек’ (прост.) [РСС: 101]. *Прилипала* -ы, и *прилипало* -а, 2. м. и ж. ‘Ловкий и беспринципный человек, примкнувший к кому-н. ради личного интереса, выгоды’ (разг. пренебр.) [РСС: 112].

Прилипала: -ы, м. и ж. ‘О надоедливом, неотвязном человеке’ (прост.)
Прилипало: -а, ср., см. *прилипала* [СОС: 145].

Материалы НКРЯ отражают отнесение зоосемизма среднего морфологического рода к мужскому биологическому полу, но не отражают его синтаксических свойств.

Оные же дураки, как лепень–прилипало Шаховской и другие протчие, были употреблены для наказания многим знатным персонам и министрам, будто во пьянстве и от их самого произволения. (Елена Уханова. Медаль для «нового Иуды» (2007) // «Родина», 2011 – НКРЯ).

Вот увязался на мою голову! Слышь ты, прилипало! Иди, не

отставай, а то сейчас домой отправлю! (Николай Дубов. Огни на реке, 1966 – НКРЯ).

Зоосемизм *лошадь* в РСС представлен как женский грамматический род, он отнесён к мужчине и женщине. В СОС *лошадь* определяется как общий грамматический род, при этом тоже отнесён к мужчине и женщине.

Лошадь: -и, ж. перен. ‘То же, что *кобыла*: рослая крупная и нескладная женщина’ (прост. пренебр.) [РСС: 332]; ‘О много и тяжело работающем человеке’ (разг.) [РСС: 420].

Лошадь: -и, м. и ж. ‘О человеке, которого используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе’ [СОС: 97].

В нашем материале у зоосемизма *лошадь* выявляется только женский синтаксический род, при этом зоосемизм относится и к женщине, и к мужчине.

Относится к женщине, женский синтаксический род в атрибутивных согласуемых формах:

Она такая же серая мышь, бездельница, злока и пролетариат, как и моя мама, которая хоть и танцует седьмого лебедя у второго пруда в Мариинке, и обвесил её папа бирюльками, а она всё равно пролетариат, некрасивая рабочая лошадь «бэпэшка», строящая из себя английскую верховую (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009 – НКРЯ).

Относится к мужчине, женский синтаксический род в атрибутивной согласуемой форме:

И дело не в том, что я устаю писать, — напротив, я с великой радостью, получая аванс за авансом, начинал бы книжку за книжкой. Нет, я люблю писать книжки, я только с трудом их заканчиваю. В конце их — я лошадь, собравшая на свои копыта всю глину дорог... (Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008 – НКРЯ).

Как уже говорилось выше, в академической научной традиции к общему роду относятся только названия лиц на *-а* [Грамматика 1960: § 108].

Поэтому помету *м. и ж.* в СОС следует, по-видимому, понимать не как грамматическую характеристику зоосемизма *лошадь*, а как характеристику по признаку биологического пола. Отсюда возникает нежелательная для лексикографии неоднозначность грамматических помет.

Таким образом, в наших материалах зоосемизмы *лошадь, гнида, каракатица, кляча, ехидна*, характеризую мужчину, имеют только женский синтаксический род в атрибутивных и предикативных согласуемых формах (соответствуют описанию в СОС). Зоосемизмы *гадина, малявка, скотина*, характеризую мужчину, имеют и мужской, и женский синтаксический род в атрибутивных и предикативных согласуемых формах, то есть являются словами общего рода (как они представлены в РСС). Кроме того, зоосемизм *животное* имеет средний синтаксический род, при этом обозначат лиц мужского и женского пола.

Между двумя русскими словарями имеются расхождения при обозначении биологического пола следующих зоосемизмов: *гадюка, крокодил, мартышка*. На основе материалов НКРЯ, мы пытаемся выяснить, какое описание более адекватно отражает современный узус.

Зоосемизм *крокодил* в РСС относится к мужчине и женщине, в СОС только относится к мужчине.

Крокодил: -а, м. перен. ‘Человек с некрасивой отталкивающей внешностью’ (прост.) [РСС: 340].

Крокодил: -а, м. ‘О мужчине с грубым, обезображенным лицом’ [СОС: 86].

В нашем материале зоосемизм *крокодил* характеризует не только мужчину, но и к женщину, как в это представлено в РСС.

Относится к женщине.

Вы всего лишь двуногий крокодил в юбке:) Так что не стоит тут из себя разыгрывать Шарлиз Терон... мы оба знаем, что теряя Вас и 15 су, теряешь только деньги... (Женщина + мужчина: Психология любви, 2004 – НКРЯ).

Ты посмотри на себя в зеркало, ты, крокодил в юбке?! (Николай Коляда. «Мы едем, едем, едем в далёкие края...», 1995– НКРЯ).

Ну, разумеется, если не очень старая и не совсем уж крокодил (Дмитрий Притула. Доктор Кузин // «Звезда», 2001– НКРЯ).

Относится к мужчине.

Сам ты крокодил! Как ты смеешь говорить о ней в таком тоне? Нашёлся / понимаете ли / донжуан! Марчелло Мاستроянни / Раймонд Паулс! (Анатолий Эйрамджан, Геральд Бежанов. Где находится нофелет, 1987– НКРЯ).

Марья в слезы: «Сам ты у меня крокодил» (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн, 2001– НКРЯ).

Это была шутка в духе П. Л.: прозвище Крокодил дал Резерфорду, разумеется, именно он; позолоченный ключ, которым лаборатория была открыта во время официальной церемонии, также был в форме крокодила (Д. Шёнберг. Кембриджские годы, 1994– НКРЯ).

Зоосемизм *гадюка* в РСС относится к мужчине и женщине, в СОС относится только к женщине.

Гадюка: -и, ж. перен. ‘Злой и язвительный человек’ (разг. презр., также бран.) [РСС:116].

Гадюка: -и, ж. ‘Об отвратительной, подлой женщине’ (прост., бран.) [СОС: 36].

В нашем материале зоосемизм *гадюка* не только относится к женщине, но и к мужчине, как в РСС.

Относится к мужчине.

Я просто раздавил змею, опасную гадюку. Ренальдо никому не принёс счастья и заслужил смерть (Донцова, Крутые поклоннички, 1999 – НКРЯ).

Относится к женщине.

– Рыжая, какая же ты гадюка ядовитая, – обиделась Аня. – Я тебя больше никогда ни о чём просить не буду (Дельвиг, Рыжая. Дело одинокой канарейки, 2001– НКРЯ).

Зоосемизм *мартышка* в РСС относится к мужчине и женщине, в СОС относится только к женщине.

Мартышка: -и, ж. перен. ‘Человек, который кривляется, обезьянничает (обычно о ребёнке)’ (разг. пренебр.) [РСС: 103].

Мартышка: -и, ж. ‘О некрасивой, безобразной женщине или девушке’ (прост.) [СОС: 100].

В нашем материале зоосемизм *мартышка* относится и к мужчине, и к женщине, как это представлено в РСС.

Относится к женщине.

— *Вашу мать, — заорал дядька в грязной куртке, распахивая дверь с моей стороны, — так и знал! Мартышка за рулём! Ты че? Знак аварийной остановки не увидела?* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004 – НКРЯ).

Относится к мужчине.

— *И ничего бы у вас не вышло, профессор, — сказал Ганка. — Я как-то видел его — это маленькая злая мартышка, ни под какую мерку он не подходит* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1, 1943–1958 – НКРЯ).

Таким образом, зоосемизм *гадюка, крокодил, мартышка* соотнесены к лицами мужского и женского пола, как это представлено в РСС.

2.5. Основные выводы

1. Основным источником исследования русских зоосемизмов в нашей работе являются толковые словари, Из словарей русского языка методом сплошной выборки материала систематически обработаны «Русский семантический словарь» (РСС) и «Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением» Л.В. Дуличенко (СОС). РСС составлен на основе полного извлечения материалов из однотомного "Словаря русского языка" и из "Толкового словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, дополнен материалами 17-томного "Словаря современного русского литературного языка". СОС опирается на материалы «Словаря русского

языка» под ред. А.П. Евгеньевой, при этом круг вторичных номинаций, в том числе зоосемизмов, существенно расширен за счёт собственных наблюдений составителя над современной речью. Таким образом, эти два словаря в совокупности отражают основные научные традиции современной лексикографии.

Методом сплошной выборки материала выявлено 162 русских зоосемизма. Состав зоосемизмов в двух русских словарях совпадает лишь отчасти – 72 зоосемизма; 41 зоосемизм зафиксирован только в РСС; 49 зоосемизмов зафиксированы только в словаре СОС.

Расхождения в лексическом составе подкласса зоосемизмов отчасти связаны с лексикографическими принципами базовых словарей, отчасти отражают субъективность лексикографических решений при описании переносных значений. Этот факт выявляет сферу недостаточной изученности зоосемической проблематики.

2. Из 72 зоосемизмов, которые отражены в РСС и СОС, только 26 зоосемизмов представлены с одними и теми же характеризующими признаками: *байбак, боров, гад, глиста, ехидна, животное, жук, ищейка, каракатица, кобель, козявка, легавый, лиса / лисица, малявка, осёл, пёс, попугай, поросёнок, притворяшка, свора, скот, слон, трутень, хамелеон, щебетунья, стадо*. Остальные зоосемизмы различаются по составу характеризующих признаков. Эти различия составляют три типа.

1) Близкие характеризующие значения, преимущественно относящиеся к одним и тем же общим характеристикам человека, но они названы по-разному (25): *аспид, бугай, ворона, вьюн, гадина, гадюка, гусь, зверь, зверюга, змеёныш, змея, клоп, кляча, крокодил, паук, птица, рыба, скотина, слизняк, собака, сорока, тля, тюлень, ублюдок, червяк*.

2) Характеризующие значения зоосемизмов в двух словарях совпадают только частично (12): *бирюк, быдло, выдра, гнида, зубр, клуша, медведь, обезьяна, петух, прилипала/прилипало, свинья, хищник*. Толкования в СОС преимущественно более детальные, а в РСС более обобщенные.

Отличительные характеризующие признаки каждого из словарей подтверждаются, как правило, материалами НКРЯ.

3) Характеризуют человека по разным признакам (9): *амёба, жаба, ишак, кукушка, лошадь, львица, мартышка, мастодонт, пиявка*. В материалах НКРЯ эти зоосемизмы, как правило, отражены в тех и других значениях. Мы не обнаружили подтверждения признаков ‘агрессивный, разъярённый’ [СОС] для зоосемизма *львица* и признака ‘неуклюжий’ [СОС] зоосемизма *мастодонт*.

В целом можно констатировать, что толкования двух словарей дополняют друг друга.

3. Метафорические значения характеризуются стилистической окрашенностью. Поэтому в словарях зоосемизмы регулярно сопровождаются стилистическими пометами: *разг., прост., устар., нар.-поэт., книжн.* Большинство зоосемизмов характеризуются как разговорные (71 зоосемизм) или просторечные (57 зоосемизмов). Как стилистически нейтральные (без особой стилистической пометы) в обоих словарях представлены 42 зоосемизма.

Расхождения в стилистических пометах при зоосемизмах наблюдаются в отношении употребления пометы *устар.*, а также в соотношении помет *разг.* и *прост.* Нам не удалось выявить определенной тенденции в соотношении различающихся в двух словарях стилистических помет. С одной стороны, как более сниженные характеризуются некоторые зоосемизмы в СОС: здесь имеется помета просторечное при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное: *гадюка, кляча, козьявка, мартышка*, а также при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное и просторечное: *каракатица, прилипала / прилипало*. С другой стороны, в СОС помечены как разговорное зоосемизмы, которые имеют в РСС помету просторечное: *гусь, зверюга, ищейка*; отсутствует помета устарелое при зоосемизмах *аспид, львица, ублюдок*.

Такая ситуация может объясняться отчасти установками базовых

толковых словарей. Немаловажную роль могут играть и объективные факторы, в частности, диффузность самих стилистических характеристик.

4. Оценочность у зоосемизмов выражается двумя способами: оценочными компонентами в толковании и оценочными пометами.

Маркерами положительной оценки (преимущественно положительными компонентами в толковании) в РСС сопровождаются зоосемизмы *бугай, голубь, зайчик, кит, ласточка, лев, львица, орёл, птичка, сокол, стрекоза, ягнёнок, котёнок*. Отдельные зоосемизмы не сопровождаются маркерами оценочности – они могут быть отнесены к нейтральной оценке: *жаворонок, ишак, морж, муравейник, птица, сова, щебетун, щебетунья*.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство русских зоосемизмов характеризуют человека отрицательно. Маркерами отрицательной оценки в РСС сопровождаются 92 зоосемизма.

Объектом описания в СОС являются «обидные слова», то есть названия лиц с негативными коннотациями, в частности, зоосемизмы. Зоосемизмы в СОС почти всегда сопровождаются маркерами отрицательной оценки (116 зоосемизмов). В толковании некоторых зоосемизмов в СОС отрицательные оценочные компоненты сочетаются с нейтральными, например, *коза, овечка, пава*.

Зоосемизмы *бугай, ишак, львица, птица, щебетунья* в двух словарях сопровождаются разной оценочностью. Все они имеют отрицательные оценки в СОС. Но в РСС в значениях зоосемизмов *ишак, птица, щебетунья* оценочность не выявлена (нейтральная оценка). В толковании зоосемизмов *бугай* и *львица* выражена положительная оценка.

Почти у половины зоосемизмов оценочность выражена только в оценочных компонентах толкования, без оценочных помет. Так, не имеют оценочных помет в обоих словарях 77 зоосемизмов.

Что касается собственно помет, в нашем материале выявлены следующие оценочные пометы: *презр., пренебр., бран., груб., ирон., ласк.,*

шутл., насмеш. Кроме помет *ласк.* и *шутл.*, все они отрицательные. В частности, самые распространённые пометы: *презр.* (37), *бран.* (29), *пренебр.* (22), *груб.* (15). Некоторые зоосемизмы сопровождаются двумя или тремя оценочными пометами. Например, зоосемизмы: *агнец, аспид, выдра, гад, гадина, гадюка, гнида, жеребец, змеёныш, клоп, кляча, осёл, паразит, свинья, скот, скотина, собака, сука, тварь, ублюдок.*

5. При зоосемизмах имеются грамматические пометы, указывающие на грамматический род. В РСС и СОС используются следующие традиционные для русской лексикографии грамматические пометы: *м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *м.* и *ж.* – общий род.

Обращает на себя внимание неоднозначность общепринятых грамматических помет. В одних случаях (в частности, при зоонимах) эти пометы указывают на морфологический род, а в других (при названиях лиц мужского пола, в частности, при зоосемизмах) они могут указывать на биологический пол. Например, зоосемизм *животное* в РСС имеет помету *м.*, что означает в данном случае отнесенность к лицу мужского пола; зооним *животное* сопровождается пометой *ср.*, что указывает на грамматический род. Эти особенности и расхождения в использовании родовых помет в словарях, как правило, не оговариваются, что для пользователя, особенно иноязычного, может составить проблему.

Помета общего рода *м.* и *ж.* в лексикографии используется при названиях лиц, и она указывает на биологический пол – на отнесенность номинации к лицам мужского и женского пола. Однако в применении пометы *м.* и *ж.* наблюдается некоторая непоследовательность. Например, грамматические пометы в двух словарях по-разному характеризуют зоосемизм *лошадь*: в РСС *лошадь* представляется как женский грамматический род; в СОС – с пометами *м.* и *ж.*, как общий грамматический род или как указание на мужской и женский биологический пол. В РСС помета *м.* и *ж.* отнесена не только к женскому морфологическому пододу *прилипала*, но и к среднему морфологическому роду *прилипало*;

последнее не соответствует традиционному пониманию общего рода.

В основном расхождения между двумя словарями касаются грамматической характеристики ряда зоосемизмов на *-а*. Следующие зоосемизмы представлены в РСС как слова общего рода и сопровождаются грамматической пометой *м. и ж.*, а в СОС как слова женского рода и сопровождаются грамматической пометой *ж.*: *гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка, скотина*.

Согласно русской грамматической традиции, к общему роду относят названия лиц на *-а*, обладающие особыми свойствами, в частности, обозначая лицо мужского пола, эти существительные могут иметь при себе согласуемые слова как по женскому, так и по мужскому роду. Для такой сочетаемости характерна нерегулярность и неустойчивость. Толковые словари выявляют возможность согласования по мужскому роду при названиях лиц мужского пола в иллюстративном материале, например: *От этого прилипалы не отвяжешься!* (РСС). Однако такие иллюстрации в словарях не регулярны. Синтаксические свойства зоосемизмов общего рода остаются недостаточно описанными.

6. Зоосемизмы сопровождаются информацией о биологическом поле. Способы ее представления в словарях не формализованы и недостаточно унифицированы. Для указания на биологический пола зоосемизма используются следующие маркеры: *мужчина, юноша, мальчик* – мужской пол; *женщина, дама, девочка* – женский пол; *человек, тот кто*, название лица по характеризующему признаку (*хитрец*) – мужской и женский пол.

В РСС и СОС отношения между грамматическим родом и биологическим полом описываются четырьмя основными способами: прямое указание на мужской или женский биологический пол при совпадении биологического пола с грамматическим родом; зоосемизм имеет форму мужского грамматического рода, называет лиц мужского и женского пола, что при толковании маркируется словом *человек* (или характеризующим названием лица, местоимениями *тот кто*); зоосемизм относится к женскому

грамматическому роду, называет лиц мужского и женского биологического пола, в толковании это может отражаться через маркер *человек* (или название лица по характеризующему признаку, местоимения *тот кто*); при зоосемизме имеется указание на общий грамматический род – грамматическая помета *м.* и *ж.*, в толковании маркируется словом *человек* (или названием лица по характеризующему признаку, местоимениями *тот кто*).

В СОС представлен также дополнительный способ, не отмеченный в РСС: при словах женского грамматического рода на *-а* имеется указание: «также относится к муж. полу», например, зоосемизм *акула*. При этом способе грамматическая родовая помета *ж.* функционирует одновременно и как маркер женского биологического пола. Такое употребление пометы *ж.* является отступлением от общей лексикографической традиции разделять грамматическую информацию о роде и информацию о биологическом поле и, по крайней мере, нуждается в особой оговорке.

7. В характеристиках грамматического рода и биологического пола зоосемизмов между русскими толковыми словарями выявляются некоторые различия. Зоосемизмы на *-а гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка, скотина* РСС характеризует как слова общего рода, на что указывает помета *м.* и *ж.* В СОС они охарактеризованы как слова женского грамматического рода с помощью пометы *ж.*

У слов общего рода при обозначении лиц мужского пола допускается вариантность форм согласования – по женскому синтаксическому роду и по мужскому синтаксическому роду по следующему образцу: *эта гнида ему сказала; этот гнида ему сказал*. При этом возможны расхождения между согласованием атрибутивных форм (прилагательных, местоимений–прилагательных) и предикативных форм (глаголов прошедшего времени) типа: *эта гнида ему сказал*. С этой позиции исследованные материалы НКРЯ подтверждают женский грамматический род зоосемизмов *гнида, ехидна, каракатица, кляча*; подтверждают общий грамматический род зоосемизмов

гадина, малявка, скотина. Выявлены также расхождения в грамматической характеристике зоосемизмов *животное, лошадь, прилипало*.

Между двумя русскими словарями имеются расхождения при обозначении биологического пола зоосемизмов: *гадюка, крокодил, мартышка*. На основе материалов НКРЯ подтверждается отнесение их к мужскому и к женскому биологическому полу, как это представлено РСС.

8. Выявленные расхождения между авторитетными толковыми словарями в лексическом составе зоосемизмов, в наборе характеризующих признаков, в стилистических и прагматических характеристиках, в грамматических пометах и при обозначении биологического пола отчасти отражают подвижность, изменчивость, неустойчивость метафорических значений, характерную для экспрессивной лексики в целом. Они выявляют также недостаточную разработанность зоосемической проблематики, недооцененность специфики грамматических характеристик зоосемизмов в лингвистике.

Глава 3. Русские зоосемизмы на фоне китайского языка

3.1. Китайская лексикология и лексикография

В теории китайской лексикологии имеются два основных метода. Во-первых, метод 显, 潜 – это два способа существования феномена языка. 显 – (сянь) *досл.* ‘явный’⁹, обозначает уже существующий феномен языка; 潜 – (циань) *досл.* ‘скрытый’, обозначает внутренний скрытый феномен языка [Дяо Янь-бинь 2013: 17]. Данный метод важен для определения объекта и категорий языкового анализа, особенно при анализе лексики.

Во-вторых, метод «ноля и отклонения»; «ноль» обозначает стандартное, первичное состояние; «отклонение» значит изменение в реальности. Китайский исследователь Ван Си-цие впервые систематизирует и использует этот метод при описании стилистики китайского языка [Дяо Янь-бинь 2013: 17].

Исследование лексики в Китае осуществляется в двух аспектах: диахроническом и синхроническом. В синхроническом аспекте, под влиянием теории семантики за рубежом, китайские исследователи делают попытку разработать способы компонентного анализа лексики современного китайского языка.

Цзя Янь-дэ в работе «Семантика китайского языка» отмечает, что развитие семантики в Китае проходит три этапа. Первый этап – период «сюнь гу», то есть конфуцианская экзегетика (с династии Хань до конца династии Манчжурской), примерно две тысячи лет. В этот период китайские исследователи только анализируют и комментируют канонические книги [Цзя Яньдэ 1999: 7].

Второй этап – период традиционной филологии (с начала XIX в. до начала XX в.). В это время лингвистика не только использует традиционные методы исследования древних произведений, но также разрабатывает свои собственные методы. Постепенно лингвистика становится самостоятельным

⁹ Дословный перевод с китайского языка здесь и далее принадлежит автору диссертации.

научным предметом. Следовательно, появились научные дисциплины: лексикология и её подраздел – семантика [Там же].

В 20–30 гг. XX в. начинается период современной семантики. В связи с развитием науки и техники, в этот период исследователи сосредотачиваются на методах компьютерной лингвистики.

Специалисты пытаются создать онлайн переводчик. Для этого нужно разделить китайские слова–иероглифы на составные части, чтобы компьютер их легко распознавал. Данная техника тесно связана с семантическим анализом китайского языка. На основе семантических полей Цзя Янь-дэ делает попытку найти каждую сему в китайском слове.

В отличие от русского, английского языков, китайский язык является изолирующим языком. В нем отсутствует разнообразие грамматических средств и парадигм (как во флективном языке). Так что трудности семантического анализа китайского языка состоят в толковании слов, а не в грамматике [Цзя Янь-дэ 1999: 3].

Цзя Янь-дэ предлагает три основных метода: метод создания таблиц; метод анализа контекста; метод анализа толкования в словаре (Словарь современного китайского языка) [Там же]. По его мнению, последний метод самый надёжный, потому что с помощью толкования в авторитетном словаре обычно не трудно найти основную и дифференциальные семы.

Цзя Янь-дэ соединяет теорию конфуцианской экзегетики с семантическим анализом китайского языка, показывает способы компонентного анализа имени существительного, прилагательного и глагола. По словам автора, результат анализа, конечно, не совершенен, но он указывает направление будущих исследований [Цзя Яньдэ 1999: 20].

Некоторые исследователи обращаются к диахроническому аспекту функционирования лексики китайского языка. Ван Ли предлагает «изменение значений китайских слов классифицировать на 3 типа: расширение значения; сужение значения и переносное значение» [Ван Ли 2013: 121]. «Расширение и сужение значения слов более или менее сохраняет

основное значение. Однако переносное значение уже далеко от основного значения» [Там же].

Развитие значения слов тесно связано со стилистикой, точнее, с образованием метафор и сравнений. Например, слово 道理 (дао ли) *досл.* ‘истина; правда’ в древнем китайском словаре «що вэнь цзе цзы»: 道 (дао) – 所行道也 *досл.* ‘дорога, которой идут люди’; 理 (ли) – 治也 *досл.* ‘упорядочивать, приводить в порядок’. По словам Чжу цзюнь-шэн: 顺玉之纹而剖析之, *досл.* ‘Чтобы хорошо рассмотреть яшму, надо соблюсти её узор’. В результате слово «дао ли» приобретает и абстрактные значения: ‘истина, правда’. Данный пример показывает, что стилистическое использование слов влияет на их развитие [Ван Ли 2013: 121].

На основе этого Су Бао-жун предполагает, что в развитии китайской лексики проявляются психологические ассоциации, а не логические умозаключения. При этом в китайском языке новые значения получаются обычно путём метафорической аналогии и синонимического отклонения. Допустим: 辣 (ла) *досл.* ‘острый’, с помощью метафорической аналогии получается переносное значение ‘сварливый нетерпимый человек’ (обычно о женщине). У них общие сущности – едкий, резкий [Су Бао-жун 2008: 125].

Из-за того что предметы в мире бесконечны, а слова ограничены, в определённом контексте эти слова выражают новые значения, которые не только связаны с основным значением данного слова, но и содержат в себе яркие дифференциальные признаки. К примеру, слово 畏 (вэй), основное значение – ‘畏惧’ (вэй цзуй), *досл.* ‘пугаться, бояться’, но в нескольких контекстах оно обозначает ‘敬佩’ (цзинь пэй), *досл.* ‘восхищаться, преклоняться’, например, в произведении «Лунь юй – Цзыхань» (главная книга конфуцианства) ‘后生可畏, 焉知来者之不如今也’, *досл.* ‘Следует уважать младшее поколение, они могут быть сильнее’ [Су Бао-жун 2008: 127].]. Эти значения слова *вэй* близки между собой (статус одного человека выше, чем у другого человека), но одновременно отличаются друг от друга.

По мнению Су Бао-жуна, эти два направления развития китайского языка соответствуют принципам гештальтпсихологии. То есть когнитивный психологический механизм человека тоже соблюдает принципы аналогии и принципы синонимии [Су Бао-жун 2008: 132].

В последние десятилетия лингвисты обращают внимание на появление новых слов в Китае. Первый пик появления новых слов связан с «Движением 4 мая» (антиимпериалистическое, преимущественно антияпонское, движение в Китае в мае 1919 года). Второй пик – после образования Китайской Народной Республики (с 1949 г.). Третий пик наблюдается с 1978 г. по настоящее время [Лю Цзи-янь 2010: 12].

Вышедшая в 1984 г. статья «Давайте обратим внимание на значение новых слов» Лу Шу-сяна считается первой статьёй, в которой анализируются новые китайские слова [Там же]. Согласно этому исследованию, метафора является одним из важных способов рождения нового слова в китайском языке. Например, слово 虫 (чун) (*досл.* ‘насекомое’) – слово однослоговой структуры. Первичное значение – ‘насекомое или маленькое животное, которое похоже на насекомое’. Вторичное значение – ‘группа людей, которые увлекаются чем-то’. Лю Цзи-янь предполагает, что появление вторичного значения связано с абстрагированием первичного значения [Лю Цзи-янь 2010: 105].

Носители языка часто используют его в метафорическом значении, оно уже существует в китайском языке как новое слово. Возникает больше возможностей для создания двухслововых структур. Допустим: 书虫 (шу чуон), *досл.* ‘книжное насекомое’ – человек, который увлекается чтением, 网虫 (ван чуон), *досл.* ‘насекомое интернета’ – человек, который увлекается интернетом, 车虫 (чэ чуон), *досл.* ‘насекомое машины’ – человек, который увлекается машиной [Лю Цзи-янь 2010: 106]. Данное исследование дает путеводную нить к исследованию проблемы исторического происхождения слов.

В русской лексике метафоризация является важным способом создания новых слов. Многие метафорические характеристики человека на основе зоонимов не представлены в китайском языке, и эти вторичные наименования человека составляют одну из особенностей русского языка на фоне китайского.

Изучение русского словарного материала, как он представлен в китайской двуязычной лексикографии, показывает, что некоторые особенности этого представления могут быть связаны с разными подходами к данной языковой проблеме в русскоязычной и китаеязычной лексикографии. В лексикографической практике китайского языка не проводится последовательного разграничения метафорических и фразеологических значений. Это затрудняет сопоставление русского и китайского зоосемического материала.

3.2. Зоосемизмы в китайской научной традиции

В древней китайской лексикологии понятие метафора тесно связывается с понятием сравнение. Сравнение впервые отмечается как стилистический приём в одном из древнейших памятников китайской литературы «Ши цзин» [Ван Сюе-фэй 2004: 10].

Научная разработка проблемы метафоры в китайской лексикологии началась с XX века. Исследователи рассматривают метафору как одну из разновидностей сравнения. Лю Се обращает внимание на термин метафора в произведении «Вэнь синь дяо лун» (досл. «Монография о теории литературы») и останавливается на анализе метафоры более подробно [Лю Се 501 н. э.]. Чэнь Куй впервые выделяет метафору как особую подгруппу сравнений. Его труд «Вэнь цзе» (досл. «Закон языка») представляет собой вершину исследования теории метафоры в Древнем Китае [Чэнь Куй 1960].

В XX веке появилось несколько исследований, затрагивающих проблематику, связанную со стилистической функцией метафоры. Например, работа Ли Цзиньси «Би Син в стилистике» (1935) (досл. «Би» – сравнение,

«Син» – поэтическое вдохновение) рассматривает стилистические методы с точки зрения грамматики [Ли Цзинь-си 1935]. Чэнь Ван-дао – основатель стилистики китайского языка, его произведение «Сущность стилистики» (1976) является первой монографией о системности стилистики китайского языка [Чэнь Ван-дао 2008].

В последние годы китайские исследователи осваивают и начинают применять зарубежные теории метафоры, например: Линь Шу-ву [Линь Шу-ву 1997], Шу Динфан [Шу Дин-фан 2000] и др. Через их исследования читатели более подробно и глубоко познакомились с теорией метафоры.

Исследование метафоры постепенно расширяется, от традиционного семантического аспекта до когнитивного уровня. В этой области науки появился ряд исследователей: Ху Чжуан-линь [Ху Чжан-линь 2004], Лань Чунь [Лань Чунь 2005] и др.

Первым современным китайским ученым, который обобщил главные направления в развитии теории метафоры за рубежом, описал современное состояние и перспективы исследований в этом направлении, является Линь Шу-ву [Шу Дин-фан 2000:2].

Шу Дин-фан опубликовал ряд статей о сущности и механизме метафоры. В книге «Исследование метафоры» [Шу Дин-фан 2000] он описывает историю развития метафоры, вычленяет типы метафоры по их синтаксическим и структурным характеристикам. Кроме этого, автор описывает прагматическую функцию метафоры с позиций языкознания и философии.

Такая разновидность метафоры, как зоосемизм, в китайском языкознании рассматривается с разных позиций. Во-первых, с позиции их функции в художественном тексте. Во-вторых, в сопоставительном аспекте: сопоставление характеризующих признаков зоосемизмов в разных языках. В-третьих, в аспекте адекватности перевода зоосемизмов с одного языка на другой. Кроме того, с позиций когнитивной теории метафоры обсуждаются проблемы овладения иностранными языками, а также анализируются

прагматические и культурные функции метафоры в политическом дискурсе и т. п.

На базе когнитивной теории метафоры как наиболее известного достижения когнитивной лингвистики китайские исследователи анализируют зоосемизмы в аспектах характеристики человека, прагматических и культурных функций метафоры в политическом дискурсе, в аспекте социальных взаимоотношений и т. д.

На сайте Чжи ван (CNKI – самый представительный научный сайт в КНР) за последние десятилетия (2004–2018) мы нашли 293 научные работы, в которых анализируются зоосемизмы. Среди них 93 магистерские диссертации и четыре кандидатские диссертации. Большинство этих работ посвящено сопоставительному анализу зоосемизмов английского и китайского языков.

Русский зоосемический материал привлекается только в 16 исследованиях. Среди них шесть магистерских диссертаций, одна кандидатская диссертация и девять публикаций в журналах.

Китайские исследователи анализируют зоосемизмы в лингвокультурологическом аспекте. Сравнивают особенности зоонимов русского и китайского языков [Чжэн Цзинь 2012]. Обращается внимание на типологию зоосемизмов, корни их национальной специфики.

Китайские исследователи анализируют зоосемизмы в аспектах характеристики человека, политики, социальных отношений [Шао Кан 2018] и т. д. В центре внимания исследователей оказываются прикладные проблемы: метафорическое мышление при обучении иностранных языков или в других видах человеческой деятельности [Чао Линь-на 2017].

Наши наблюдения показывают, что при описании зоосемизмов почти все китайские исследователи обращаются к фразеологическому материалу.

Например, Чжэн Цзинь в своей магистерской диссертации объясняет зоосемизм *змея* и приводит такие примеры: *Ничего не может быть тяжелее, как отогреть на груди змею подколенную!* При зоосемизме *свинья*

приводится пример: *как свинья в апельсинах понимать в чем* [Чжэн Цзинь 2012: 20]. Чао Линь-на в своей кандидатской диссертационной работе приводит такие примеры: *собачья преданность; собачья привязанность; верный как пёс; как верная собачонка; Мальчишка пойдёт далеко, предан, как пёс, умён как бес* (А. Толстой "Петр Первый") [Чао Линь-на 2017: 55].

Принципиального разграничения зоонима (название животного во фразеологизме) и зоосемизма (название человека) в работах не проводится. Можно сказать, что проблема разграничения зоонимов и зоосемизмов в китайском языкознании пока не обозначена.

Подводя итоги сопоставительному обзору научной литературы о метафоре в России (см. Глава 1) и в Китае, в качестве объединяющего их признака выделим то, что и в России, и в Китае представлены три этапа и три аспекта развития теории метафоры: стилистический, семантический и когнитивный. Эти этапы связаны с развитием философии и филологии, точнее, с изменениями научной парадигмы.

На первом этапе развития метафора представляется как один из стилистических приемов, одна из разновидностей сравнения. В середине XX века исследователи рассматривают метафору в семантическом аспекте. Тогда в России появились исследования, в которых метафора описывается как принцип семантического преобразования [Виноградов 1953; 1976; 1977].

Почти одновременно китайский исследователь Линь Шу-ву опубликовал статью о развитии теории метафоры в западных странах [Шу Дин-фан 2000]. В конце XX века Джордж Лакофф, Марк Джонсон предложили анализ метафоры с когнитивных позиций. Их классическая работа «Метафоры, которыми мы живём» сразу распространялась во всем мире. Исследователи двух стран (А.Н. Баранов, Шу Дин-фан) рассматривают метафору как способ мышления и анализируют её в более широкой сфере.

Что касается зоонимов и зоосемизмов, на русском языковом материале созданы значительные исследования. Зоосемическая специфика последовательно отражена в русских толковых словарях и в специальных

словарях. Исследователи уделяют внимание особенностям русских зоосемизмов на фоне разных культур, чтобы выявить ментальные различия разных народов. В Китае пока отсутствуют специальные словари, отражающие зоосемизмы или зоонимы китайского языка. Но мы можем наблюдать русские зоосемизмы сквозь призму китайского восприятия, как они отражены в русско-китайском двуязычном словаре, соотнести их с китайскими зоосемизмами, выявить особенности восприятия русских зоосемизмов инофоном.

После окончания Культурной революции китайские исследователи начинают работать над «Большим словарем китайского языка» (далее: БСКЯ). БСКЯ содержит в себе китайскую лексику со времени династии Цинь (период с 221 г. до н.э.) до конца XX века. Словник словаря отражает особенности определённой эпохи (1976–1994). В частности, составители берут только те словарные статьи, которые имеют подтверждение в книге [Жуань Цзин-жун 1994: 14].

Китайское правительство уделяло большое внимание созданию данного словаря. Более тысячи специалистов участвовали в этой работе. БСКЯ состоит из 12 томов, более 370 тысяч словарных статей. Словарь включает и слова, и словосочетания, содержит также энциклопедические сведения. Авторы стремились к полноте словаря [Ло Чжу-фэн 1986: 2].

В БСКЯ реализованы определенные нормативные установки. Он соответствует требованиям правильности политического направления. Словарь отказывается от «реакционных» и «непристойных» слов. Помимо этого, исключены бранные слова о национальных меньшинствах.

Китайское слово обозначается иероглифом, один иероглиф обычно является однословной структурой. Этому соответствуют словарные статьи в БСКЯ. При этом все слова опираются на известные китайские произведения и произведения от древнего периода до конца XX века [Хун Ду-жэнь 1986: 25].

Что касается иллюстраций, в БСКЯ приводятся примеры из древних и

современных произведений. На базе разнообразных языковых материалов выводятся универсальные толкования слов. Слишком абстрактных толкований составители избегают. При этом для толкования используются синонимы [Чжао Ин-дуо 1994: 71].

Первый том БСКЯ был опубликован в 1986 году. В 2012 г. китайские составители приступили к обновлению и переработке словаря. В конце 2018 г. вышел на свет первый том «Большого словаря китайского языка 2». Планируется, что в 2023 году переработка всех 12 томов будет завершена [Цян Лань-шэн 2019:1].

В связи с тем, что в ходе создания словаря в научном сообществе не было достигнуто договоренности в отношении классификации грамматических единиц китайского языка, в БСКЯ отсутствуют грамматические, а также стилистические пометы. Такая ситуация постепенно изменилась к 90 гг. XX в. Чтобы следовать за развитием современного китайского языка и в интересах повседневного обучения, был создан «Словарь современного китайского языка» (далее: ССКЯ). В нём 65 тысяч слов, регулярно обновляются значения слов, добавляются новые слова и удаляются вышедшие из употребления. ССКЯ является первым словарём, в котором имеются специальные грамматические или стилистические пометы [Ли Чжи-циян 1999:28]. В нашем исследовании мы пользуемся ССКЯ, опубликованным в 2017 г.

Что касается стилистических помет, в ССКЯ их четыре типа: *разг.*, *обл.*, *книжн.*, *устар.* [ССКЯ: 5], то есть гораздо меньше, чем в русских словарях. Оценочные и прагматические компоненты отражаются в китайском словаре не в виде помет, а в толковании слова. В нашем материале используются следующие характеристики: *бран.*, *ирон.*, *презр.*, *ласк.* Среди зоосемизмов характеристика бранное составляет 39,1 % (9 из 23).

Таким образом, эти два словаря в основном отражают состояние современной китайской лексикологии и лексикографии.

3.3. Сопоставительный анализ русских и китайских зоосемизмов¹⁰

Отталкиваясь от состава русского зоосемического материала, мы выявили китайские зоосемизмы, мотивированные теми же зоонимами. На основе «Большого словаря китайского языка» были обнаружены 23 китайских соответствия со значением 'признак человека'. Мы обращались к китайским зоосемическим соответствиям в БСКЯ, учитывали примеры и пометы в ССКЯ, пытаясь получить более полное толкование выявленных зоосемизмов.

Анализ зоосемизмов в русских и китайских словарях выявил, что общие зоосемизмы имеют разную степень эквивалентности:

- высокую степень эквивалентности (*барбос, животное, крыса, лиса, птица, свинья, скотина, собака, хамелеон, хищник*);
- среднюю степень эквивалентности (*ласточка, лис, медведь, пёс, поросё, тигрица*);
- низкую степень эквивалентности (*бык, дракон, змея, лошадь, обезьяна, овца, орёл, попугай*).

Мы анализируем эквивалентность русских и китайских зоосемизмов по характеризующим признакам, опираясь на классификацию имен лиц, представленную в РСС. «Преимущество и убедительность данной классификации» ее создатели видят в том, что, «во-первых, она охватывает весь без остатка материал, извлеченный из обработанных источников», во-вторых, в том, что единицы, не вошедшие в РСС «естественно находят свое место в границах выделенных множеств и подмножеств», «в-третьих, эта классификация наглядно демонстрирует системное расположение вычленяемых множеств, сгруппированность словозначений, созданную самим языком» [РСС: 63]. Учитываем также оценочность и стилистические пометы.

¹⁰ При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: Ли Имо 2020б – *Ли Имо*. Лексикографические особенности русских зоосемизмов на фоне китайского языка // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 2020, № 4. С. 417–420.

3.3.1. Высокая степень эквивалентности.

Зоосемизмы этой группы мотивированы соотносительными зоонимами и имеют совпадающие или частично совпадающие характеризующие признаки и оценочность в русских и китайских словарях.

Зоосемизм *свинья* в русских словарях: -и, ж. перен. ‘Человек, который ведёт себя скверно, подло, по-свински’ (*разг., груб. бран.*) [РСС: 119]; 1. -и, ж. ‘О грязном, неопрятном человеке, неряхе’ (*разг.*); 2. -и, ж. ‘О человеке невежественном, некультурном, грубом и неблагодарном’ (*разг.*) [СОС: 169].

В китайском словаре *досл.: перен.* бранное слово, см. *свинья и собака*, ‘Человек подлый и низкий’ [БСКЯ: 6526].

Характеризующие признаки и оценочность в двух культурах частично совпадают. Общее состоит в том, что зоосемизм *свинья* классифицируются в обоих языках «по чертам характера, а также по поступкам, поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93], характеризует человека по признаку ‘подлый’, выражает отрицательную оценку. Разница в том, что русский зоосемизм *свинья* в РСС дополнительно имеет семы: ‘ведёт себя скверно’, ‘подло’, ‘по-свински’, ‘грязный’, ‘неопрятный’, ‘невежественный’, ‘некультурный’, ‘грубый’ и ‘неблагодарный’. То есть сфера выражения значения и оценочные коннотации в русском языке шире.

В лексикографическом аспекте в русских словарях зоосемизм *свинья* представлен как переносное значение при зоониме *свинья*. Китайский зоосемизм *свинья* толкуется с помощью его однокоренного зоосемизма в структуре двух слогов 猪狗 (чжу гоу), *досл.* свинья и собака: общее название всех животных.

Зоосемизм *собака* в русских словарях: -и, ж., перен. ‘Злой и грубый человек’ (*прост. презр., также груб. бран.*) [РСС: 117]; *Собака*: -и, ж. ‘О скверном, подлом человеке (*прост., бран.*)’ [СОС: 178].

В БСКЯ зоосемизм *собака* перен. *досл.* ‘Злой человек; бранное слово, наплевать в глаза кому’; в древности: ‘Скромное обращение к себе или презр. к другому’ [БСКЯ: 6491].

Сходство состоит в том, что зоосемизм *собака* характеризует человека по признаку ‘злой’, выражает отрицательную оценку, у них общие оценочные пометы *бран.*, *презр.* При этом он характеризует человека по чертам характера и поведению [РСС: 93]. Разница в том, что в русском языке набор значений шире (русский зоосемизм *собака* имеет признаки ‘скверный’ и ‘грубый’).

Наблюдается также характерное различие в стилистической окраске. В русском языке зоосемизм *собака* характеризуется как просторечный, в китайском языке как скромное обращение к себе. Это выявляет особенности разных культур.

Зоосемизм *животное* в русских словарях: -ого, *м. перен.* ‘Человек с примитивными инстинктами, грубый и неразвитый’ (*разг. презр.*, также *бран.*) [РСС: 118]; *Животное*: -ого, *ср.*; в знач. сущ. ‘О человеке грубом, с низменными инстинктами и т. п.’ (*разг.*) [СОС: 56].

В китайских словарях: *досл. перен.* ‘Невоспитанный, ведёт себя как животное’ [БСКЯ: 10937; ССКЯ:197].

Значения зоосемизма *животное* в двух языках одинаковы, классифицируются по чертам характера и поведению человека [РСС: 93], зоосемизмы используются как бранные слова. Различие состоит в том, что русские словари выявляют более широкий спектр отрицательных оценок (не только с пометой *бран.*, но и *презр.*). При этом, в отличие от китайского зоосемизма, русский зоосемизм *животное* используется в разговорной речи.

Зоосемизм *крыса* в русских словарях: -ы, *ж.* ‘О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное’ (*разг., пренебр.*) [СОС: 87].

В китайском словаре: *досл. перен.* ‘Синоним слова «шу бэй» – мелкий, ничтожный человек)’ [БСКЯ: 11780; ССКЯ: 1215].

Общими характеризующими признаками являются ‘мелкий и ничтожный’. Они имеют также общую негативную оценочность, но разную по степени выраженности. В обоих языках зоосемизм *крыса* относится к

подгруппе «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65]. В китайском языке *крыса* употребляется как бранное слово, а русский зоосемизм *крыса* выражает более мягкую оценку (*пренебр.*). При этом русский зоосемизмом относится к разговорной лексике.

Зоосемизм *лиса / лисица* в русских словарях: -ы, ж. *перен.* ‘Хитрый и льстивый человек’ (*разг.*) [РСС: 111]. *Лиса / Лисица*: -ы, ж. ‘О хитром, льстивом человеке’ [СОС: 93].

В китайских словарях: *перен. досл.* ‘Хитрый и коварный’ [БСКЯ: 6489].

Зоосемизм *лиса / лисица* имеет в двух языках общий признак ‘хитрый’, который обозначает черту характера и поведение человека [РСС: 93]. В обоих языках зоосемизм *лиса* выражает отрицательную оценку, но русский зоосемизм имеет разговорную окраску.

Зоосемизм *птица* в русском словаре: -ы, ж. ‘Важный или непонятный, неизвестный человек’ (*разг.*) [РСС: 68]. *Птица*: -ы, ж. ‘О человеке, претендующем на особое положение среди других’ (*разг., ирон.*) [СОС: 153].

В китайском словаре: *досл.* ‘Пренебрежительное обращение к человеку (*бран.*); человек, который болтает лишнее (*бран.*)’ [БСКЯ: 17832].

Зоосемизм *птица* в двух языках частично совпадает по значению и оценочности. Отличие в том, что в русском языке *птица* относится к подгруппе «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65]; в китайском языке относится к подгруппам «собственно обращения с эмоциональным компонентом» [РСС: 346] (‘пренебрежительное обращение к человеку’) и «черты характера и поведение, определяемое такими чертами характера» [РСС: 93] (‘болтает лишнее’). В русском языке его употребление является ироничным, разговорным по стилю, а в китайском языке – бранным и презрительным. Следовательно, круг значений русского зоосемизма *птица* шире, чем в китайском языке.

Зоосемизм *птица* в русском словаре: -ы, ж. ‘Важный или непонятный, неизвестный человек’ (*разг.*) [РСС: 68]. *Птица*: -ы, ж. ‘О человеке, претендующем на особое положение среди других’ (*разг., ирон.*) [СОС: 153].

В китайском словаре: *досл.* ‘Пренебрежительное обращение к человеку (*бран.*); человек, который болтает лишнее’ (*бран.*) [БСКЯ: 17832].

Зоосемизм *барбос* в русском словаре определяется следующим образом: -а, м. ‘О злом, грубом человеке’ [СОС: 17]. В китайском словаре: *досл. перен.* ‘Холоп, раб у злых людей’ [БСКЯ: 10784]; ‘В древности: тип людей, которые работают дворецкими’ [ССКЯ: 728].

Значения зоосемизма *барбос* в двух языках частично совпадают. У них общий характеризующий признак (‘злой’). Особенность русского зоосемизма *барбос* состоит в том, что он классифицируется «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера [РСС:93]. Но китайский зоосемизм *барбос* классифицируется как «общие обозначения, лицо, человек» [РСС:65] (‘раб у злых людей’, ‘дворецкий’). Отрицательная оценочность в русском языке менее выраженная, чем в китайском языке (бранное слово). У русского зоосемизма *барбос* значение более общее.

Зоосемизм *скотина* в русских словарях: -ы, м. и ж. *перен.* ‘Грубый и подлый человек, негодяй’ (*прост. презр.*, также *груб. бран.*) [РСС: 119]. Скотина: -ы, ж. ‘О грубом, низком, подлом человеке’ (*прост. презр. бран.*) [СОС: 175]. В китайских словарях: *досл. перен.* ‘Невоспитанный и грубый человек’ [БСКЯ: 1589; ССКЯ:1059].

Зоосемизм *скотина* в двух языках частично совпадает по значению. У них общая сема ‘грубый’, которая характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера [РСС: 93]. В отличие от китайского, русский зоосемизм характеризует также человека признаком ‘низкий’.

Общей является также негативная оценочность, однако русский зоосемизм *скотина* выражает более резкую оценку, сопровождается пометами *бран.*, *презр.*, *груб.*, а также стилистической пометой *прост.*, которой нет при китайском зоосемизме.

Зоосемизм *хамелеон* в русских словарях: -а, м. *перен.* ‘Человек, который, беспринципно приспособляясь к обстановке, легко меняет своё

поведение, взгляды, симпатии’ (*неодобр.*) [РСС: 112]. *Хамелеон*: -а, м. ‘Человек, который часто меняет своё мнение, взгляды, симпатии применительно к обстановке или в угоду кому-л.’ [СОС: 214].

В китайских словарях: *досл. перен.* ‘Изменчивый, маскирующийся в политической области’ [БСКЯ: 6983; ССКЯ:80].

Зоосемизм *хамелеон* в двух языках частично совпадает по значению, оценочности и сфере употребления. Общее в том, что в обоих языках он характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера [РСС:93]. Но есть различие: китайский зоосемизм характеризует поведение по отношению к другим в политической сфере: ‘изменчивый, маскирующийся’. Оба они не имеют стилистических помет.

Зоосемизм *хищник* в двух языках частично совпадает по значению и оценочности. Толкование русского зоосемизма подробно характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС:93] (‘наживается на ограблении других’). При этом выражает более сильную отрицательную окраску *бран.* Китайский зоосемизм *хищник* характеризует по чертам характера и поведению человека (‘бессовестный, бесчеловечный’). В обоих языках зоосемизм *хищник* не имеет стилистических помет.

3.3.2. Средняя степень эквивалентности.

Зоосемизмы этой группы мотивированы соотносительными зоонимами, но имеют разные значения и разные стилистические пометы, частично совпадают по оценочности.

Зоосемизм *ласточка*: -и, ж. *перен.* ‘Ласковое обращение к ребёнку, к женщине; вообще упоминание о том, кто дорог, близок, кому сочувствуют’ (*разг.*) [РСС: 349].

В китайском словаре: *досл. перен.* ‘Девушка с хорошей фигурой, лёгкая девушка’ [БСКЯ: 9885].

Зоосемизм *ласточка* в обоих языках имеет положительную оценочность. Русский зоосемизм *ласточка* характеризует людей, которые в

человеческом мире считаются слабыми индивидами (дети и женщины), входит в группу «обращения, а также обращения с эмоциональным компонентом» [РСС: 346].

Китайский зоосемизм *ласточка* использует сходство внешнего образа птицы и фигуры девочки, классифицируется «по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» [РСС: 325]. При этом русский зоосемизм *ласточка* используется в разговорной речи.

Зоосемизм *лис* в русском словаре: -а, м. ‘Хитрец, лиса, лисица’ [РСС: 111]. В китайском словаре: ‘Развратный и похотливый; в древности используется как метонимия, ироничное обращение к развратному государю или чиновнику’ [БСКЯ: 16170].

Зоосемизм *лис* в обоих языках выражает отрицательную оценку. В русском словаре зоосемизмы *лис*, *лиса* и *лисица* даны как синонимы с характеризующим значением ‘хитрец’. В китайском словаре зоосемизмы *лис* (‘развратный и похотливый’) и *лиса* (‘хитрый и коварный’) толкуются по-разному. При этом *лис* существует только как устарелое выражение, в ССКЯ этот зоосемизм уже не зафиксирован.

Русский зоосемизм *лис* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] (‘хитрый’). Китайский зоосемизм *лис* характеризует мужчину (‘развратный’ и ‘похотливый’), что классифицируется как «собственно обращения с эмоциональным компонентом» [РСС: 346] (‘хитрый’), характеризует государя и чиновника, выражает ироническую оценку.

Зоосемизм *пёс* в русских словарях: -пса, м. *перен.* ‘Человек, способный на низкие поступки, дела’ (*презр.*, также *бран.*) [РСС: 119]. *Пёс*: -пса, м. ‘О человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками’ (*прост.*, *бран.*) [СОС: 130]. В китайских словарях: *перен. досл.* ‘Соучастник преступления’ (*бран.*) [БСКЯ: 13587; ССКЯ: 1747]; ‘Скромное обращение к себе’ [БСКЯ: 13587].

Зоосемизм *пёс* в обоих языках выражает высокую степень отрицательной оценки (*бран.*). Различие состоит в том, что русский зоосемизм характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС:93] («способный на низкие поступки, дела»). Китайский зоосемизм *пёс* входит в подгруппы «общие обозначения, лицо, человек» [РСС:65] («соучастник») и «собственно обращения с эмоциональным компонентом» [РСС: 346] («скромное обращение к себе»).

Зоосемизм *порося* в русском словаре: -сяти, *ср.* «О неряшливом, неаккуратном человеке, чаще о ребёнке» (*прост.*) [СОС: 140]. В китайском словаре: «В древности: используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе; политикан, жадный к деньгам» [БСКЯ: 14004].

Зоосемизм *порося* в обоих языках выражает отрицательную оценку. Различие в том, что русский просторечный зоосемизм характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] («неряшливый, неаккуратный»); китайский устарелый зоосемизм входит к подгруппы «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65] (его «используют на тяжёлой работе») и «черты характера и поведение человека» («жадный политикан»), при этом выражает высокую степень отрицательной оценки (*бран.*).

Зоосемизм *тигрица* в русском словаре: -ы, *ж.* «Об агрессивной, злой и жестокой женщине» (*разг.*) [СОС: 194]. В китайском словаре: *досл. перен.* «Грубый свирепый» [ССКЯ: 927].

Зоосемизм *тигрица* в обоих языках выражает отрицательную оценку. Тот и другой зоосемизм характеризует «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС:93]. Но у русского зоосемизма *тигрица* значение шире. При этом русский зоосемизм *тигрица* имеет разговорную окраску. Китайский зоосемизм *тигрица* зафиксирован только в словаре ССКЯ как новое слово, которое отсутствует в БСКЯ.

3.3.3. Низкая степень эквивалентности.

Зоосемизмы этой группы, мотивированные соотносительными зоонимами, не совпадают по значению, оценочности или стилистической помете. Могут иметь даже противоположные характеристики.

Зоосемизм *бык* в русском словаре: -а, м. 'О грубом, жестоком и упрямом, обладающем большой силой и крепким здоровьем человеке' [СОС: 27]. В китайских словарях: *перен. досл.* 'Упорный, навязчивый человек; используют на тяжёлой работе' [БСКЯ: 8208].

Зоосемизм *бык* в русском словаре характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] ('грубый и жестокий, упрямый', 'крепкий и сильной'). При этом выражает отрицательную оценку. Китайский зоосемизм *бык* также характеризуют человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] ('навязчивый'). При этом имеется переносное значение, классифицируемое как «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65] ('используют на тяжёлой работе').

Своеобразие русского зоосемизма *бык* проявляется в том, что он имеет соотносительный по биологическому полу зоосемизм *корова*, у которого совсем другие характеризующие значения и негативные оценки: *ж. перен.* 'Толстая и неповоротливая женщина' (*прост. пренебр.*; также *бран.*) [РСС: 332].

Зоосемизм *лошадь* в русских словарях: -и, *ж. перен.* То же, что *кобыла*: 'Рослая крупная и нескладная женщина' (*прост. пренебр.*) [РСС: 332]; 'О много и тяжело работающем человеке' (*разг.*) [РСС: 420]. *Лошадь*: -и, м. и *ж.* 'О человеке, которого используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе' [СОС: 97].

В китайском словаре: *ласк. перен.* 'Лицо длинное, как лицо лошади; образ человека со строгим лицом' [БСКЯ: 17561].

Зоосемизм *лошадь* в двух языках выражает отрицательную оценку. Различие в том, что в русских словарях он характеризует человека «по

физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» [РСС: 325] ('рослый, крупный'), и «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65] ('используют на тяжёлой работе'), при этом с более выраженной негативной окраской *пренебр.* стилистической маркированностью (просторечное).

Китайский зоосемизм *лошадь* характеризует человека «по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» [РСС: 325] ('лицо длинное'), не имеет оценочных или стилистических помет.

Зоосемизм *дракон* в русском словаре: -а, м. 'О жестоком, безжалостном человеке' [СОС: 49]. В китайских словарях: *досл.* 'В древности: символ царя' [БСКЯ: 18261; ССКЯ: 841].

Зоосемизм *дракон* в двух языках противоположен по оценочности. Русский зоосемизм *дракон* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] ('жестокий, безжалостный').

В китайской мифологии зооним *дракон* является 'всемогущем существом, которое умеет летать, плавать, даже управлять климатом' [ССКЯ: 841]. Поэтому зоосемизм *дракон* входит в подгруппу «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65] ('символ царя'), охарактеризован как устарелое выражение.

Зоосемизм *змея* в русских словарях: -и, ж. *перен.* 'Человек, злой и коварный, а также злобно-язвительный человек' (*разг. презр., также бран.*) [РСС: 117]. Змея: -и, ж. 'О коварном, хитром, злом человеке' [СОС: 65].

В китайском словаре: *досл.* 'Символ царя; человек высших моральных качеств' [БСКЯ: 12034].

Зоосемизм *змея* в русских словарях сопровождается негативной оценкой с высокой степенью выраженности (*презр., бран.*), характерен для разговорной речи. В отличие от него, китайский зоосемизм входит в подгруппу «общие обозначения, лицо, человек» [РСС: 65] ('высшие моральные качества' или 'символ царя'), при этом он используется как

устарелое выражение. Однако в настоящее время переносное значение однослогового слова постепенно исчезает, поэтому в ССКЯ оно не зафиксировано (при том, что устарелое значение зоосемизма *дракон* сохранилось до сих пор). Однокоренной зоосемизм «蛇蝎» *досл.* ‘змея и скорпион’ обладает таким же переносным значением, как русский зоосемизм *змея*. Можно сказать, что в двух культурах появилось общее понимание зоосемизма.

Зоосемизм *обезьяна* в русских словарях: -ы, *ж. перен.* ‘Человек, склонный к бездумному подражанию другим, гримасник, кривляка’ (*разг. неодобр.*) [РСС: 103]. *Обезьяна*: -ы, *ж.* 1. ‘О человеке, который гримасничает, кривляется, передразнивает других’ (*разг.*) 2. ‘Об очень некрасивом, уродливом человеке’ (*разг.*) [СОС: 117].

В китайских словарях: *перен. досл.* ‘Ловкий человек; умный и симпатичный ребёнок; ласковое обращение к человеку’ [БСКЯ: 9827; ССКЯ:543].

Зоосемизм *обезьяна* в двух языках имеет противоположную оценочность. В русских словарях он характеризует человека «по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию» [РСС: 325] ‘некрасивый’, а также «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС:93] ‘подражание другим’, сопровождается отрицательной пометой *неодоб.*

В китайских словарях зоосемизм *обезьяна* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] (‘ловкий, умный’, ‘симпатичный’), а также употребляется как «собственно обращение с эмоциональным компонентом» [РСС: 346] (‘ласковое обращение’ к человеку). Русским зоосемизм охарактеризован как разговорный, китайский зоосемизм как диалектный.

Зоосемизм *овца* в русском словаре: -ы, *ж. перен.* ‘Робкий и безответный человек’ (*разг.*) [РСС: 114]. В китайском словаре: *досл. перен.* ‘Послушный и смиренный, слабый человек’ [БСКЯ: 13417].

Зоосемизм *овца* в русском словаре охарактеризован «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] ('робкий и безответный') с отрицательной оценкой и стилистической пометой разговорное. Китайской зоосемизм охарактеризован по другим признакам ('послухный, смиренный и слабый'), с нейтральной оценкой и без стилистических помет.

Русский и китайский зоосемизм по-разному соотносятся со своими мотивирующими зоонимами. Русский зооним *овца* – это маркированное по биологическому полу слово – самка *барана*. Но китайский зооним является не маркированным по биологическому полу словом – это гипероним слов *овца* и *баран* – 绵羊 (мянь ян). В переносном значении русский зоосемизм, в отличие от мотивирующего его зоонима, характеризует не только женщину, но и мужчину. Кроме этого, он ориентирован не только на характеризующие признаки мотивирующего зоонима ('робкий'), но также получает характеристику по поведению человека – сему 'безответный'. В русской культуре к робкому и безответному человеку обычно относятся неодобрительно, что определяет негативную окраску зоосемизма. В китайской культуре такие качества характеризуют человека нейтрально.

Зоосемизм *орёл* в русских словарях: -орла, м. 1. *перен.* 'Отважный, сильный и решительный человек' [РСС: 95]. 2. *перен.* 'Статный, крепкий и сильный мужчина, юноша' [РСС: 343]. 3. 'Фамильярное обращение к юноше, молодому мужчине; вообще упоминание о таком лице' (*прост.*) [РСС: 348].

В китайском словаре: *перен. досл.* 'Зверский, злой враг' [БСКЯ: 17966].

Зоосемизм *орёл* в двух языках имеет разные типы характеризующих значений. Русский зоосемизм *орёл* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] ('отважный', 'сильный' и 'решительный'); а также употребляется как «похвала, одобрение, собственно оценка» [РСС: 341] ('статный', 'крепкий' и 'сильный' мужчина). При этом употребляется как «собственно обращение с эмоциональным компонентом» [РСС:346] ('фамильярное обращение к

юноше’), выражает положительную оценку.

Китайский зоосемизм *орёл* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС: 93] (‘зверский, злой’) с отрицательной оценкой.

Характеризующие признаки зоосемизма *орёл* выявляют особенности зоонимических ассоциаций у разных народов. Характеризующие признаки русского зоосемизма происходят из симпатии к сильному человеку. Для китайского народа признак ‘сильный’ связывается с негативным отношением к врагу (‘зверский’). Китайцы уделяют внимание отношениям между людьми.

На материале зоосемизмов можно отметить, что они отражают более положительное отношение в русской культуре к птицам: зоосемизмы *орёл, сокол, ласточка, птичка, голубь, лебедь*, мотивированные названиями птиц, имеют положительную оценку. В китайском языке, кроме зоосемизмов *ласточка* и *попугай*, остальные имеют негативную оценку.

Зоосемизм *попугай* в русских словарях: -я, м. перен. ‘Человек, который, не имея собственного мнения, повторяет чужие слова, суждения’ [РСС: 103]. *Попугай*: -я, м. разг. ‘О человеке, который не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова’ [СОС: 139–140]. В китайском словаре: *досл. перен.* ‘Талантливый и одарённый юноша’ [БСКЯ: 17975].

Русский зоосемизм *попугай* характеризует человека «по чертам характера и поведению, определяемому такими чертами характера» [РСС:93] (‘повторяет чужие слова’), с отрицательной оценкой и используется как разговорное. Китайский зоосемизм *попугай* обнаруживает более обобщённые признаки, характеризующие человека по внутренним признакам ‘талантливый и одарённый’, с положительной оценкой. Таким образом, один и тот же объективный признак у животного *попугай* получает при метафоризации противоположные значения в двух языках.

3.4. Русские зоосемизмы в двуязычном русско-китайском толковом словаре

В лингвистике отмечается высокая продуктивность переносов в области анималистической лексики, рассматриваются процессы метафоризации в русском языке в сравнении с родственными английским, немецким, французским языками. В неродственных языках, какими являются русский и китайский языки, специфика традиционных лингвокультурных ценностей отражена в зоосемизмах особенно отчётливо.

Среди источников изучения языка важное место занимают толковые словари, поскольку словари фиксируют состояние лексики и являются результатом её научной обработки. Дополнительные возможности для исследователя содержат двуязычные толковые словари, которые отражают также научные достижения лексикографии сопоставляемых языков. В практике научных исследований двуязычные словари используются как источник изучения лексической системы языков [Бовсуновская 2009]. По мнению Чжэн Шупу, одного из редакторов «Большого русско-китайского толкового словаря новой эпохи» (далее: РКТС), двуязычные словари дают большие возможности для сопоставления лексики двух языков [Чжэн Шу-пу 1998: 74].

В этой связи нам представляется перспективным изучить передачу значений и свойств русских зоосемизмов в двуязычном русско-китайском словаре. Двуязычный словарь отражает восприятие русской лексики со стороны носителя другого языка и другой культуры. Это позволяет определить круг схождений в использовании зоосемизмов, выявить сферу специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык. Большой научный и практический интерес представляет также сопоставление разных методов в подходе к описанию лексического материала в русскоязычной и китаеязычной лексикографии.

Создание РКТС представляет собой результат продолжительной работы большого научного коллектива. С 2005 по 2015 г. в работе над словарём

участвовали более пятидесяти китайских ученых, специалистов по русскому языку. В 4-томном словаре отражено более 300 тысяч русских слов. Он является самым полным русско-китайским словарём в Китае, при этом также одним из самых больших двуязычных словарей в мире [Пань Гуо-минь 2015: 30].

Составители ставили своей целью охватить максимально широкий круг русской лексики, они объединили в своём словаре принципы толкового и энциклопедического словаря; в словарь включены русские сокращённые слова, частично отражены топонимы и некоторые личные имена собственные; широко представлены устойчивые словосочетания и фразеологизмы [Пань Гуо-минь 1998: 9]. Вслед за русской лексикографической традицией, в переводном словаре различаются прямые значения русских слов, переносные значения и специальные значения.

Один из составителей РКТС Чжэн Динь-оу подчёркивает, что принципы создания двуязычного словаря должны быть соотнесены с запросами его потенциальных пользователей: создание словаря для носителей языка и для иностранных пользователей строится на разных принципах. Создание двуязычного словаря – это очень трудный исследовательский процесс, тем более что лексикологическая теория китайского языка развивается медленно, последнее влияет также на состояние китайской лексикографии [Чжэн Динь-оу 1998: 8]. Опыт работы над двуязычным русско-китайским словарём способствовал становлению в Китае теории лексикологии. На основе этого опыта появился также учебный предмет лексикология [Чжэн Шу-пу 1998: 72].

Сквозь призму двуязычного словаря мы рассматриваем семантические, стилистические и грамматические свойства русских зоосемизмов

Сопоставляя выявленные в русских словарях зоосемизмы с их отражением в РКТС, мы выделяем три группы, которые различаются по характеру совпадения исходных русских толкований с переводными китайскими толкованиями. Это следующие три группы:

– характеризующие значения русских зоосемизмов отражены в двуязычном словаре и в основном совпадают;

– русские зоосемические значения отражены в двуязычном словаре, но их толкования в РКТС не совпадают (в той или иной степени) с толкованиями в русских словарях;

– в РКТС не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях.

3.4.1. Характеризующие и стилистические значения русских зоосемизмов отражены в двуязычном словаре и в основном совпадают¹¹.

Первая группа включает в себя 53 зоосемизма. Таким образом, сравнительно адекватное отражение характеризующих и стилистических значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет только 32,1% от того зоосемического материала, который выявлен нами в русских толковых словарях.

Эти низкие количественные показатели характеризуют сложности с восприятием и описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

Способы лексикографического описания русского метафорического характеризующего значения в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны.

Преимущественно при переводе русского зоосемизма его характеризующее значение в двуязычном словаре раскрывается описательно, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию. Так представлены 36 зоосемизмов, что составляет 67,3 % от общего числа зоосемизмов данной группы.

Единичные русские зоосемизмы переводятся китайскими

¹¹ При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: Ли Имо 2020в – *Ли Имо*. Русские зоосемизмы в зеркале русско-китайского словаря // Вестник ПермГУ, 2020, № 3. С. 49–58.

зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением (четыре зоосемизма – 7,7 %).

В той же мере в двуязычном словаре отражён перевод русских зоосемизмов китайскими зоосемизмами, которые мотивированы другими зоонимами (четыре зоосемизма – 7,7 %).

Некоторые русские зоосемизмы переведены китайским сравнением, метонимией или метафорой, мотивированной не зоонимом (восемь зоосемизмов – 17,3 %).

Рассмотрим данные способы на конкретном материале. Обратимся к наиболее распространённому типу лексикографического описания русских зоосемизмов в двуязычном словаре.

Способ 1. Характеризующее значение в двуязычном словаре раскрывается описательно, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию.

Для данного типа лексикографического описания характерно отсутствие в двуязычном словаре лексического соответствия русскому зоосемизму, дан перевод на китайский язык толкования русского зоосемизма. Это следующие зоосемизмы: *агнец, акула, байбак, баран, бирюк, вьюн, головастик, дракон, ёж, жаворонок, жираф, жирафа, зубр, ищейка, лис, лиса / лисица, малявка, мастодонт, морж, муравейник, пава, петух, попугай, прилипала / прилипало, птица, рептилия, свора, слон, стрекоза, телёнок / телок, трутень, хищник, червь, чечётка, шавка, ягнёнок.*

По преимуществу это буквальный перевод. Однако мы отметили также характерные расхождения между русскими словарями и двуязычным словарём, как это наблюдается при сопоставлении толкований зоосемизмов *ёж, акула, жаворонок.*

Зоосемизм *ёж* в русском словаре имеет следующее толкование: ‘Человек язвительно, зло отвечающий на слова, поступки, кажущиеся ему обидными’ [СОС: 54]. В двуязычном словаре *ёж* толкуется как *досл.* ‘Язвительный человек’ [РКТС: 1553]. Это толкование двуязычного словаря

передаёт общее значение зоосемизма и его негативную оценочность. Но в русском толковом словаре имеются важные смысловые нюансы, связанные с мотивирующим зоонимом и регулирующие негативную оценочность зоосемизма: указание на ответную реакцию «ежа» (отвечающий на слова, поступки), а также указание на мнимые причины его обиды (кажущиеся ему обидными). Следовательно, в двуязычном словаре толкование имеет более обобщенный (расширительный) и более негативный характер, оно не отражает образность номинации, связанной с представлением носителей русского языка о мотивирующем его зоониме.

Зоосемизм *акула* в русском словаре: 'О человеке, занимающемся крупными незаконными сделками, сметающем на своём пути других' [СОС: 10]. В этом толковании отражены основания для метафорического переноса, представление о зоониме *акула*, мотивирующем зоосемизм, – это образ крупного, агрессивного и опасного животного. В китайском переводе *досл.* 'Жадный, бесстыдный человек' [РКТС: 80]. В толковании двуязычного словаря отсутствуют образность и семы, указывающие на масштаб и характер действий лица, а также конкретизирующие негативный смысл зоосемизма *акула*. В то же время семы 'жадность' и 'бесстыдность' имеют излишне обобщенный характер. Зоосемизм *жаворонок* толкуется в русских словарях следующим образом: 'Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, работоспособнее, чем вечером' [РСС: 331]. В двуязычном словаре *досл.* 'Человек, который рано ложится и рано встаёт' [РКТС: 1572]. Толкование двуязычного словаря оказывается ближе образу зоонима, лежащему в основе семантического переноса: жаворонки рано просыпаются и засыпают. В русском толковании зоосемизм *жаворонок* «очеловечен».

Особый случай составляет перевод на китайский язык зоосемизма *муравейник*. В русской лексикографии: 'Множество движущихся, хлопотливо снующих людей' [РСС: 381]. В двуязычном словаре, сема 'двигаться хлопотливо' переводится при помощи китайского фразеологизма «熙熙攘攘» (*досл.* люди, которые беспорядочно снуют туда и сюда) [РКТС: 3069].

Китайский фразеологизм адекватно отражает образность русской номинации, хоть и без обращения к слову, мотивирующему зоосемизм *муравейник*.

Относящиеся к преобладающему типу зоосемизмы, в их совокупности, мы представляем в Таблице № 6.

Таблица № 6

**Соотносительные описательные толкования русских зоосемизмов
в двуязычном словаре**

Зоосемизм	Русские толковые словари	РКТС
Агнец	Агнец: -нца, <i>м.</i> О кротком, послушном человеке (<i>в т. ч. с иронией и насмешкой</i>) [СОС: 10]	Агнец: -нца, <i>м.</i> 温顺听话的人 <i>досл.</i> Послушный кроткий человек [РКТС: 41]
Акула	Акула: -ы, <i>ж.</i> употр. также по отношению к мужскому полу. О человеке, занимающемся крупными незаконными сделками, сметающем на своем пути других [СОС: 10]	Акула: -ы, <i>ж.</i> 贪婪的人, 厚颜无耻的人 <i>досл.</i> Жадный, бесстыдный человек [РКТС: 80]
Байбак	Байбак: -а, <i>м. перен.</i> Неповоротливый, ленивый человек (<i>разг.</i>) [РСС: 106] Байбак: -а, <i>м.</i> Неповоротливый, ленивый человек, лежебока (<i>разг.</i>) [СОС: 15]	Байбак: -а, <i>м.</i> 【口语】光棍汉, 懒汉 <i>разг., досл.</i> Неповоротливый, ленивый человек [РКТС: 235]
Баран	Баран: -а, <i>м.</i> О глупом, упрямом человеке [СОС: 16]	Баран: -а, <i>м.</i> <转>, 固执的人, 倔强的人, 愚蠢的人 <i>перен. досл.</i> Упрямый, настойчивый, глупый человек [РКТС: 256]
Бирюк	Бирюк: -а, <i>м. перен.</i> Нелюдимый и угрюмый человек, живущий одиночкой (<i>разг.</i>) [РСС: 99] Бирюк: -а, <i>м.</i> Одинокый, нелюдимый человек (<i>разг.</i>) [СОС: 21]	Бирюк: -а, <i>м.</i> 【口语】孤僻的人, 落落寡合的人 <i>разг., досл.</i> Нелюдимый и угрюмый человек [РКТС: 366]
Вьюн	Вьюн: -а, <i>м. перен.</i> Большой хитрец, ловкач и проныра (<i>разг.</i>) [РСС: 110] Вьюн: <i>перен.</i> Юркий, вертлявый человек или зверек (<i>разг.</i>) [РСС: 461] Вьюн: -а, <i>м.</i> О ловком, расторопном или пронырливом человеке (<i>разг.</i>) [СОС: 35]	Вьюн: -а, <i>м.</i> 【口语】极灵活的人; 诡计多端的人, 滑头, 善于钻营的人 <i>разг., досл.</i> Юркий, полный интриг и коварства, хитрец, пронырливый человек [РКТС: 977]
Головастик	Головастик: -а, <i>м.</i> Существо с необычно большой головой (чаще о ребёнке, детёныше) (<i>разг., шутил.</i>) [РСС: 462] Головастик: -а, <i>м.</i> Человек с несоразмерно большой головой (<i>разг.</i>)	Головастик: -а, <i>м.</i> 【口语】大脑袋的人 <i>разг., досл.</i> Человек с несоразмерно большой головой [РКТС: 1140]

	[СОС: 38]	
Дракон	Дракон: -а, м. О жестоком, безжалостном человеке [СОС: 49]	Дракон: -а, м. <转> 残酷的人 досл. Жестокий человек [РКТС: 1496]
Ёж	Ёж: -ежа, м. О человеке, язвительно, зло отвечающем на слова, поступки, кажущиеся ему обидными [СОС: 54]	Ёж: -ежа, м. 不肯吃亏, 好报复的人 досл. язвительный человек [РКТС: 1553]
Жаворонок	Жаворонок: -нка, м. перен. Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, работоспособнее, чем вечером [РСС: 331]	Жаворонок: -нка, м. 早睡早起的人 досл. Человек, который рано ложится и рано встает [РКТС: 1572]
Жираф	Жираф: -а, м. О долговязом человеке [СОС: 57]	Жираф: -а, м. <转> 【口语】, 瘦高个儿 досл. перен. разг. долговязый человек [РКТС: 1611]
Жирафа	Жираф: -ы, ж. О долговязом человеке [СОС: 57]	Жирафа: 见 Жираф <转> 【口语】, 瘦高个儿 см. жираф: досл. перен. разг. долговязый человек [РКТС: 1611]
Зубр	Зубр: -а, м. перен. 1. Косный, консервативно настроенный человек [РСС: 82] 2. Опытный и ценный специалист (разг. шутл.) [РСС: 90] Зубр: -а, м. Закоснелый в своих отсталых взглядах человек [СОС: 66]	Зубр: -а, м. 1. 【旧】极端保守分子, 顽固分子, 死硬派; 2. 【口语, 虐】行家, 里手, 老手。 досл. 1. устар. Косный, консервативно настроенный человек. 2. разг. шутл. Опытный и ценный специалист [РКТС: 1932]
Ищейка	Ищейка: -и, ж. Сыщик, сыскник (прост. презр.) [РСС: 255]. Ищейка: полицейские ищейки: также перен. О сыщиках, полицейских (презр.) [РСС: 411]. Ищейка: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. Сыщик, шпион (разг. пренебр.) [СОС: 71]	Ищейка: -и, ж. <转>, 俗, 蔑, 暗探, 密探 (同义 сыщик, шпион) перен. прост. презр., досл. сыщик, шпион [РКТС: 2139]
Лис	Лис: -а, м. Хитрец, лиса, лисица [РСС: 111]	Лис: -а, м. 狡猾的轨迹多端的人, 谄媚者 досл. Хитрый, льстивый человек [РКТС: 2678]
Лиса Лисица	Лиса / Лисица: -ы, ж. перен. Хитрый и льстивый человек (разг.). [РСС: 111]. Лиса / Лисица: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. О хитром, льстивом человеке [СОС: 93].	Лиса / Лисица: -ы, м. и ж. 【阳, 阴】狡猾的轨迹多端的人, 谄媚者 досл. Хитрый, льстивый человек [РКТС: 2678]

Малявка	Малявка: -и, 1. <i>м. и ж.</i> О маленьком ребёнке (<i>разг.</i>) [РСС: 330] 2. <i>м. и ж.</i> О человеке очень маленького роста (<i>разг., пренебр.</i>) [РСС: 333] Малявка: -и, <i>ж.</i> О человеке (и ребёнке) маленького роста (<i>разг.</i>) [СОС: 99]	Малявка: -и, <i>м. и ж.</i> 【阴阳, 口语】 婴儿; 小个子 <i>разг., досл.</i> Ребёнок, человек маленького роста [РКТС: 2790]
Мастодонт	Мастодонт: -а, <i>м. перен.</i> Большой, поражающий своей величиной человек [РСС: 333]. Мастодонт: -а, <i>м.</i> О громадном, неуклюжем человеке [СОС: 100]	Мастодонт: -а, <i>м.</i> <转>高大粗笨的人 <i>перен., досл.</i> Большой, высокий и неповоротливый человек или вещь [РКТС: 2827]
Морж	Морж: -а, <i>м. перен.</i> Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоёмах [РСС: 317]	Морж: -а, <i>м.</i> 冬泳爱好者, 冬泳运动员 <i>досл.</i> Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоёмах [РКТС: 3022]
Муравейник	Муравейник: -а, <i>м. перен.</i> Множество движущихся, хлопотливо снующих людей [РСС: 381]	Муравейник: -а, <i>м.</i> 熙熙攘攘的一群人 <i>фразеол., досл.</i> Люди, которые беспорядочно снуют туда и сюда [РКТС: 3069]
Пава	Пава: -ы, <i>ж.</i> <i>Разг.</i> Женщина с горделивой осанкой, плавной походкой и манерными жестами [СОС: 124]	Пава: -ы, <i>ж.</i> 【口语】 指仪态端庄, 高傲, 步履从容的女人 <i>разг., досл.</i> Женщина с горделивой осанкой, плавной походкой и манерными жестами) [РКТС: 3968]
Петух	Петух: -а, <i>м. перен.,</i> Задиристый человек, забияка (<i>разг.</i>) [РСС: 116]. Петух: -а, <i>м. разг.</i> О задиристом, запальчивом человеке, забияке [СОС: 130].	Петух: -а, <i>м.</i> 【口语】 好斗的人 <i>досл. разг.</i> Задиристый человек; забияка [РКТС: 4229]
Попугай	Попугай: -я, <i>м. перен.</i> Человек, который, не имея собственного мнения, повторяет чужие слова, суждения [РСС: 103] Попугай: -я, <i>м. Разг.</i> О человеке, который не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова [СОС: 139]	Попугай: -я, <i>м.</i> 【口语】 随声附和者, 人云亦云者 <i>разг., досл.</i> Человек, который повторяет чужие слова, суждения
Прилипала	Прилипала -ы и прилипало -а, 1. <i>м. и ж.</i> Навязчивый, неотвязный и надоедливый человек (<i>прост.</i>) [РСС: 101]. 2. <i>м. и ж.</i> Ловкий и беспринципный человек, примкнувший к кому-н. ради личного интереса, выгоды (<i>разг. пренебр.</i>) [РСС: 112] Прилипала: -ы, <i>м. и ж.</i> <i>Прост.</i> О надоедливом, неотвязном человеке [СОС: 145]	Прилипала: -ы, <i>м. и ж.</i> 【阴, 阳, 俗】 纠缠不休的人, 讨厌的人。 <i>прост., досл.</i> Надоедливый, неотвязный человек) [РКТС: 4927]
Птица	Птица: -ы, <i>ж.</i> с определением. <i>В</i>	Птица: -ы, <i>ж.</i> 【口语, 讽】 有某

	<p><i>некоторых сочетаниях</i>: важный или непонятный, неизвестный человек (<i>разг.</i>) [РСС: 68].</p> <p>Птица: -ы, <i>ж.</i> употр. также по отношению к мужскому полу. <i>Разг. ирон.</i> О человеке, претендующем на особое положение среди других [СОС: 153]</p>	<p>种作用, 职位, 社会地位的人, 人物, 家伙 важная птица, мелкая птица</p> <p><i>разг. ирон., досл.</i> О человеке, претендующем на особое положение среди других [РКТС: 5188]</p>
Рептилия	<p>Рептилия: -и, <i>ж.</i> Журналист, публицист, работник прессы и т. п., пресмыкающийся в печати перед вышестоящими из корыстных побуждений (<i>устар.</i>) [СОС: 162].</p>	<p>Рептилия: -и, <i>ж.</i> <转> 旧, 语用记者, 卖身投靠的记者</p> <p><i>досл. перен. устар.</i> Журналист или работник прессы только в личном пользования управляющей верхушки [РКТС: 5530]</p>
Свора	<p>Свора: -ы, <i>ж. перен.</i> Сборище, шайка (<i>разг. презр.</i>) [РСС: 386]</p>	<p>Свора: -ы, <i>ж.</i> <转>, 【口语】一帮, 一群 (指人) <转, 蔑> 一伙坏人, 匪帮 (同义: шайка, банда)</p> <p><i>разг., перен., досл.</i> Сборище, презр. шайка [СОС: 171]</p>
Слон	<p>Слон: -а, <i>м. перен.</i> Большой, толстый и неуклюжий человек (<i>разг.</i>) [РСС: 333]</p> <p>Слон: -а, <i>м. разг.</i> О высоком, толстом, неуклюжем человеке [СОС: 176]</p>	<p>Слон: -а, <i>м.</i> 【口语】指高大笨重的人 <i>разг., досл.</i> Большой и неуклюжий человек [РКТС: 5959]</p>
Стрекоза	<p>Стрекоза: -ы, <i>ж. перен.</i> Живой, подвижный ребёнок, непоседа (обычно о девочке) (<i>разг.</i>) [РСС: 99]</p>	<p>Стрекоза: -ы, <i>ж.</i> 【口语】指活泼好动的小孩儿, 多指小姑娘</p> <p><i>разг. досл.</i> Живой, подвижный ребёнок, непоседа (обычно о девочке) [РКТС: 6269]</p>
Телёнок Телок	<p>Телёнок / Телок: -ка, <i>м.</i> О безвольном, безответном или слишком простодушном, глуповатом человеке (<i>разг.</i>) [СОС: 193].</p>	<p>Телёнок / Телок: -ка, <i>м.</i> 【口语】唯命是从的人, 徐顺的人, 懦弱的人; 傻乎乎的人 口语, 幼稚的年轻人, 笨拙的年轻人</p> <p><i>разг. досл.</i> Безвольный человек, слишком простодушный; наивный глуповатый молодой человек [РКТС: 6426]</p>
Трутень	<p>Трутень: -тня, <i>м. перен.</i> Человек, не утруждающий себя работой, живущий за счёт чужого труда [РСС: 107]</p> <p>Трутень: -тня, <i>м. разг.</i> Человек, живущий чужим трудом, на чужой счёт [СОС: 198]</p>	<p>Трутень: -тня, <i>м.</i> 【口语】不劳动靠别人生活的人。</p> <p><i>досл.</i> Человек живущий чужим трудом [РКТС: 6603]</p>

Хищник	<p>Хищник: -а, м. <i>перен.</i> Человек, к-рый наживается на ограблении, разорении других [РСС: 117]</p> <p>Хищник: -а, м. 1. Тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л.</p> <p>2. Тот, кто с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств, к истреблению промысловых зверей, рыб и т. п.</p> <p>3) <i>Устар.</i> Похититель, вор [СОС: 216]</p>	<p>Хищник: -а, м. <转> 1)指靠掠夺, 剥削致富的人; 2)指为致富而对自然资源和有捕猎价值的鸟兽虫鱼类进行灭绝性采伐、捕捞的人。</p> <p>3) <旧> 掠夺者, 窃取者 (同义: похититель, вор)</p> <p><i>досл.</i> 1. Тот, кто наживается, обогащается на разорении, ограблении, эксплуатации кого-л.</p> <p>2. Тот, кто с целью наживы пользуется средствами, ведущими к истощению природных богатств, к истреблению промысловых зверей, рыб и т. п. 3. <i>Устар.</i> Похититель, вор [РКТС: 7026]</p>
Червь	<p>Червь: -я, м. О ничтожном, приниженном человеке [СОС: 223]</p>	<p>Червь: -я, м. 卑下的人</p> <p><i>досл.</i> Приниженный, ничтожный человек [РКТС: 7180]</p>
Чечётка	<p>Чечётка: -и, ж. <i>Разг.</i> О болтливой женщине, тараторке [СОС: 224].</p>	<p>Чечётка: -и, ж. 【口语】 叽里呱啦说个没完的女人</p> <p><i>разг., досл.</i> Болтливая женщина [РКТС: 7208]</p>
Шавка	<p>Шавка: -и, ж. <i>перен.</i> Пустой и злобный крикун (<i>прост. презр.</i>) [РСС: 121]</p>	<p>Шавка: -и, ж. 【俗, 蔑】 凶恶的叫喊者, 狂吼乱叫的人</p> <p><i>прост. презр., досл.</i> Злобный крикун [РКТС: 7250]</p>
Ягнёнок	<p>Ягнёнок: ягнёнка, м. <i>перен.</i> Кроткий, незлобивый человек [РСС: 97]</p>	<p>Ягнёнок: ягнёнка, м. <转> 【口语】 温顺的人</p> <p><i>перен. разг., досл.</i> Кроткий, незлобивый человек [РКТС: 7473]</p>

Таким образом, мы рассмотрели и прокомментировали преобладающий тип лексикографического представления русских зоосемизмов в двуязычном словаре, при котором характеризующее значение раскрывается описательно, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию (35 словарных статей).

Способ 2. Перевод зоосемизмами, мотивированными одинаковыми зоонимами.

Данный тип перевода представлен в четырёх словарных статьях. Это следующие зоосемизмы: *зверь, зверюга, змееныш, тигрица*.

Зоосемизм *зверь*: -я, м., *перен.* ‘Человек, делающий что-н. рьяно, с азартом’ (*разг.*) [РСС: 116].

Зверь: -я, м., 1. 'Жестокий, свирепый, беспощадный человек. 2. 'О чрезвычайно жестоком, свирепом человеке' [СОС: 62].

В двух русских толковых словарях представлены разные характеризующие значения зоосемизмов. В двуязычном словаре отражено одно из этих значений *досл.* 'Зверь в образе человека, жестокий, свирепый человек', «цинь шоу» – 'зверь' (*разг.*) [РКТС: 1877]. В переводе отражены характеризующие свойства русского зоосемизма и лежащий в его основе зоонимический образ.

Зоосемизм *зверюга*: -и, м. и ж., 'О чрезвычайно жестоком, свирепом человеке' (*разг.*) [СОС: 62].

Зверюга: то же, что *зверь* (также *бран., прост.*) [РСС: 116].

В двуязычном словаре дан перевод через китайский зоосемизм «е шоу», *досл.* 'дикий зверь'). Таким образом, словообразовательное значение экспрессивно-квалитативного суффикса *-уг-* здесь довольно адекватно соотнесено с семей 'дикий' у китайского зоосемизма. Перевод воспроизводит оценочность и характеризующие свойства метафоры и отражает её экспрессивность.

Зоосемизм *змеёныш*: -а, м. *перен.* 'Злобный и хитрый человек (обычно о подростке)' (*прост. презр., также бран.*) [РСС: 117]. В двуязычном словаре: «сяо ду-шэ» *досл.* 'маленькая змея', обычно о подростке (*бран.*) [РКТС: 1906]. Русский зоосемизм указывает на характер человека ('хитрый'), отрицательное отношение к человеку ('злобный'), и возраст человека. В значении китайского зоосемизма отсутствует характеризующее значение 'хитрый', но имеется негативное значение 'вредный'.

Зоосемизм *тигрица*: -ы, ж. 'Об агрессивной, злой и жестокой женщине' (*разг.*) [СОС: 194]. В двуязычном словаре *досл.* Характер похож на тигрицу, «мулаоху» "самка тигра" 'сварливая баба' (*разг.*) [РКТС: 6476]. Русский зоосемизм толкуется через китайский зоосемизм, мотивированный тем же зоонимом. Отрицательная оценочность объединяет оба зоосемизма. Однако среди характеризующих значений русского зоосемизма *тигрица* сема

‘сварливый’ отсутствует. В то же время у русского зоосемизма имеются характеризующие семы ‘агрессивный, злой, жестокий’, не нашедшие отражения в китайском переводе через зоосемизм.

Рассмотренный способ толкования свидетельствует о том, что в русской и китайской языковых культурах (в языковых картинах мира) обнаруживается в целом близкое понимание некоторых зоосемизмов. Эти зоосемизмы единичны и имеют отдельные различия в характеризующих значениях.

Способ 3. Перевод зоосемизмами, мотивированными другими зоонимами.

Этот способ представлен четырьмя словарными статьями, в которых русские зоосемизмы переведены китайскими зоосемизмами, мотивированными другими зоонимами с близким характеризующим значением, или зоонимами. Это следующие зоосемизмы: *спрут*, *сова*, *одер*, *медведь*.

Зоосемизм *спрут*: -а, м. перен. ‘Человек, чьи злобные и вредоносные планы и поступки, вредная деятельность тайно проникают всюду, охватывают многих’ [РСС: 117]. В двуязычном словаре «Да э» – *досл.* ‘большой крокодил, чьи злобные и вредоносные планы и поступки, вредная деятельность тайно проникают всюду, охватывают многих людей’ [РКТС: 6165]. Русский зоосемизм *спрут* и китайский зоосемизм *крокодил* имеет близкое характеризующее значение, но в разных языковых картинах мира используют разные образы животных. Метафорическое значение у зоонима *крокодил* первоначально формируется в финансовой области, так характеризуется человек, который тайно и быстро присваивает народные деньги, его поведение сравнивается с повадками крокодила. Далее зоосемизм *крокодил* получает более широкое значение и распространение. Использование этого зоонимического образа связано с географическим положением страны. В Китае, особенно на юге, водятся крокодилы, самый известный это «китайский аллигатор», он относится к так называемым живым ископаемым, существует более полутора миллиардов лет. Страх перед крокодилом

впитывается в менталитет китайцев. Для носителей китайского языка зоосемизм *крокодил* адекватно передаёт образность и характеризующие свойства русского зоосемизма *спрут*.

Зоосемизм *сова*: -ы, ж. перен. ‘Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, работоспособнее, чем утром’ [РСС: 331]. В двуязычном словаре: ‘Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, любит заниматься делами ночью, «е мао-цзы» – досл. ‘ночной кот’ [РКТС: 6026]. В китайском языке зооним *сова* означает дословно ‘ястреб с головой кота’. Так что в основе сближения русского зоосемизма *сова* и китайского *е мао-цзы* (‘ночной кот’) лежит образ одного и того же ночного животного – совы.

Зоосемизм *одёр*: -одра, м. ‘О тощем, нескладном человеке’ (прост. разг.) [СОС: 120]. В двуязычном словаре «шоу хоу» – досл. ‘Худая обезьяна, очень худой человек’ (прост.) [РКТС: 3685]. Зоосемизмы *одер* и *шоу хоу* выражают близкое метафорическое значение, но в русском зоосемизме имеется также сема ‘нескладный’, отсутствующая в значении китайского зоосемизма.

Зоосемизм *медведь*: -я, м. перен. ‘Неуклюжий, неловкий и невоспитанный человек (разг.) [РСС: 105]. Медведь: -я, м. ‘1. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. 2. О невоспитанном человеке’ [СОС: 101]. В двуязычном словаре «гоу сюн» – досл. «собачий медведь» (‘Дурной и глупый человек’, разг.) [РКТС]. Зооним *гоу сюн* является общераспространённым названием чёрного медведя (барибала). Иными словами, русский зоосемизм *медведь* представлен в двуязычном словаре зоонимом, обозначающим одну из разновидностей семейства медведей, что не соответствует образности и ассоциациям русского зоосемизма. Неточно переданы также его характеризующие свойства: крупный, сильный, грузный, неуклюжий, неловкий; невоспитанный. В переводе названы характеризующие признаки ‘дурной’ и ‘глупый’, не свойственные зоосемизму *медведь*.

Способ 4. Перевод сравнением, метонимией или метафорой,

мотивированной не зоонимом.

Четвёртый тип представлен восемью словарными статьями, в которых русским зоосемизмам соответствуют китайские сравнения, метонимии или метафоры с не зоонимическим образом. Это следующие зоосемизмы: *кит*, *зайчик*, *зверьё*, *слизняк*, *обезьяна*, *пиявка*, *ворона*, *притворяшка*, *быдло*.

Зоосемизм *кит*: -а, м. перен. 'Значительный человек, на котором всё держится' [РСС: 137]. В двуязычном словаре: «тай чжу-цы» – 'основная опора, «динь лян-чжу» – главная колонна, «гу гань» – диафиз' (центральный отдел трубчатой кости) [РКТС]. *Кит* в русской сказке обычно изображается как гигантская рыба, на которой можно поместить деревню или даже весь мир. Это восприятие созвучно и зоосемизму, возникшему на основе зоонима *кит*. Данный пример показывает, что в русской и в китайской культурах существует общее понятие 'важный, значительный, надёжный человек'. Интересно то, что в русском языке метафорическое значение сформировано на основе зоонима, а в китайском языке на основе неодушевлённых предметов, связанных с символами надёжного дома и надёжной опоры. На наш взгляд, такое метафорическое значение происходит из концепта «семья» в китайской культуре. Семья и дом занимают важное место в китайской языковой картине мира. Понятия «основная опора» или «главная колонна» ассоциируются с надёжностью и значительностью человека. Та же идея надёжности лежит в основе переноса образа диафиза. Подобных образов встречается немало при вторичной номинации.

Зоосемизм *зайчик*: зайка, м. перен. 'Ласковое обращение к любимому; вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности' (*разг.*) [РСС: 348]. В двуязычном словаре *досл.* 'Обращение «сяо гуай-гуай» – дорогой; «сяо хин-гань» – любимый; «сяо бао-бэй» – девочка' [РКТС]. Здесь «сяо хин-гань» буквально переводится как 'маленькие сердце и печень', но эта номинация функционирует как метафора при ласковом обращении к человеку.

Зоосемизм *зверьё*: -я, ср. собир. перен. 'О собравшихся вместе злых,

враждующих друг с другом людях (*разг. презр.*) [РСС: 385]. В двуязычном словаре *досл., перен.* ‘Банда’ [РКТС: 1877].

Зоосемизм *слизняк*: -а, м. *перен.* ‘Безвольный и жалкий человек’ (*разг. презр.*) [РСС: 115]. В двуязычном словаре *досл.* ‘«жуань гу-тоу» – мягкая кость’ (в значении ‘нерешительный, слабый человек’ (*разг. презр.*) [РКТС: 5950]. Слово *кость* в китайской культуре употребляется в метафорических значениях, характеризующих человека. Например «мягкая кость» имеет антоним «твёрдая кость», который относится к человеку с твёрдым характером; «подлая кость» является бранным словом, синонимичным русскому зоосемизму *тварь*.

Некоторые русские зоосемизмы переводятся китайской метафорой с мифологическим образом (*чудовище, вампир*). Например, зоосемизм *обезьяна*: -ы, ж. *перен.* ‘Человек, склонный к бездумному подражанию другим, гримасник, кривляка’ (*разг. неодобр.*) [РСС: 103]. *Обезьяна*: -ы, ж. 1. ‘О человеке, который гримасничает, кривляется, передразнивает других. 2. ‘Об очень некрасивом, уродливом человеке’ (*разг. употр. также по отношению к мужскому полу*) [СОС: 117]. В двуязычном словаре *досл.* ‘1. человек, который гримасничает, кривляется, передразнивает других; 2. «чжо па-гуай» – некрасивое чудовище’ (*разг.*) [РКТС: 3551]. Зоосемизм *пиявка*: -и, ж. *перен.* ‘Злой, жестокий человек, жадно и неотступно добивающийся чего-н. для себя’ (*разг. презр.*) [РСС: 117]. В двуязычном словаре «си сюе-гуй», *букв.* ‘вампир’; «ци шэн-чун», *букв.* ‘паразит’ (*разг.*) [РКТС: 4267].

При переводе некоторых зоосемизмов используются не метафоры, а сравнения и метонимии. Например, зоосемизм *ворона*: -ы, ж. *перен.* ‘Тот, кто упустил свою выгоду, удачу, по рассеянности или недомыслию не сумел воспользоваться чем-н. [РСС: 104]. В двуязычном словаре *досл.* ‘«ма да-ха» – невнимательный, неаккуратный, медлительный, неуклюжий человек’ (*разг.*). Слово «ма да-ха» является именем героя, появилось сначала в «сян шэн» (жанр традиционного китайского комедийного представления). Потом, путём метонимии, закрепляется в китайской культуре как типичный образ

рассеянного и неаккуратного человека.

Зоосемизм *притворяшка*: м. и ж., разг. ‘Притворщик (обычно о ребёнке)’ [РСС: 112]. В двуязычном словаре *досл.* ‘Как притворщик: тот, кто притворяется, лицемер; «вэй цюнь-ци» – ханжа’ (*разг.*). Слово «вэй цюнь-ци» впервые появилось в историческом произведении *宋季三朝政要•理宗* – *досл.* ‘Важные политики Династии Суна: Сун Ли-цзун (1205-1264 гг.)’, оно характеризует политика *魏子翁* (Вы Ци-вэн). Потом, путём метонимии, «вэйцюньци» закрепляется в китайской культуре, обозначает лицемерного человека, который, будучи злым, притворяется добрым. В китайском переводе имеется выраженная негативная оценочность, не свойственная русскому зоосемизму, такой образ не применим к ребёнку, как это свойственно русскому зоосемизму *притворяшка*.

Зоосемизм *быдло*: -а, ср. (*прост. презр.*) ‘Люди, бессловесно выполняющие для кого-н. тяжёлую работу, а также бранно о людях из низких социальных слоёв’ [РСС: 385]. *Быдло*: *собир. обл. прост. презр.*; употр. также как бранное слово. 1. ‘О людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжёлую работу; 2. О невежественном и грубом человеке’ [СОС: 26]. В двуязычном словаре *досл.* 1. *прост. презр. бран.* ‘Работающий человек (старое, унижительное обращение русских землевладельцев к крестьянам). 2. *прост. презр.* Человек, который послушно и покорно выполняют на кого-л. работу, «синь ши цоу чжоу» – шагающий труп, человек, который бесцельно проживает дни’ [РКТС: 496]. Двуязычный словарь переводит зоосемизм *быдло* с помощью фразеологизма «синь ши цоу чжоу». Подобные фразеологизмы обычно имеют литературный источник, но постепенно становятся частью китайской языковой культуры. Они экспрессивны и оценочны. Поэтому с помощью таких средств лексикографы пытаются донести до китаеязычного пользователя образные значения русских зоосемизмов. В переводе отражена негативная оценочность. Понятие «нищие социальные слои» в переводе конкретизировано как положение *крестьян* по отношению к *землевладельцам*, что ближе к реалиям китаеязычного

пользователя. В двуязычном словаре отсутствует помета *собир*. В буквальном переводе русского толкования на китайский язык значение собирательной множественности не отражено. Это можно рассматривать как упущение перевода.

3.4.2. Характеризующие и стилистические значения отражены в двуязычном словаре, но не соответствуют (в той или иной степени) русским словарям.

Путём сопоставления русских зоосемизмов с их отражениями в РКТС выявлены 83 зоосемизма (из 162 зоосемизмов, имеющих в русских словарях, что составляет 51,2 %), толкования которых в двуязычном словаре не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях.

Характер несоответствия отмечается разный. Мы рассматриваем отдельно следующие ситуации:

- (1) не соответствуют по характеризующим значениям (24);
- (2) не соответствуют по характеризующим значениям и по стилистическим пометам (18);
- (3) соответствуют по характеризующим значениям, но не соответствуют по стилистическим пометам (41).

Далее мы последовательно прокомментируем каждую ситуацию.

1. Толкования зоосемизмов в двуязычном словаре не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях по характеризующим значениям.

Такие отношения наблюдаются у следующих зоосемизмов: *барбос*, *бык*, *верблюды*, *жук*, *кобылка*, *козьявка*, *ласточка*, *мелюзга*, *овечка*, *овца*, *пёс*, *пигалица*, *сорока*, *щебетун*, *щебетунья*.

Среди них зоосемизмы *барбос*, *бык*, *жук*, *козьявка*, *мелюзга*, *овца*, *верблюды*, *сорока* в двуязычном словаре имеют дополнительные переносные значения или семы.

Общими признаками зоосемизма *барбос* являются 'злой, грубый'. В двуязычном словаре имеется дополнительное значение, которое

характеризует новорождённого по признаку ‘большой, крепкий’ на основании внешнего сходства «обычно у них большая голова». При этом в РКТС иллюстрация для данного значения отсутствует.

Барбос: -а, м. ‘О злом, грубом человеке’ [СОС: 17].

Барбос: досл. -а, м. 1. ‘Злой, грубый человек’ (разг.). 2. ‘Большой крепкий новорождённый’ (обычно у них большая голова) (шутл.) [РКТС: 258].

Очевидно, в РКТС отражено зоонимическое значение, реализующееся в сравнении.

Зоосемизм *бык* в русских словарях и в двуязычном словаре содержит общие признаки ‘крепкий, сильный, здоровый, но грубый человек’. Однако сема ‘жестокий’ не отражена в двуязычном словаре. При этом в двуязычном словаре имеются дополнительные семы ‘агрессивный, воинственный и некрасивый’, которые выявляются в сравнительных оборотах и относятся к зоонимам, а не к зоосемизмам: как *разъяренный б. кто-н.*; как *красная тряпка на быка действует кто-что-н.* и под.

Бык: -а, м. ‘О грубом, жестоком и упрямом, обладающем большой силой и крепким здоровьем человеке’ [СОС:27].

Бык: досл. -а, м. 1. ‘Агрессивный, воинственный человек’ (прост.). 2. ‘Крепкий сильный человек; не умный, но здоровый человек; грубый и некрасивый юноша’ (разг.) [РКТС: 496].

Зоосемизм *жук* в двуязычном словаре характеризует человека не только по признакам ‘ловкий, плут’, но и по признакам ‘спекулянт, биржевик; пронырливый, хитрый’. Здесь также отражены не зоосемические, а зоонимические значения, свойственные зоонимам во фразеологизмах.

Жук: -а, м. перен. ‘Ловкий человек, плут’ (прост. неодобр.) [РСС].

Жук: -а, м. ‘Ловкий плут’ (прост.) [СОС: 58].

Жук-2: досл. -а, м. 1. ‘Ловкий человек, плут’ (прост. неодобр.) 2. ‘Спекулянт, биржевик; пронырливый человек, хитрая лица’ (пренебр. презр.) [РКТС: 1619].

В двуязычном словаре зоосемизм *козявка* имеет дополнительные значения ‘маленький ребёнок, маленькая девушка’, которые не отражены в русских толковых словарях.

Козявка: -и, ж., перен. ‘То же что *букашка*: маленький, незначительный, от всех зависимый и ничего собой не представляющий человек’ (разг. пренебр.) [РСС: 344].

Козявка: -и, ж. ‘Об очень мелком, незначительном человеке’ (прост. пренебр.) [СОС: 79].

Козявка: -и, ж. досл. 1. Маленький, незначительный человек (пренебр. прост.). 2. перен. ‘Маленький ребёнок, маленькая девушка’ [РКТС: 2342].

Данное толкование в двуязычном словаре сопровождается примером ситуативного использования зоонима: *Папа... сел на диван и стал закуривать папиросу. – Ну, а ты что, козявка, смотришь? – ласково обратился он к Шуре* (Вересаев).

Аналогичная ситуация обнаруживаются при толковании зоосемизма *мелюзга*. В двуязычном словаре имеет дополнительное значение ‘маленькие дети’, которое отсутствует в русских словарях.

Мелюзга: -и, ж. ‘Люди, незначительные по общественному и служебному положению’ (разг.) [СОС: 102].

Мелюзга: досл. -и, ж. 1. ‘Маленькие дети’. 2. перен. ‘Незначительные люди’ [РКТС: 2883].

Дополнительное толкование в двуязычном словаре также сопровождается следующим примером: *Две старшие девочки...были года на три, на четыре моложе меня. Дальше шла мелюзга* (Вересаев).

Зоосемизм *овца* в двуязычном словаре, кроме характеризующих значений ‘кроткий, послушный’, как в русском словаре, имеет дополнительные значения.

Овца: -ы, ж. перен. ‘Робкий и безответный человек’ (разг.) [РСС: 114].

Овца: -ы, ж., досл. 1. употребляется как сказуемое, перен. ‘Кроткий, послушный человек’. 2. м. и ж., ‘спекулянт, играющий вслепую; неопытный

биржевик' (разг.). **З.** перен., только мн. ч. 'Люди, которые живут на зарплату и пенсию' (пренебр.) [РКТС: 3671].

Дополнительные значения не имеют в словаре иллюстраций. Видимо, значение 'люди, которые живут на зарплату и пенсию' отражает зоонимические значения из сравнительных оборотов. Значения 'спекулянт, играющий вслепую; неопытный биржевик' относятся не к литературному языку, а к сленгу экономистов [Словарь экономических терминов 2012].

Зоосемизмы *верблюд* и *сорока* в двуязычном словаре имеют дополнительные семы. Зоосемизм *верблюд* в двуязычном словаре, кроме общих сем 'большой неповоротливый', приводит значение 'горбатый', при этом только по отношению к мужчине, что сужает значение русского зоосемизма.

Верблюд: -а, м. 'Большой неповоротливый человек' [СОС: 28].

Верблюд: -а, м. перен., досл. 'Большой неповоротливый, горбатый мужчина' (разг.) [РКТС: 568].

При зоосемизме *сорока* в двуязычном словаре не отражена сема 'громко' как в РСС. При этом имеется дополнительное значение 'занимается кривотолками, ложными слухами'.

Сорока: -и, ж. перен. То же, что *трещотка*: 'Человек, который громко, без умолку говорит, таратора' (разг.). [РСС: 121].

Сорока: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. 'О болтливом человеке' (разг.) [СОС: 181].

Сорока: -и, ж. перен., досл. 'Человек, который без умолку говорит, болтает лишнее, занимается кривотолками, ложными слухами' (разг.) [РКТС: 6092].

В двуязычном словаре приводится следующая иллюстрация к переносному значению *сорока*: *Люба вспыхнула, встала и отодвинула свою чашку. – Перестанешь ли ты наконец! Сорока!* (Паустовский). Приведенная иллюстрация значений 'занимается кривотолками, ложными слухами' не подтверждает. Более широкий контекст из книги К.Г. Паустовского «Далёкие

годы» выявляет зоосемическое значение ‘Человек, который болтает лишнее’:

«Люба сидела, опустив глаза.

- Что ты сидишь, как Василиса Прекрасная? – спросила Саша. – Костик, правда, Люба стала красавицей? Посмотри на нее. Не то что ее младшая сестра – чумичка и гадкий утенок.

Люба вспыхнула, встала и отодвинула свою чашку,

*- Перестанешь ли ты, наконец! **Сорока!***

Я посмотрел на Любу. Синий огонь блеснул у нее в глазах. Она действительно была очень красивая» (ЛитМир – Электронная Библиотека > Паустовский Константин Георгиевич > Далекие годы (Книга о жизни) > Стр.72).

Наблюдаются случаи, когда не все переносные значения в русских словарях отражены в двуязычном словаре: *кобылка, ласточка, овечка, пёс, пигалица, щебетун, щебетунья.*

При зоосемизме *кобылка* в двуязычном словаре не отражено одно из переносных значений ‘рослая крепкая и сильная девушка, молодая женщина’.

Кобылка: -и, ж. перен. 2. ‘Безответный человек, покорно выполняющий трудную работу, много и тяжело работающий’ (прост.) [РСС: 97]. 3. ‘Рослая, крепкая и сильная девушка, молодая женщина’ (прост. пренебр.) [РСС: 332].

Кобылка: -и, ж. перен. досл. ‘Лао хуан-ню’ – послушный, трудолюбивый работник, трудяга, работяга’ (прост.) [РКТС: 2330].

Примечательно также то, что сема ‘трудолюбивый работник’ толкуется через китайский ‘лао хуан-ню’, то есть ‘старый бык’. Здесь выявляются различия в менталитете двух народов.

Зоосемизм *ласточка* в русских словарях характеризует не только женщину, но и мужчину по признакам ‘дорог, близок, кому сочувствуют’. Но в двуязычном словаре это не отражено.

Ласточка: -и, ж. перен. ‘Ласковое обращение к ребёнку, к женщине; вообще упоминание о том, кто дорог, близок, кому сочувствуют’ (разг.) [РСС: 349].

Ласточка: -и, ж. досл. ‘Ласковое обращение’ (обычно к ребёнку, к женщине) (разг.) [РКТС: 2614].

При зоосемизме *овечка* в двуязычном словаре не отражен признак ‘бесхарактерный’ с отрицательной оценочностью. В двуязычном словаре отражены только признаки ‘кроткий, послушный’ с нейтральной оценкой.

Овечка: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О смирном, кротком, бесхарактерном человеке’ [СОС: 119].

Овечка: -и, ж. перен., досл. ‘Кроткий, послушный человек’ [РКТС: 3668].

Зоосемизм *пёс* в двуязычном словаре отражает отрицательную оценку (бранное слово) как в русских словарях, но не отражает признаки ‘способный на низкие поступки’ или ‘человек вызывающий презрение, негодование своими поступками’.

Пёс: -пса, м. перен., ‘Человек, способный на низкие поступки, дела’ (презр., также бран.) [РСС: 119].

Пёс: -пса, м. ‘О человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками’ (прост., бран.) [СОС: 130].

Пёс: -пса, м. (обычно употр. с определением), досл. ‘Цоу гоу – псы, фашистские псы’ (прост. разг. бран.) [РКТС: 4219].

Зоосемизм *пигалица* в двуязычном словаре содержит семы ‘малорослый, некрасивый (невзрачный)’, но сему ‘тщедушный’ не отражает.

Пигалица: -ы, ж. ‘О невзрачном, малорослом, тщедушном человеке’ (преимущественно о женщине) (разг.) [СОС: 131].

Пигалица: -ы, ж., досл. ‘Малорослый, некрасивый человек’ (обычно о женщине) [РКТС: 4239].

Зоосемизмы *щебетун* и *щебетунья* в РСС толкуются как синонимы. Они отличаются только грамматическим родом, а не биологическим полом. Так же в СОС. Однако в двуязычном словаре они представлены по-разному. *Щебетун* характеризует ребёнка, *щебетунья* характеризует человека, преимущественно женский биологический пол.

Щебетун -а, м. и *Щебетунья* -и, ж. перен., ‘Человек, который постоянно что-то лепечет, говорит весело и быстро, без умолку’ [РСС: 121].

Щебетунья: -и, ж. ‘Тот, кто быстро, без умолку говорит и часто о пустых вещах’ (разг.) [СОС: 239].

Щебетун: -а, м. перен., досл. ‘Ребёнок, который непрерывно щебечет’ [РКТС: 7356].

Щебетунья -и, ж. перен. досл. ‘Человек непрерывно щебечет’ (обычно обозначает девушку, женщину) [РКТС: 7356].

Характеризующие значения зоосемизмов также могут отличаться в двуязычном словаре, например у следующих зоосемизмов: *волк*, *воронье*, *квочка*, *козёл*, *конь*, *лошадь*, *шакал*.

Зоосемизм *волк* в двуязычном словаре имеет три переносные значения, характеризующие человека. Однако ни одно из них не совпадает с характеризующими значениями в русском словаре. Обращает на себя внимание то, что в двуязычном словаре эти переносные значения представлены в статьях как отдельные слова: *волк*–1 с положительной оценкой и *волк*–2 – с негативными оценочными значениями.

Волк: -а, м. ‘О недружелюбном, враждебно настроенном человеке’ [СОС: 31].

Волк-1: -а, м. досл. 1. перен. ‘Опытный человек, бывалый человек’ (разг.) 2. перен. ‘Человек, живущий чужим трудом, на чужой счёт’. *Волк*–2: ‘Жадный, скупой человек (синоним – рвач)’ [РКТС: 735].

Иллюстраций к данным значениям словарь не приводит. Об источнике этих дефиниций трудно судить.

Зоосемизм *воронье* в русском словаре характеризует людей по признакам ‘стремящиеся воспользоваться чем-л., расхищающие что-л.’. Однако в двуязычном словаре отражены признаки ‘жестокие, жадные’. Сопровождается иллюстрацией с зоонимическим значением в сравнительном обороте: *Налетели на пирог, как воронье*.

Воронье: -я, ср., собир. ‘О людях, стремящихся воспользоваться чем-л.,

расхищающих что-л.’ (*презр. прост.*) [СОС: 32].

Вороньё: *досл.* ‘Жестокие и жадные люди’ (*презр. прост.*) [РКТС: 757].

Зоосемизм *квочка* в русском словаре отражает внешние признаки женщины ‘неуклюжий, неповоротливый’. Но в двуязычном словаре он толкуется по чертам характера или поведению человека ‘дурак, тупица’ безотносительно к биологическому полу.

Квочка: -и, *ж.* ‘О неуклюжей, неповоротливой женщине’ (*прост.*) [СОС: 75].

Квочка: -и, *ж.* *досл.* ‘Дурак, тупица’ (*разг., отриц.*) [РКТС: 2252].

Зоосемизм *козёл* в русском словаре характеризует человека по поведению: ‘сделавший другому что-то плохое, поступивший нечестно’. Однако в двуязычном словаре оно переводится как бранное слово по отношению к мужчине: китайским зоосемизмом ‘лао гун-ян’ (старый козёл), без конкретных характеризующих признаков.

Козёл: -зла, *м.* ‘Человек, сделавший другому что-то плохое, поступивший нечестно и т. д.’ [СОС: 78].

Козёл: -зла, *м.* *досл.* ‘Лао гун-ян – старый козёл, очень сильное бранное слово к мужчине’ [РКТС: 2339].

Зоосемизм *конь* в русском словаре характеризует мужчину по признакам ‘здоровый и сильный, не утруждающей себя работой’. Но в двуязычном словаре отражены значения, характерные для молодежного сленга и блатного жаргона.

Конь: -я, *м.* ‘Здоровый и сильный мужчина, не утруждающий себя работой’ (*прост.*) [СОС: 82].

Конь: *досл.* ‘Отец, папа, *мн. ч.* – родители, старики’ (*прост.*) [РКТС: 2425].

Зоосемизм *лошадь* в русских словарях имеет разные толкования, которые дополняют друг друга. Двуязычный словарь отражает признаки ‘нескладная женщина’, ‘человек, который делает тяжёлую работу’. Но не показывает признак ‘используют в корыстных целях’. При этом имеет

дополнительную сему ‘медленно’.

Лошадь: -и, ж. перен. То же, что *кобыла*: ‘Рослая крупная и нескладная женщина’ (прост. пренебр.) [РСС: 332]; ‘О много и тяжело работающем человеке’ (разг.) [РСС: 420].

Лошадь: -и, м. и ж. ‘О человеке, которого используют в корыстных целях на непомерно тяжёлой работе’ [СОС: 97].

Лошадь: досл. 1. ‘Человек делает тяжёлую работу как лошадь’ (разг. пренебр.). 2. ‘Человек который медленно работает’ (бран.). 3. ‘Нескладная женщина’ (разг.) [РКТС: 2720].

Зоосемизм *шакал* в русском словаре характеризует человека по признакам ‘подлый, гнусный, ничтожный’. Двухязычный словарь передает негативную оценочность, но характеризует по другим признакам: ‘злой, жестокий, жадный’.

Шакал: -а, м. ‘О подлом, гнусном, ничтожном человеке’ [СОС: 229].

Шакал: -а, м. перен., досл. ‘Чай-лан – злой, жестокий и жадный человек’ (разг.) [РКТС: 7254].

Зоосемизмы *голубь* и *птичка* в РСС характеризуют человека безотносительно к биологическому полу, но в двухязычном словаре *голубь* характеризует только мужчину; *птичка* характеризует только женщину. Получается более узкое понимание, чем в русских словарях.

Голубь: -я, м. перен. То же что *голубчик*. ‘Ласковое и снисходительное обращение к собеседнику; вообще упоминание о том, кто близок или кому сочувствуют’ (разг.) [РСС: 348].

Голубь: -я, м., досл. ‘Дорогой, ласковое обращение к мужчине’ (разг.) [РКТС: 1148].

Птичка: -и, ж. перен. ‘Ласковое обращение к ребёнку, к женщине, вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности’ (разг.) [РСС: 349].

Птичка: -и, ж. перен., досл. ‘Сяо няо – маленькая птица, ласковое обращение к ребёнку, девушке и женщине’ (разг.) [РКТС: 5190].

Таким образом, в данной группе зоо-номинаций в двуязычном словаре совмещаются зоосемические и зоонимические значения. Авторы двуязычного словаря ориентируются не только на русский литературный язык, но также на русский народный язык. Источником дополнительных значений являются фразеологизмы, профессиональный и молодежный сленг. И напротив, метафорическое значение некоторых зоосемизмов представлено более узким набором характеризующих признаков.

2. Толкования зоосемизмов в двуязычном словаре не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях по характеризующим значениям и по пометам.

К данной группе в двуязычном словаре относятся следующие зоосемизмы: *амёба, букашка, выдра, гидра, гусыня, динозавр, ишак, клуша, кляча, корова, крокодил, крыса, лев, львица, мартышка, орёл, собака, тварь.*

У зоосемизмов *амёба, ишак, львица, мартышка, орёл* в двуязычном словаре отражена только часть характеризующих значений, отсутствуют также пометы.

Зоосемизм *амёба* следует толкованиям русских словарей, характеризует человека по чертам характера и поведению человека ‘бесхарактерный и безвольный’. Но не отражает семы ‘несобренный, инертный, вялый’, которые характеризуют человека по внешним признакам.

Амёба: -ы, ж. перен. ‘Человек, не имеющий своей индивидуальности, бесхарактерный и безвольный’ (разг. пренебр.) [РСС: 114].

Амёба: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О несобренном, инертном, вялом человеке’ [СОС: 11].

Амёба: -ы, ж., досл. ‘Человек, не имеющий своей индивидуальности, бесхарактерный и безвольный’ (разг.) [РКТС: 107].

Зоосемизм *ишак* в двуязычном словаре отражает черты характера и поведение человека ‘грубый’, но отсутствует характеристика ‘выполняющий самую тяжёлую работу’. Соответственно отсутствует помета *прост.*

Ишак: -а, м. перен. Человек, безропотно выполняющий самую тяжёлую

работу (*прост.*) [РСС: 96].

Ишак: -а, м. 'Об упрямом глупом человек' (*бран.*) [СОС: 71].

Ишак: -а, м. *досл.* 'Грубый осёл' (*бран.*) [РКТС: 2138].

При зоосемизме *львица* в двуязычном словаре не показаны негативные характеризующие значения 'агрессивный, разъярённый', но имеется отсутствующее в русских словарях значение 'смелая женщина'. Отсутствует помета *устар.*

Львица: -ы, ж. *перен.* 'Дама высшего света, пользующаяся в нём большим успехом' (*устар.* и *разг.*) [РСС: 137].

Львица: -ы, ж. 'Об агрессивной, разъяренной женщине' (*разг.*) [СОС: 97].

Львица: -ы, ж. *перен. досл.* 1. 'Смелая женщина'. 2. 'Дама высшего света' (*разг.*) [РКТС: 2734].

Источником значения 'смелая женщина' в РКТС послужили, видимо сравнительные обороты с зоонимами, а не зоосемизмами.

Зоосемизм *мартышка* следует толкованиям, отраженным в СОС, но отсутствует признак 'Человек, который кривляется, обезьянничает', как в РСС. Также отсутствуют пометы: *разг. пренебр. прост.*

Мартышка: -и, ж. *перен.* 'Человек, который кривляется, обезьянничает' (обычно о ребёнке) (*разг. пренебр.*) [РСС: 103].

Мартышка: -и, ж. 'О некрасивой, безобразной женщине или девушке' (*прост.*) [СОС: 100].

Мартышка: -и, ж. *перен. досл.* 'Уродец, очень некрасивый человек' (*бран.*) [РКТС: 2814].

При зоосемизме *орёл* в двуязычном словаре не указан признак 'Фамильярное обращение к юноше', а также помета *прост.*

Орёл: -орла, м. 1. *перен.* 'Отважный, сильный и решительный человек' [РСС: 95]. 2. *перен.* 'Статный, крепкий и сильный мужчина, юноша' [РСС: 343]. 3. 'Фамильярное обращение к юноше, молодому мужчине; вообще упоминание о таком лице' (*прост.*) [РСС: 348].

Орёл: -орла, м., *досл.* 1. 'Отважный, сильный и решительный человек, Статный, крепкий и сильный мужчина, юноша'. 2. 'Используется в качестве сказуемого, о человеке, который лучший среди лучших; выдающийся человек' [РКТС: 3782].

Отличаются толкования в двуязычном словаре русских зоосемизмов *динозавр*, *клуша*, *кляча*, *собака* – имеются отсутствующие в русских словарях значения, отсутствуют отдельные пометы.

Зоосемизм *динозавр* в двуязычном словаре имеет отсутствующее в русских словарях значение с положительной оценкой 'талантливый'. При этом опущены пометы *разг.* и *шутл.*

Динозавр: -а, м. *перен.* 'Человек ветхозаветных взглядов, с устаревшими, чуждыми другим представлениями о долге, морали, ответственности, об отношении к делу' (*разг. шутл.*) [РСС: 82].

Динозавр: -а, м. *досл.* 1. 'Человек ветхозаветных взглядов: с этим динозавром мы друг друга не поймём'. 2. ~ *чего*, 'Талантливый предшественник в какой-то области' [РКТС: 1386].

Здесь наблюдается сближение по значению в зоосемизме *зубр*, ср: 'Опытный и ценный специалист' (*разг. шутл.*) [РСС: 90]. Источник такого сближения нам неизвестен.

Зоосемизм *клуша* в двуязычном словаре имеет дополнительное контекстуальное значение, характеризующее внешние признаки женщины: 'ходит в лохмотьях'. Отсутствуют пометы: *разг. неодобр.*

Клуша: -и, ж. *перен.* 'Медлительная, нерасторопная женщина' (*разг. неодобр.*) [РСС: 105].

Клуша: -и, ж. 'Неповоротливая, медлительная и неаккуратная женщина' [СОС: 77].

Клуша: -и, ж. *перен., досл.* 'Медлительная, нерасторопная, неаккуратная женщина; женщина ходит в лохмотьях' [РКТС: 2318].

Зоосемизм *кляча* в двуязычном словаре приводится с дополнительным контекстуальным значением 'некрасивая женщина'. При этом отсутствуют

пометы *пренебр.*, *бран.*, как в русских словарях.

Кляча: -и, м. и ж., 2. *перен.* ‘Исхудалый, немощный человек’ (*разг. пренебр.* также *бран.*). 3. бранное слово (чаще по отношению к женщине) [РСС: 332].

Кляча: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О худом, еле стоящем на ногах человеке’ (*прост. пренебр.*) [СОС: 77].

Кляча: -и, ж. *досл.* 1. *перен.* ‘Немощный человек; изнемождённая женщина’ (*прост. разг.*). 2. ‘Некрасивая женщина’ (*разг.*) [РКТС: 2321].

Зоосемизм *собака* в двуязычном словаре имеет дополнительное положительное переносное значение ‘специалист, профессор’, сопровождаемое примером с зоонимом: *Ведь тоже и по бумажным делам какая собака! Из других станиц приезжают к нему бумаги писать* (Л. Толстой). Отсутствуют пометы *презр.*, также *груб. бран.*

Собака: -и, ж. *перен.* ‘Злой и грубый человек’ (*прост. презр.*, также *груб. бран.*) [РСС: 117].

Собака: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О скверном, подлом человеке’ (*прост. бран.*) [СОС: 178].

Собака: -и, ж. *досл.* ‘Жестокий, свирепый, бесчеловечный, бессовестный человек; злодей’ (*прост. бран.*). 2. ‘Профессор, специалист’ (*прост.*) [РКТС: 6017].

Второе значение в РКТС является не метафорическим, а фразеологическим, оно реализуется во фразеологизмах *съел собаку*, *собака на что*, *собака по чему*.

Зоосемизмы *крыса* и *лев* в двуязычном словаре имеют не только значения, не отраженные в базовых русских словарях, но и дополнительные пометы.

У зоосемизма *крыса* в двуязычном словаре имеется дополнительное контекстуальное значение ‘внешне непривлекательная’, а также фразеологически связанное значение (ср. фразеологизм *канцелярская крыса*), которое толкуется как ‘человечишка’, с пометами *шутл. презр.*

Крыса: -ы, ж. употр. по отношению к мужскому полу. О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное (*разг. пренебр.*) [СОС: 87].

Крыса: -ы, ж. досл. 1. Канцелярская крыса (*разг. презр.*); человечешка; парень (*шутл. презр.*). 2. Внешне непривлекательная девушка или женщина (*разг.*) [РКТС: 2538].

Зоосемизм *лев* в толковании русского словаря отражает социальный статус человека и положительную оценочность. Но двуязычный словарь характеризует его по внутреннему признаку ('талант') и сопровождает пометой *ирон.*, а также приводит значение с негативной семой 'свирепый', почерпнутое, видимо, из сравнительных оборотов.

Лев: льва, м. перен. 'Человек высшего света, пользующийся в нём большим успехом' (*устар.*) [РСС: 137].

Лев: льва, м. досл. 1. 'Свирепый, храбрый человек'. 2. 'Мужчина, который воплощает таланты своей эпохи; гениальный мужчина' (*устар. ирон.*) [РКТС: 2622].

Зоосемизмы *корова* и *крокодил* в двуязычном словаре имеют не только дополнительные значения, но и другие пометы.

Зоосемизм *корова* в двуязычном словаре характеризует не только женщину по признаку 'толстая', но также по контекстуальным признакам 'неумная, грубая'. При этом имеется помета *груб.*

Корова: -ы, ж. перен. 'Толстая и неповоротливая женщина' (*прост. пренебр.*; также *бран.*) [РСС: 332].

Корова: -ы, ж. досл. 'Толстая неповоротливая женщина; неумная женщина; грубая женщина' (*груб.*) [РКТС: 2445].

Зоосемизм *крокодил* в русских словарях характеризует человека по признаку 'некрасивый', но в двуязычном словаре имеется дополнительное значение 'жестокий человек' с пометой *бран.*, возможно, отсылающее к фразеологическому сочетанию *крокодильи слезы* (если исходить из того, что показное и лицемерное сочувствие по отношению к жертве у крокодила

сопровождается пожиранием жертвы, то есть жестоким действием).

Крокодил: -а, м. перен. 'Человек с некрасивой отталкивающей внешностью' (прост.) [РСС: 340].

Крокодил: -а, м. 'О мужчине с грубым, обезображенным лицом' [СОС: 82].

Крокодил: -а, м. досл. 1. 'Жестокий человек, нет чувства сострадания' (бран.). 2. перен. 'Человек с некрасивой отталкивающей внешностью' (разг.) [РКТС: 2521].

Источником инновации в РКТС может быть фразеологическое сочетание *крокодилы слезы* или сравнительные обороты следующего типа:

«Он ходил по заповедям Божиим, — говорит о нем русский современник, — побеждал поганных язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил, пролетал по их земле как орел...» [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск первый: X–XIV столетия (1862–1875)].

Зоосемизмы *гидра*, *гусыня* в двуязычном словаре имеют другие значения и другие пометы.

Зоосемизм *гидра* в русском словаре характеризует только женщину, в двуязычном словаре характеризует и женщину, и мужчину. При этом вместо помет *прост. груб.* дана помета *книжн.* Здесь просматривается влияние мифологического и фразеологического зоонимического значения.

Гидра: -ы, ж. 'О злой и коварной женщине' (прост. груб.) [СОС: 37].

Гидра: -ы, ж. досл. 'Злой человек' (книжн.) [РКТС: 1052].

Зоосемизм *гусыня* в СОС отражает внешние признаки женщины 'полная, ходит не спеша, покачиваясь вразвалку'. В двуязычном словаре отражены черты характера и поведение женщины 'не находчивая, глупая', которые выводятся из сравнения *глупа как гусыня*. При этом в двуязычном словаре отсутствует пометы.

Гусыня: -и, ж. 'О полной женщине, которая ходит не спеша, покачиваясь вразвалку' (разг. презр.) [СОС: 43].

Гусыня: -и, ж., перен. досл. ‘Не находчивая, глупая женщина’ [РКТС: 1257].

Толкование зоосемизмов *букашка* и *выдра* в двуязычном словаре не следует толкованиям в русском словаре, соотносительные семы и пометы отсутствуют.

В двуязычном словаре у зоосемизма *букашка* отсутствуют характеризующие признаки ‘от всех зависимый и ничего собой не представляющий’, а также помета *пренебр.*

Букашка: -и, ж. перен. ‘Маленький, незначительный, от всех зависимый и ничего собой не представляющий человек’ (*разг. пренебр.*) [РСС: 344].

Букашка: -и, ж. перен. ‘Маленький, незначительный человек’ (*разг.*) [РКТС: 474].

При зоосемизме *выдра* в двуязычном словаре отсутствуют признаки ‘злой, некрасивый’, а также пометы *пренебр.*, *бран.*

Выдра: -ы, ж. перен. ‘Худая и некрасивая женщина’ (*прост. пренебр.* также *бран.*) [РСС: 332].

Выдра: -ы, ж. ‘Об очень худой и злой женщине’ (*прост.*, *бран.*) [СОС: 34].

Выдра: -ы, ж. досл. ‘Худая женщина’ (*прост. груб.*) [РКТС: 872].

При зоосемизме *тварь* в русском словаре имеются многообразные стилистические и прагматические пометы, но в двуязычном словаре при соответствующем значении отражена только помета *презр.*

Тварь: -и, ж. Недостойный, подлый, злобный человек (*прост. презр.*, также *груб. бран.*) [РСС: 119].

Тварь: -и, ж. досл. 1. ‘Злобный человек, подлый человек’ (*презр.*). 2. ‘Распутная женщина’ (*прост. бран.*) [РКТС: 6409].

Кроме этого, в двуязычном словаре имеет дополнительное зоосемическое значение ‘распутная женщина’ (*прост. бран.*), подтверждаемое следующим примером: *Вера Никитишна с кем-то*

бранится: "**Тварь!** Дрянь этакая! Черт!" (Чехов). Однако этим примером из произведения А. Чехова значение 'распутная женщина' не подтверждается: здесь бранное слово *тварь* характеризует не «распутную женщину», а генерала:

«Иду я однажды по коридору, и вдруг слышу визг. Сначала думал, что свинью режут, потом же прислушался и слышу, что это Вера Никитишна с кем-то бранится: «**Тварь!** Дрянь ты этакая! Чёрт!» — Кого это? — думаю. И вдруг, братец ты мой, вижу, отворяется дверь и из нее вылетает наш **генерал**, весь красный, глаза выпученные, волосы, словно чёрт на них подул. А она ему вслед: «Дрянь! Чёрт!»» (А. Чехов. Женское счастье).

Таким образом, в двуязычном словаре совмещены зоосемические и зоонимические значения. Авторы двуязычного словаря ориентируются не только на русский литературный язык, но также на русский народный язык.

Метафорическое значение многих зоосемизмов, напротив, представлено более узким набором характеризующих признаков.

3. Толкования зоосемизмов в двуязычном словаре совпадают по значению, но не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях по пометам.

Отмечены случаи, когда зоосемические характеризующие значения в двуязычном словаре адекватно отражают толкования русских словарей, но не совпадают по помете.

В приводимой ниже Таблице № 7 показаны схождения и расхождения в стилистической и / или прагматической характеристике зоосемизмов в русских словарях и в двуязычном словаре. Если используемые нами словари расходятся в стилистическом описании зоосемизмов, мы помещаем в таблицах то и другое описание.

Таблица № 7

**Пометы при зоосемизмах в двуязычном словаре
не соответствуют пометам русских словарей**

Зоосемизм	Пометы при зоосемизмах в русских словарях	Пометы при зоосемизмах в двуязычном словаре
Аспид	Устар. прост. презр., также бран. [РСС: 116]; Прост., бран. [СОС: 13]	Прост., бран. [РКТС: 192]
Боров	Прост. пренебр. [РСС: 423]; Прост. [СОС: 23]	Прост. [РКТС: 426]
Бугай	Прост. [РСС: 332; СОС: 25]	Прост. пренебр. [РКТС: 468]
Гад	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 118]; Прост., бран. [СОС: 36]	Прост. бран. [РКТС: 985]
Гадина	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 118]; Груб. [РСС: 345]; Прост. бран. [СОС: 36]	Прост. бран. [РКТС: 986]
Гадюка	Разг. презр., также бран. [РСС: 116]; Прост., бран. [СОС: 36]	Прост. бран. [РКТС: 987]
Глиста	Прост. презр. [РСС: 332]; Груб. прост. [СОС: 37]	Груб. прост. [РКТС: 1107]
Гнида	Прост. презр., также груб. Бран. [РСС: 118]; Груб. [РСС: 345]; Прост., бран. [СОС: 38]	Прост. бран. [РКТС: 1124]
Гусь	Прост. [РСС: 110]; Разг. презр. [СОС: 43]	(Без помет) [РКТС: 1257]
Ехидна	Разг. презр. [РСС: 116]; Разг. [СОС: 54]	Разг. [РКТС: 1569]
Жеребец	Прост. ирон. [РСС: 332]	Прост. шутол. [РКТС: 1593]
Животное	Разг. презр., также бран. [РСС: 118]; Разг. [СОС: 56]	Разг. презр. [РКТС: 1602].
Змея	Разг. презр., также бран. [РСС: 117]; (Без помет) [СОС: 65].	(Без помет) [РКТС: 1907]
Кабан	Прост. пренебр. [СОС: 71]	Прост. презр. [РКТС: 2145]
Каракатица	Разг. шутол., также прост. бран. [РСС: 340]; Прост. [СОС: 74]	Прост. [РКТС: 2203]
Клоп	Разг. шутол. [РСС: 451]; Разг. пренебр. шутол. [СОС: 77]	Разг. шутол. [РКТС: 2315]
Кобель	(Без помет) [РСС: 107; СОС: 77]	Груб. [РКТС: 2329]
Кобра	Груб. прост. [СОС: 78]	Разг. [РКТС: 2330]
Кобыла Кобылица	Прост. пренебр. [РСС: 332]	Груб. [РКТС: 2330]
Коза	Разг. [СОС: 78]	Разг. шутол. [РКТС: 2339]
Кукушка	Прост. неодобр. [РСС: 187]; (Без помет) [СОС: 88]	Разг. [РКТС: 2558]
Легавый	Прост. презр. [РСС: 255]; Прост. [СОС: 91]	Прост. [РКТС: 2624]
Осёл	Прост. презр., также бран. [РСС: 90];	Прост. [РКТС: 3798]

	Прост. [СОС: 121]	
Паразит	Презр, также бран. [РСС: 106]; Груб. [РСС: 345]	Прост. бран. [РКТС: 4002]
Паразитка	Разг., презр, также бран. [РСС: 106]; Груб. [РСС: 345]	Прост. бран. [РКТС: 4002]
Паук	Разг. презр. [РСС: 345]; Разг. [СОС: 126]	Разг. [РКТС: 4037]
Поросёнок	Разг., также бран [РСС: 105]; С оттенком насмешки [РСС: 345]; Разг., бран. [СОС: 140]	Разг., бран. [РКТС: 4667]
Росомаха	(Без помет) [СОС: 163]	Прост. [РКТС: 5597]
Рыба	Разг., неодобр. [РСС: 105]; Разг. [СОС: 165]	Разг. [РКТС: 5639]
Свинья	Разг., также груб. бран. [РСС: 119]; Разг. [СОС: 169]	Разг. [РКТС: 5759]
Скорпион	Разг. презр. [РСС: 117]	(Без помет) [РКТС: 5916]
Скот	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 119]; Прост. презр., бран. [СОС: 175]	Прост. презр. [РКТС: 5918]
Скотина	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 119]; Прост. презр. бран. [СОС: 175]	Прост. пренебр. [РКТС: 5918]
Сокол	Разг. нар.-поэт. [РСС: 343, 350]	Нар.-поэт. устар. [РКТС: 6057]
Сука	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 119]	Груб. бран. [РКТС: 6309]
Тля	Пренебр. [РСС: 345]; Прост. [СОС: 195]	Разг. [РКТС: 6492]
Тюлень	Разг. шутол. [РСС: 105]; Разг. [СОС: 199]	Разг. [РКТС: 6640]
Ублюдок	Прост. презр., также груб. бран. [РСС: 119]; Устар. бран. [РСС: 187]; Прост. презр., бран. [СОС: 200]	Прост., груб. [РКТС: 6662]
Хамелеон	Неодобр. [РСС: 112]; (Без пометы) [СОС: 214]	(Без пометы) [РКТС: 6992]
Червяк	Пренебр. [РСС: 345]; (Без пометы) [СОС: 223]	Разг. [РКТС: 7180]
Шилохвостка	(Без пометы) [СОС: 233]	Прост. [РКТС: 7297]

Из приведенной таблицы видно, что расхождения между русскими словарями, с одной стороны, и двуязычным русско-китайским словарем, с другой стороны, неоднотипны.

РКТС не следует пометам в русских словарях, приведены другие пометы при следующих зоосемизмах: *кобра, кобыла / кобылица, кукушка, паразит, паразитка, тля, червяк, шилохвостка.*

При зоосемизмах *бугай, кобель, коза, росомаха, сокол* в двуязычном

словаре, кроме совпадающих помет в русских словарях, имеются дополнительные пометы.

При следующих зоосемизмах в двуязычном словаре отсутствуют отдельные пометы: *гусь, животное, клоп, скорпион, скот, скотина, ублюдок*.

Пометы в РКТС соответствуют пометам СОС, но у́же перечня помет, имеющих при зоосемизмах в РСС: *аспид, боров, гад, гадина, гадюка, глиста, гнида, ехидна, змея, каракатица, легавый, осёл, паук, поросёнок, рыба, свинья, сука, тюлень, хамелеон*.

При той вариативности помет, которую наблюдаем в русских словарях, практически соотносительными можно считать пометы при зоосемизмах *кабан (прост. пренебр. и прост. презр.)* и *жеребец (прост. ирон. и прост. шутл.)*.

Как видно из Таблицы 7, система стилистических помет в РКТС менее детализирована по сравнению с русскими словарями. Пометы при многих зоосемизмах не соответствуют пометам в русских словарях.

3.4.3. Зоосемические значения, не отражённые в двуязычном словаре

Путём сопоставления русских словарей с двуязычным словарем выявлены 26 зоосемизмов, имеющих в русских толковых словарях зоосемические (метафорические) значения, не отраженные в соответствующих словарных статьях РКТС.

Таблица 8.

Русские зоосемизмы отсутствуют в двуязычном словаре

Зоосемизм	В РСС и / или в СОС
Волчица Волчиха	Волчица: -ы, ж. женск. к волк [СОС: 31]; Волк: О недружелюбном, враждебно настроенном человеке [СОС: 31]
Воробей	Воробей: -ья, м. О робком, пугливом человеке [СОС: 31]

Жаба	Жаба: -ы, <i>ж.</i> О некрасивом, уродливом человеке [СОС: 55]; Жаба: -ы, <i>ж. перен.</i> Злой и отвратительный человек (<i>прост. презр., также бран.</i>) [РСС: 116]
Змей	Змей: -я, <i>м. перен.</i> Злой и коварный мужчина (<i>прост., также бран.</i>) [РСС: 117].
Змеюшник	Змеюшник: -а, <i>м. перен.</i> О собравшихся вместе злых, враждующих друг с другом людях (<i>прост. презр.</i>) [РСС: 385]
Индюк	Индюк: а, <i>м. перен.</i> заносчивый, надменный человек (<i>прост. пренебр.</i>) [РСС: 102].
Клещ	Клещ: -а, <i>м.</i> Навязчивый человек [СОС: 76].
Кот	Кот: -а, <i>м. перен.,</i> Похотливый сластолюбец (<i>прост. пренебр.</i>) [РСС: 107]
Котёнок Киса Киска	Котёнок: -нка, <i>м. перен.</i> зайчик, киса, киска (<i>разг.</i>) [РСС: 349]. Киса, -ы и Киска, -и, (<i>разг. ласк.</i>) 2. <i>перен.</i> Мягкая и ласковая, располагающая к себе женщина, девочка (часто в обращении) [РСС: 349]. 3. <i>перен., м. и ж.</i> Ласковое обращение к ребёнку, а также к любимой женщине; вообще упоминание о таком лице [РСС: 349]
Крот	Крот: -а, <i>м.</i> О прижимистом, жадном человеке, стяжателе [СОС: 86].
Курица	Курица: -ы, <i>ж.</i> О безвольной, бесхарактерной и глупой женщине [СОС: 88]
Лошадка	Лошадка: -и, <i>м. и ж.</i> О человеке, которого используют в корыстных целях [СОС: 97]
Макака	Макака: -и, <i>ж. прост.</i> О некрасивой, уродливой женщине (Об одиноко стоящей на танцплощадке девушке) [СОС: 98]
Мошка	Мошка: -и, <i>ж.</i> употр. также по отношению к мужскому полу. <i>Презр.</i> О мелком, жалком человеке [СОС: 106]
Ослица Ослиха	Ослица -ы, <i>ж.</i> и Ослиха -и, <i>ж.:</i> <i>перен.,</i> Глупая и упрямая женщина (<i>прост. презр., также бран.</i>) [РСС: 90]
Пантера	Пантера: -ы, <i>ж.</i> Об изворотливой и агрессивной женщине [РСС: 414].
Порося	Порося: ср. <i>Прост.</i> О неряшливом, неаккуратном человеке (чаще о ребёнке). [СОС: 140]
Сатир	Сатир: -а, <i>м. перен.</i> Развратный и лукавый человек (по образу низшего божества древнегреческой мифологии – козлоногого спутника Вакха, бога вина и веселья) (<i>устар.</i>) [РСС: 108]
Стадо	Стадо: -а, ср. чаще ед., <i>перен.</i> Неуправляемое сборище, безликая масса народа (<i>разг. презр.</i>) [РСС: 386]; Стадо: -а, ср. <i>разг. пренебр.</i> Большая неорганизованная группа людей [СОС: 184]
Страус	Страус: -а, <i>м. Разг.</i> О длинном, нескладном человек [СОС: 186]

Сыч	Сыч: -а, м. <i>перен.</i> Угрюмый и нелюдимый человек, бирюк (разг.) [РСС: 99]
Телка	Телка: -и, ж. <i>груб. прост.</i> О рослой, здоровой и недалёкой по уму девушке [СОС: 193]
Теля	Теля: теляти, ср. <i>Прост.</i> О глупом или безвольном, беспомощном человеке [СОС: 193]
Хавронья	Хавронья: -и, ж. <i>Разг.</i> О грязной неопрятной женщине, неряхе [СОС: 213]
Цербер	Цербер: -а, м. <i>перен.</i> Злой, свирепый надсмотрщик, страж (<i>книжн.</i>) [РСС: 164]
Чушка	Чушка: -и, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. <i>Разг.</i> О неряшливом, грязном человеке [СОС: 228]

Обращает на себя внимание тот факт, что список отсутствующих в двуязычном словаре зоосемизмов составляют в основном те зоосемизмы, которые выявлены только в одном из русских словарей – только в РСС или только в СОС. Исключения в этом отношении составляют только зоосемизмы *жаба* и *стадо*. Их зоосемические значения отражены в обоих русских словарях, но в РКТС они не попали.

Следовательно, РКТС отчасти отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей.

Определенную роль могло сыграть также отсутствие аналогичных явлений в китайском языке, например, отсутствие уменьшительных номинаций типа *котенок, киса, киска*. Кроме того, зоосемизмы с признаками женского пола (например: *кобылица, телка*) переводятся на китайский язык двумя словами.

Мы надеемся, что наши наблюдения помогут восполнить отмеченные лакуны в двуязычной лексикографии.

3.4.4. Грамматический род и биологический пол русских зоосемизмов в двуязычном словаре.

РКТС следует грамматическим пометам русскоязычных словарей, а

также следует за маркерами биологического пола, принятыми в русскоязычной лексикографии. Например: зоосемизм *гусыня* -и, ж. ‘Не находчивая, глупая женщина’. Зоосемизм *баран* толкуется -а, м. ‘Упрямый, настойчивый, глупый человек’ (РКТС). Нам представляется, что для китайского пользователя в некоторых случаях имеющейся информации недостаточно.

В разделе 2.4 мы выявили основные способы представления рода и пола в русских словарях; здесь мы проследили, как они представлены в русско-китайском словаре. В случаях расхождений между двумя русскими словарями мы ориентируемся на результаты исследования узуса, представленные в разделе 2.4.

1. Прямое указание на женский или мужской биологический пол при совпадении биологического пола с грамматическим родом. Этот способ представлен у 25 зоосемизмов (из 136).

При 18 зоосемизмах женского грамматического рода имеется прямое указание на женский пол: *выдра, гидра, гусыня, квочка, клуша, кляча, кобра, кобыла / кобылица, кобылка, коза, корова, кукушка, львица, пава, пигалица, тигрица, чечетка, шилохвостка*. Прямое указание на мужской пол имеется при семи зоосемизмах мужского грамматического рода: *бугай, жеребец, кабан, кобель, конь, орёл, сокол*.

Как правило, в двуязычном словаре и грамматический род, и биологический пол русских зоосемизмов воспроизводятся точно, это наблюдается в 88 % случаев (22 из 25 зоосемизмов). Например, зоосемизм *выдра*: -ы, ж. перен. ‘Худая и некрасивая женщина’ (прост. пренебр. также *бран.*) (РСС). В двуязычном словаре: -ы, ж. ‘Худая женщина’ (прост. груб.) (РКТС). Зоосемизм *бугай*: -я, м. перен. ‘Здоровый и сильный мужчина’ (прост.) (РСС). В двуязычном словаре: перен., ‘Большой, крепкий и сильный мужчина’ (прост. пренебр.) (РКТС). Аналогичные соответствия наблюдаются при толковании следующих зоосемизмов: *жеребец, кабан, кобель, конь, орёл, сокол; гусыня, клуша, кляча, кобра, кобыла / кобылица, коза, корова, кукушка,*

львица, пава, пигалица, тигрица, чечётка, шилохвостка.

Остальные 12 % случаев (3 из 25 зоосемизмов) отступают от характеристик биологического пола зоосемизмов в русских словарях. Например, при зоосемизме *квочка* в двуязычном словаре имеется указание на женский грамматический род, но биологический пол представляется в толковании значения через сему 'дурак', которая в китайском языке относится к мужчине и женщине.

Квочка: -и ж. 'О неуклюжей, неповоротливой женщине' (*прост.*) (СОС). В двуязычном словаре: ж. 'Дурак, тупица' (*разг. отриц.*) (РКТС).

Биологический пол зоосемизма *гидра* в двуязычном словаре (отнесён к мужчине и женщине) тоже не следует толкованию в русских словарях.

Гидра: -ы, ж. 'О злой и коварной женщине' (*прост. груб.*) (СОС). В двуязычном словаре: ж. *книжн.* 'Злой человек' (РКТС).

Кобылка в РСС имеет два значения, одно значение относится только к женщине, другое относится к мужчине и женщине. В двуязычном словаре отражено только второе значение зоосемизма *кобылка*.

Кобылка: -и, ж. 'Рослая, крепкая и сильная девушка, молодая женщина' (*прост.*) *Кобылка*: -и, ж. 'Безответный человек, покорно выполняющий трудную работу, много и тяжело работающий' (*прост.*) (РСС). В двуязычном словаре: ж. *перен.* '«Лаохуанню» – послушный, трудолюбивый работник, трудяга, работага' (*прост.*) (РКТС).

По нашему мнению, словарные толкования зоосемизмов *гидра*, *квочка* в двуязычном словаре нуждаются в помете типа «обычно относится к женщине». Зоосемизм *кобылка* может быть дополнен вторым значением с указанием на женский биологический пол.

2. Зоосемизм имеет форму мужского грамматического рода, называет лиц мужского и женского пола, при толковании пол маркируется словом *человек* (относится к мужчине и женщине). Этот способ представлен у 60 (из 136) зоосемизмов.

Такой способ обозначения биологического пола зоосемизма в целом

соблюдается в двуязычном словаре – соответствия составляют 95 % (57 из 60 зоосемизмов). Например, зоосемизм *бирюк* в русском словаре: -а, м. ‘Нелюдимый и угрюмый человек, живущий одиночкой’ (разг.) (РСС). В двуязычном словаре переводится: -а, м. ‘Нелюдимый и угрюмый человек’ (разг.) (РКТС). Аналогично при зоосемизмах: *агнец, аспид, байбак, баран, барбос, боров, бык, волк, вьюн, гад, головастик, гусь, динозавр, дракон, ёж, жаворонок, жираф, жук, зайчик, зверь, змеёныш, зубр, ишак, кит, клоп, крокодил, лев, легавый, лис, мастодонт, медведь, морж, одёр, осёл, паразит, паук, пёс, петух, попугай, поросёнок, скорпион, скот, слизняк, слон, спрут, телёнок / телок, трутень, тюлень, ублюдок, хамелеон, хищник, червь, червяк, шакал, щебетун, ягнёнок*.

Однако в трёх случаях (5%) наблюдаются неточности в обозначении биологического пола зоосемизмов.

Верблюд: -а, м. ‘Большой неповоротливый человек’ (СОС). В двуязычном словаре м. ‘Большой неповоротливый, горбатый мужчина’ (РКТС).

Голубь: -я, м. ‘То же что голубчик. Ласковое и снисходительное обращение к собеседнику; вообще упоминание о том, кто близок или кому сочувствуют’ (разг.) (РСС). В двуязычном словаре -я, м. [как обращение] ‘Дорогой, ласковое обращение к мужчине или к животному’ (разг.) (РКТС).

Козёл: -зла, м. ‘Человек, сделавший другому что-то плохое, поступивший нечестно и т. д.’ (СОС). В двуязычном словаре: -зла, м. ‘«Лаогунян» – старый козёл, очень сильное бранное слово в отношении мужчины’ (РКТС).

В толковании двуязычного словаря зоосемизмы *верблюд, голубь, козёл* соотнесены с мужским биологическим полом, в то время как в русских словарях они характеризуют и мужчину, и женщину. Определения двуязычного словаря нуждаются в коррекции: замене маркера биологического пола ‘мужчина’ на маркер ‘человек’.

3. Зоосемизм относится к женскому грамматическому роду, называет

лиц мужского и женского биологического пола. В толковании это может отражаться через маркер *человек*. К этому типу относятся 39 зоосемизмов. Из них в 87,2 % случаев (34 из 39 зоосемизмов) в РКТС имеется точное соответствие. Это следующие зоосемизмы: *акула, амёба, букашка, ворона, гадюка, глиста, гнида, ехидна, жирафа, змея, каракатица, кляча, кобылка, козявка, ласточка, лошадь, мартышка, обезьяна, овечка, овца, пигалица, птица, рептилия, россомаха, рыба, свинья, собака, сова, сорока, стрекоза, сука, тварь, тля, щebetунья*.

Например, зоосемизм *сова*: -ы, ж. ‘Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, работоспособнее, чем утром’ (РСС). Для двуязычного словаря подобные случаи не представляют трудности, поскольку при переводе он ориентируется на маркер биологического пола: -ы, ж. ‘Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, полуночный кот’ (РКТС).

Большую сложность для двуязычного словаря составляют толкования без регулярного маркера биологического пола (7,7 %) типа *шавка*: -и, ж. ‘Пустой и злобный крикун’ (*прост., презр.*) (РСС). Двуязычный словарь даёт дословный перевод: ‘Злобный крикун’ (РКТС) и грамматическую помету *женский род*. Сема ‘крикун’ не ориентирует китайского пользователя в отношении биологического пола зоосемизма *шавка*, для него ориентиром в данном случае является указание на женский грамматический род. Аналогично могут быть интерпретированы зоосемизмы *ищейка* (с семами ‘сыщик, сыскной, шпион’), *пиявка* (с семами ‘вампир, паразит’).

На наш взгляд, при переводе таких зоосемизмов на китайский язык грамматической пометы женского рода недостаточно. Предпочтительно добавить маркеры для женского и мужского биологического пола.

Описание зоосемизмов *лиса / лисица, птичка* (5,1 %) в РКТС не следует указывать на биологический пол в русских словарях. Зоосемизм *птичка* в русском словаре соотнесен с мужчиной и женщиной. Но это не эксплицировано в маркерах *мужчина* или *человек*; на отнесение к женскому и мужскому биологическому полу указывает общеродовые местоимения *о том*

кто. Видимо, такое обозначение пола не понято в двуязычном словаре: в РКТС зоосемизм *птичка* относится только к женщине.

Птичка: -и, ж. перен., ‘Ласковое обращение к ребёнку, к женщине, вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности’ (разг.) (РСС).

Птичка: -и, ж. перен. ‘«Сяоняозэр» – маленькая птица, ласковое обращение к ребёнку, девушке и женщине’ (разг.) (РКТС).

Ещё два зоосемизма в двуязычном словаре представлены с грамматической пометой общего рода (м. и ж.), но в русских словарях они представлены как женский грамматический род (*лиса / лисица*).

Лиса / Лисица: -ы, ж. ‘Хитрый и льстивый человек’ (разг.) (РСС).

Лиса / Лисица: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О хитром, льстивом человеке’ (СОС).

Лиса / Лисица: м. и ж. ‘Хитрый, льстивый человек’ (РКТС).

Следовательно, в двуязычном словаре неадекватно отражены потенциальные синтаксические связи зоосемизмов *лиса / лисица*. Грамматическая помета м. и ж. не исключает атрибутивные и предикативные связи по мужскому роду типа: **Этот лиса / лисица обманул меня*. Русские словари здесь допускают согласование только по женскому роду, на что указывает грамматическая помета ж.

Непростой случай для двуязычного словаря представляют собой различающиеся по роду зоонимические номинации *скот – скотина, жираф – жирафа, гад – гадина, зверь – зверюга*. Например, зоосемизмы *жираф* и *жирафа* в русском словаре толкуются как синонимичные: *Жираф*: м. ‘О долговязом человеке’. *Жирафа*: ж. ‘см. Жираф’ (СОС). В двуязычном словаре *жираф*, м. или *жирафа*, ж.: ‘Долговязый человек’ (РКТС). Двуязычный словарь хотя и следует русским словарям, но для китаеязычного пользователя ложным ориентиром в значении биологического пола может стать помета грамматического рода. Чтобы такие однокоренные зоосемизмы получили более точные толкования, предпочтительно добавить пометы типа:

жс. относится к мужчине и женщине.

4. При зоосемизме имеется указание на общий грамматический род, грамматическая помета ‘м. и ж.’; в толкованиях русских словарей сведения о мужском и женском поле эксплицированы при помощи маркера ‘человек’.

В русских словарях с такой пометой отмечены 11 (из 136) зоосемизмов: *гадина, гнида, зверюга, каракатица, кляча, лошадь, малявка, прилипала / прилипало, притворяшка, скотина, ехидна*. Однако по результатам нашего исследования современного узуса зоосемизмы *лошадь, гнида, каракатица, кляча, ехидна* в НКРЯ только имеет женский синтаксический род (см. п. 3), то есть они должны быть отнесены к третьему способу представления рода и пола в русских словарях. Кроме того, зоосемизмы *лошадь* и *прилипало* не имеют характерной для слов общего рода флексии *-а*. Соответственно, они не рассматриваются в данном пункте.

При толковании зоосемизмов общего рода двуязычный словарь следует за русскими словарями, при этом биологический пол (относится к мужчине и женщине) обозначается через маркер *человек*. Например:

Зверюга: -и, м. и ж. ‘То же, что зверь, жестокий, свирепый, беспощадный человек’ (*прост., бран.*)(РСС).

Зверюга: -и, м. и ж. ‘О чрезвычайно жестоком, свирепом человеке’ (*разг.*)(СОС).

Зверюга: -и м. и ж. *перен.* ‘Жестокий, свирепый, беспощадный человек’ (*разг.*)(РКТС).

Только зоосемизм *гадина* в двуязычном словаре представлен как женский грамматический род. При этом значение толкуется при помощи сем *мерзавец, животное, скотина*, не ориентирующих китаеязычного пользователя в отношении биологического пола.

Гадина: -ы, м. и ж. *перен.* ‘Подлый, отвратительный, мерзкий человек’ (*прост. презр., также груб. бран.*)(РСС).

Гадина: -ы, ж. ‘Мерзавец, животное, скотина’ (*прост. бран.*)(РКТС).

По нашему мнению, в двуязычном словаре для зоосемизма *гадина*

предпочтительно добавить помету грамматическую общего рода (*м. и ж.*) и маркер мужского и женского биологического пола *человек*.

Кроме того, помета общего рода не ориентирует китаеязычного пользователя в особенностях синтаксических связей относящихся сюда слов: в вариантности атрибутивного и предикативного согласования при названиях лиц мужского пола, в отличие от названий лиц женского пола. Эту недостающую информацию могли бы восполнить иллюстрации из литературных текстов или образцы сочетаемости зоосемизмов типа: *Он настоящий зверюга, Он настоящая зверюга; Она настоящая зверюга.*

5. При словах женского грамматического рода на *-а* в СОС имеется особая помета для мужского и женского биологического пола: *также относится к муж. полу*. Например, зоосемизм *птица*: употр. также по отношению к мужскому полу. ‘О человеке, претендующем на особое положение среди других’ (СОС).

Эта помета сопровождает 20 зоосемизмов на *-а* и является вариантом третьего способа с маркером биологического пола *человек*.

Составители русского словаря исходят из того, что форма женского грамматического рода сама по себе информирует о женском биологическом поле зоосемизма и эта информация в экспликации не нуждается; они акцентируют внимание на возможности отнесения номинации к мужскому полу. Но иноязычного пользователя такой способ подачи информации может дезориентировать. РКТС избегает этой опасности. В двуязычном словаре приводится грамматическая помета *ж.* и толкования со словом *человек*, указывающим на мужской и женский пол.

Это мы наблюдаем при толковании следующих зоосемизмов: *акула, амёба, ворона, глиста, гнида, ехидна, змеёныш, ишак, ищейка, кляча, лиса / лисица, обезьяна, овечка, пиявка, рыба, свинья, скотина, собака, сорока, тля*. Все они получают точный перевод в РКТС.

Нам представляется такой выбор маркеров биологического пола в РКТС оправданным.

Таким образом, двуязычный русско-китайский словарь в основном адекватно отражает особенности грамматического рода и биологического пола русских зоосемизмов. Исследование выявило некоторые неточности в представлении рода и пола русских зоосемизмов в двуязычном словаре из-за отступлений от информации в русскоязычной лексикографии. Кроме того, выявлены частные проблемы двуязычной лексикографии, связанные с недостаточностью для китайоязычного пользователя той информации о роде и поле, которая имеется в русских словарях, с необходимостью ее унификации, конкретизации или экспликации.

3.5. Основные выводы

1. Подводя итоги обзору научной литературы о метафоре в России и в Китае, в качестве объединяющего их признака выделим то, что и в России, и в Китае представлены три этапа и три аспекта развития теории метафоры: стилистический, семантический и когнитивный. Эти этапы связаны с развитием философии и филологии, точнее, с изменениями научной парадигмы.

2. Такая разновидность метафоры, как зоосемизм, в китайском языкознании рассматривается с разных позиций: с позиции их функции в художественном тексте; в сопоставительном аспекте: сопоставление характеризующих признаков зоосемизмов в разных языках; в аспекте адекватности перевода зоосемизмов с одного языка на другой. На базе когнитивной теории метафоры китайские исследователи обсуждают проблемы овладения иностранными языками, анализируют зоо-номинации в сферах характеристики человека, прагматических и культурных функций метафоры в политическом дискурсе, в сфере социальных взаимоотношений и т. д.

Большинство научных работ посвящено сопоставительному анализу зоосемизмов английского и китайского языков. Русский зоосемический материал привлекается только в 16 исследованиях, что составляет около 5

процентов от общего количества научных работ данной проблематики. Среди них шесть магистерских диссертаций, одна кандидатская диссертация и девять публикаций в журналах.

Наши наблюдения показывают, что при описании русских зоосемизмов почти все китайские исследователи обращаются к фразеологическому материалу. Принципиального разграничения зоонима (название животного во фразеологизме) и зоосемизма (название человека) в работах не проводится. Можно сказать, что проблема разграничения зоонимов и зоосемизмов в китайском языкознании пока не обозначена.

3. Состояние современной китайской лексикологии и лексикографии отражают два основных толковых словаря – «Большой словарь китайского языка» (БСКЯ) и «Словарь современного китайского языка» (ССКЯ). Отталкиваясь от состава русского зоосемического материала, мы выявили 23 китайские зоо-номинации со значением 'признак человека', мотивированные теми же зоонимами, что и русские зоосемизмы. Мы обращались к китайским зоосемическим соответствиям в БСКЯ, учитывали примеры и пометы в ССКЯ, пытаясь получить более полное толкование выявленных зоосемизмов.

Сопоставление зоосемизмов показало, что общие зоо-номинации имеют разную степень эквивалентности: высокую степень эквивалентности (*барбос, животное, крыса, лиса, птица, свинья, скотина, собака, хамелеон, хищник*); среднюю степень эквивалентности (*ласточка, лис, медведь, пёс, поросё, тигрица*); низкую степень эквивалентности (*бык, дракон, змея, лошадь, обезьяна, овца, орёл, попугай*).

4. Русские и китайские зоосемизмы характеризуют человека по общим и разным категориальным признакам. У следующих зоосемизмов в русском языке набор этих признаков шире: *свинья, хищник, лошадь*. В китайском языке шире набор категориальных признаков у следующих зоосемизмов: *собака, птица, поросё*. Некоторые зоосемизмы в двух языках имеет противоположные характеристики: *дракон, змея, попугай, обезьяна, орёл*.

Различия по биологическому полу, свойственные зоонимам, у

зоосемизмов могут сопровождаться разными характеризующими значениями (например: *бык* – *корова*; *петух* – *курица*). Данные особенности ярко отражаются в русском языке. В китайском языке толкуются по-разному только зоосемизмы *лис* ('развратный и похотливый') и *лиса* ('хитрый и коварный'). При этом *лис* характеризуется как устарелое, в ССКЯ этот зоосемизм уже не зафиксирован.

Многие китайские зоосемизмы связаны с политической ситуацией древности (*лис*, *хамелеон*, *поросся*), с распространением конфуцианства, которое внесло заметный вклад в развитие китайского языка. Они отражают концептуальную специфику определённой эпохи, что не свойственно русскому зоосемическому материалу.

5. Диапазон стилистических и прагматических помет при китайских зоосемизмах уже, чем при соотносительных русских зоосемизмах. Стилистические пометы китайских зоосемизмов: *разг.*, *устар.*, *диал.*; стилистические пометы русских зоосемизмов: *разг.*, *прост.*, *устар.*, *нар.-поэт.*, *книжн.* Оценочные пометы китайских зоосемизмов: *бран.*, *ирон.*, *презр.*, *ласк.*; оценочные пометы русских зоосемизмов: *презр.*, *пренебр.*, *бран.*, *груб.*, *ирон.*, *ласк.*, *шутл.*, *насмеш.*

Треть китайских зоосемизмов (8 из 23) реализуют положительные или нейтральные оценки лица: *бык*, *дракон*, *змея*, *ласточка*, *обезьяна*, *овца*, *попугай*, *птица*; остальные две трети (16 из 23) зоосемизмов реализуют отрицательные оценки: *барбос*, *животное*, *крыса*, *лис*, *лиса*, *лошадь*, *медведь*, *орёл*, *пёс*, *поросся*, *скотина*, *свинья*, *собака*, *тигрица*, *хищник*, *хамелеон*. В русском языке соотносительные зоосемизмы окрашены более негативно: 3 из 23 русских зоосемизмов реализуют положительную или нейтральную оценку: *птица*, *орёл*, *ласточка*; остальные зоосемизмы негативно окрашены. Эти количественные характеристики отражают различия в оценочности китайской и русской зоонимической метафористики.

6. Среди источников изучения языка дополнительные возможности для исследователя содержат двуязычные толковые словари, которые отражают

также научные достижения лексикографии сопоставляемых языков. В практике научных исследований двуязычные словари используются как источник изучения лексической системы языков.

«Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» (РКТС) на 300 тысяч слов отражает восприятие русской лексики со стороны носителя другого языка и другой культуры. Это позволяет определить круг схождений в использовании зоосемизмов, выявить сферу специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык. Научный и практический интерес представляет также сопоставление разных методов в подходе к описанию лексического материала в русскоязычной и китаеязычной лексикографии.

7. Сопоставляя выявленные в русских словарях зоосемизмы с их отражением в РКТС, мы выделяем следующие группы: характеризующие значения русских зоосемизмов отражены в двуязычном словаре и в основном совпадают (53 зоосемизма); русские зоосемические значения отражены в двуязычном словаре, но их толкования в РКТС не совпадают (в той или иной степени) с толкованиями в русских словарях (83); в РКТС не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях (26).

Таким образом, сравнительно адекватное отражение характеризующих значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет менее трети от того зоосемического материала, который выявлен нами в русских толковых словарях. Эти количественные показатели характеризуют сложности с восприятием и описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

8. Способы лексикографического описания русского метафорического характеризующего значения в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны.

При переводе русского зоосемизма его характеризующее значение в двуязычном словаре преимущественно раскрывается описательно, как буквальный перевод на китайский язык толкования русского зоосемизма, без

обращения к китайскому зоосемическому соответствию. Так представлены 36 зоосемизмов, что составляет 67,3 % от общего числа зоосемизмов этой группы. При этом наблюдаются расхождения в толковании некоторых зоосемизмов. Толкования зоосемизмов *ёж*, *акула*, *жаворонок* имеют более обобщенный (расширительный) характер.

Единичные русские зоосемизмы переводятся китайскими зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением: *зверь* («цинъ шоу» – ‘птицы и звери’), *зверюга* («е шоу» – ‘дикий зверь’), *змееныш* («сяо ду-шэ» – ‘маленькая змея’), *тигрица* («му лао-ху» – ‘самка тигра’). Такой тип толкования свидетельствует о том, что в русской и китайской языковых культурах обнаруживается в целом близкое понимание некоторых зоосемизмов. Эти зоосемизмы имеют отдельные различия в характеризующих значениях.

В незначительной степени в двуязычном словаре отражён перевод русских зоосемизмов китайскими зоосемизмами, которые мотивированы другими зоонимами (с близким характеризующим значением). Например: *спрут* («да э» – ‘большой крокодил’), *сова* («е мао-цзы» – ‘ночной кот’), *одёр* («шоу хоу» – ‘худая обезьяна’), *медведь* («гоу сюн» – ‘собачий медведь’, одна из разновидностей семейства медведей, что не соответствует образности и коннотациям русского зоосемизма). Русскому зоосемизму может соответствовать китайское сравнение, метонимия или метафора с не зоонимическим образом. Это наблюдается при переводе зоосемизмов *кит* («тай чжу-цы» – ‘основная опора’, «динь лян-чжу» – ‘главная колонна’, «гу гань» – ‘диафиз’), *зайчик* («сяо хин-гань» – ‘маленькие сердце и печень’), *слизняк* («жуань гу-тоу» – ‘мягкая кость’), *обезьяна* («чжо па-гуай» – ‘некрасивое чудовище’), *пиявка* («си сюе-гуй» – ‘вампир’; «ци шэн-чун» – ‘паразит’), *ворона* («ма да-ха» – ‘имя героя комедийного представления’), *притворяшка* («вэй цюнь-ци» – ‘связано с историческим персонажем’), *быдло* («синь ши цоу чжоу» – ‘шагающий труп’).

Несовпадения в используемых образах отражают географические,

национальные особенности России и Китая, особенности исторического развития двух народов.

9. Путём сопоставления русских зоосемизмов и их переводов в РКТС выявлены 83 зоосемизма (что составляет 51 % от 162 зоосемизмов, имеющих в русских словарях), толкования которых в двуязычном словаре не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях.

Характер несоответствия отмечается разный: не соответствуют по характеризующим значениям (24); не соответствуют по характеризующим значениям и по пометам (18); соответствуют по характеризующим значениям, но не соответствуют по пометам (41).

Некоторые русские зоосемизмы имеют в двуязычном словаре дополнительные значения, источником которых являются: фразеологизмы (*барбос, бык, вороньё, гидра, гусыня, жук, крокодил, лев, львица, овца, собака*); молодежный сленг, профессиональный или блатной жаргон (*овца, конь*); контекстуальное употребление зоо-номинаций в художественной литературе (*клуша, козявка, корова, крыса, мелюзга, тварь*), значение которых иногда иллюстрируется неадекватно (*тварь*). Для некоторых дополнительных значений установить источник затруднительно (*волк, динозавр*). Таким образом, в двуязычном словаре совмещены зоосемические и зоонимические значения. Авторы двуязычного словаря ориентируются не только на русский литературный язык, но также на русский народный язык.

Метафорическое значение многих зоосемизмов, напротив, представлено более узким набором характеризующих признаков.

Расхождения в пометах между русскими словарями, с одной стороны, и двуязычным русско-китайским словарем, с другой стороны, неоднотипны. РКТС не следует пометам в русских словарях, приведены другие пометы при следующих зоосемизмах: *кобра, кобыла / кобылица, кукушка, паразит, паразитка, тля, червяк, шилохвостка*. При зоосемизмах *бугай, кобель, коза, росомаха, сокол* в двуязычном словаре, кроме помет в русских словарях, имеются дополнительные пометы. При следующих зоосемизмах в

двуязычном словаре отсутствуют отдельные пометы: *гусь, животное, клоп, скорпион, скот, скотина, ублюдок*. Пометы в РКТС соответствуют пометам СОС, но уже перечня помет, имеющих при зоосемизмах в РСС: *аспид, Фролоборов, гад, гадина, гадюка, глиста, гнида, ехидна, змея, каракатица, легавый, осёл, паук, поросёнок, рыба, свинья, сука, тюлень, хамелеон*. При той вариантности помет, которую наблюдаем в русских словарях, практически соотносительными можно считать пометы при зоосемизмах *кабан* (*прост. пренебр.* и *прост. презр.*) и *жеребец* (*прост. ирон.* и *прост. шутл.*). В целом система стилистических помет в РКТС менее детализирована по сравнению с русскими словарями. Пометы при многих зоосемизмах не соответствуют пометам в русских словарях.

10. В двуязычном словаре не отражены в основном те зоосемизмы, которые выявлены только в одном из русских словарей – только в РСС или только в СОС. Исключения в этом отношении составляют только зоосемизмы *жаба* и *стадо*. Их зоосемические значения отражены в обоих русских словарях, но в РКТС они не попали. Следовательно, РКТС отчасти отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей. Определенную роль могло сыграть также отсутствие аналогичных явлений в китайском языке, например, отсутствие уменьшительных номинаций типа *котенок, киса, киска*. Кроме того, зоосемизмы с признаками женского пола (например: *кобылица, телка*) переводятся на китайский язык двумя словами. Мы надеемся, что наши наблюдения помогут восполнить отмеченные лакуны в двуязычной лексикографии.

11. РКТС следует грамматическим пометам русскоязычных словарей, а также следует за маркерами биологического пола, принятыми в русскоязычной лексикографии. В основном двуязычный словарь адекватно отражает особенности грамматического рода и биологического пола русских зоосемизмов. Несоответствия в разных группах отражаются в описании от 5 до 12 % зоосемизмов. Так, словарные толкования зоосемизмов *гидра, квочка*

в двуязычном словаре нуждаются в помете типа «обычно относится к женщине»; зоосемизм *кобылка* может быть дополнен вторым значением с указанием на женский биологический пол. Определения двуязычного словаря нуждаются в замене маркера биологического пола ‘мужчина’ на маркер ‘человек’ у зоосемизмов *верблюд, голубь, козёл*.

Определенную сложность для двуязычного словаря представляют толкования русских толковых словарей без регулярного маркера биологического пола: типа ‘крикун’ при зоосемизме *шавка*; ‘сыщик, сыскной, шпион’ (*ищейка*); ‘вампир, паразит’ (*пиявка*); ‘мерзавец, животное, скотина’ (*гадина*); местоимения *тот кто (птичка)*. Такие способы толкования не ориентируют китаеязычного пользователя в отношении биологического пола зоосемизма. Ложным ориентиром в отношении биологического пола в данном случае является указание на женский грамматический род. На наш взгляд, при переводе таких зоосемизмов на китайский язык грамматической пометы женского рода недостаточно. Предпочтительно добавить маркеры для женского и мужского биологического пола также для зоосемизмов *жираф – жирафа, гад – гадина, зверь – зверюга*.

Кроме того, помета общего рода не ориентирует китаеязычного пользователя в особенностях синтаксических связей относящихся сюда слов: в вариантности атрибутивного и предикативного согласования при названиях лиц мужского пола, в отличие от названий лиц женского пола. Эту недостающую информацию могли бы восполнить иллюстрации из литературных текстов или образцы сочетаемости зоосемизмов типа: *Он настоящий зверюга, Он настоящая зверюга; Она настоящая зверюга*.

Таким образом, эти частные проблемы двуязычной лексикографии связаны с недостаточностью для китаеязычного пользователя той информации о роде и поле, которая имеется в русских словарях, с необходимостью ее унификации, конкретизации или экспликации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Понимание терминов *зооним* и *зоосемизм* в научной литературе варьируется, здесь наблюдается синонимия, неоднозначность терминов и омонимия. Границу между прямыми и переносными значениями зоономинаций проводят по-разному. В частности, к метафорическим значениям относят характеризующие значения зоонимов во фразеологизмах. Русская зоосемическая проблематика исследуется преимущественно на материале фразеологических единиц (зоонимов) и в сопоставительном аспекте. Специальных работ, посвященных системному описанию русских зоометафор, не имеется. Данные наблюдения подтверждают актуальность системного исследования зоосемизмов – вторичных названий лиц, мотивированных названиями животных (зоонимами).

2. Зоосемизмы представляют собой особые номинативные единицы, исходя из следующих их отличий от мотивирующих их зоонимов: денотатом зоосемизма является человек; зоосемизмам свойственны характеризующие признаки; для зоосемизмов характерны экспрессивная и прагматическая функция (оценочность); зоосемизмы в речи преимущественно стилистически маркированы; зоосемизмы могут различаться грамматическими свойствами (по отношению к категории рода и числа).

Мы разграничиваем метафорические значения (зоосемизмы) и зоонимические значения зоономинаций в составе фразеологических единиц (в том числе сравнений), исходя из следующих их различий: денотатом зоосемизма является человек, во фразеологии денотатом является животное; лексический состав зоонимов во фразеологизмах и зоосемизмов существенно различается; у большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое зоосемическое значение; зоосемизмы большей частью образованы от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов; характеризующие признаки зоосемизма, как правило, устойчивы, они уже совокупности

характеризующих фразеологических значений зоонима; зоонимы во фразеологии и зоосемизмы имеют регулярные различия по характеризующим признакам, эти признаки могут даже противоречить друг другу.

Выявленные регулярные отличия зоосемизмов от мотивирующих их зоонимов, с одной стороны, и отличия от зоо-номинаций в составе фразеологических единиц, с другой стороны, характеризуют зоосемизмы как особые номинативные единицы и особый объект научного исследования.

3. Исследование подтвердило, что зоосемизмы являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации. Методом сплошной выборки материала в русских толковых словарях нами выявлено 162 зоосемизма со значением 'Лицо, человек'.

Установлены существенные расхождения в лексическом составе зоосемизмов между двумя основными словарями - «Русским семантическим словарем» и «Словарем обидных слов: наименования лиц с негативным значением» Л.В. Дуличенко. Состав зоосемизмов в базовых русских словарях совпадает на 44,4 % (72 зоосемизма); 41 зоосемизм зафиксирован только в РСС (25,3 %); 49 зоосемизмов зафиксированы только в словаре СОС (30,2 %). Расхождения в составе лексического подкласса зоосемизмов отчасти связаны с лексикографическими принципами базовых словарей, отчасти отражают субъективность лексикографических решений при описании переносных значений. Этот факт выявляет сферу недостаточной изученности зоосемической проблематики.

4. Выявлены выразительные различия между словарями в описании характеризующих признаков вторичных номинаций. Только 26 из 72 общих зоосемизмов (36 %) представлены в обоих словарях с одними и теми же характеризующими признаками. Почти две трети зоосемизмов различаются по описанию или составу характеризующих признаков. Преимущественно это близкие характеризующие признаки, но названные по-разному (25 зоосемизмов из 72, что составляет 35 %): *аспид, бугай, ворона, вьюн, гадина, гадюка, гусь, зверь, зверюга, змеёныш, змея, клоп, кляча, крокодил, паук,*

птица, рыба, скотина, слизняк, собака, сорока, тля, тюлень, ублюдок, червяк. У 12 зоосемизмов (17 %) характеризующие значения зоосемизмов в двух словарях совпадают только частично: *бирюк, быдло, выдра, гнида, зубр, клуша, медведь, обезьяна, петух, прилипала/прилипало, свинья, хищник.* При этом толкования в СОС преимущественно более детальные, а в РСС более обобщенные. Выявлены также зоосемизмы, которые характеризуют человека по различающимся признакам (9 зоосемизмов – 12,5 %): *амёба, жаба, ишак, кукушка, лошадь, львица, мартышка, мастодонт, пиявка.*

Отличительные характеризующие признаки каждого из словарей подтверждаются, как правило, материалами НКРЯ. В целом можно констатировать, что толкования двух словарей соответствуют узусу и дополняют друг друга.

5. Словари подтверждают стилистическую окрашенность метафорических значений. Зоосемизмы регулярно сопровождаются стилистическими пометами: *разг., прост., устар., нар.-поэт., книжн.* Большинство зоосемизмов характеризуются как сниженные - разговорные (41,7 %) или просторечные (33,5 %). Как стилистически нейтральные (без особой стилистической пометы) в обоих словарях представлены 24,7 % зоосемизмов.

Расхождения между словарями в отношении употребления помет *разг.* и *прост.* не отражают определенной тенденции. С одной стороны, как более сниженные характеризуются некоторые зоосемизмы в СОС: здесь имеется помета просторечное при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное: *гадюка, кляча, козьявка, мартышка,* а также при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное и просторечное: *каракатица, прилипала / прилипало.* С другой стороны, в СОС помечены как разговорное зоосемизмы, которые имеют в РСС помету просторечное: *гусь, зверюга, ищейка.* Немаловажную роль в этих расхождениях могут играть объективные факторы, в частности, диффузность самих стилистических характеристик.

6. На материале словарей находит подтверждение высокий

прагматический потенциал зоосемизмов. Обращает на себя внимание тот факт, что зоосемизмы характеризуют человека преимущественно отрицательно. Маркерами отрицательной оценки (оценочными пометами или оценочными компонентами в толковании) в РСС сопровождаются 92 зоосемизма из 113 (81,4 %). Объектом описания в СОС являются «обидные слова», то есть названия лиц с негативной оценкой. Зоосемизмы в СОС почти всегда сопровождаются маркерами отрицательной оценки (116 зоосемизмов, что составляет 96 %). В толковании некоторых зоосемизмов в СОС отрицательно оценочные компоненты сочетаются с нейтральными, например, *коза, овечка, пава*. Почти у половины зоосемизмов оценочность выражена только в оценочных компонентах толкования, без оценочных помет. Так, не имеют оценочных помет в обоих словарях 77 зоосемизмов (47,5 %).

7. Исследование выявило противоречия и лакуны в лексикографическом описании зоосемизмов по признакам грамматического рода и биологического пола. При зоосемизмах имеются традиционные грамматические пометы, указывающие на грамматический род: *м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *м.* и *ж.* – общий род. Помета общего рода *м.* и *ж.* в лексикографии используется при названиях лиц; при этом она указывает одновременно на отнесенность номинации к лицам мужского и женского биологического пола. Однако при зоосемизмах в применении пометы *м.* и *ж.* наблюдается непоследовательность. Например, в РСС *лошадь* представляется как женский грамматический род; в СОС – с пометами *м.* и *ж.*, как общий грамматический род или как указание на мужской и женский биологический пол. В РСС помета *м.* и *ж.* отнесена не только к женскому морфологическому подю *прилипала*, но и к среднему морфологическому роду *прилипало*; последнее не соответствует традиционному пониманию общего рода. Видимо, помету *м.* и *ж.* при зоосемизме *прилипало* следует рассматривать как указание на биологический пол.

Расхождения между двумя словарями касаются в основном

грамматической характеристики ряда зоосемизмов на *-а*. Следующие зоосемизмы представлены в РСС как слова общего рода и сопровождаются грамматической пометой *м.* и *ж.*, а в СОС как слова женского рода и сопровождаются грамматической пометой *ж.*: *гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка, скотина*.

Синтаксические свойства зоосемизмов общего рода – способность иметь при себе согласуемые слова как по женскому, так и по мужскому роду – в словарях остаются не описанными. Только в исключительных случаях толковые словари выявляют возможность согласования по мужскому роду (при названиях лиц мужского пола на *-а*) в иллюстративном материале, например: *От этого прилипалы не отвяжешься!* (РСС).

Для зоосемизмов актуальна регулярная информация о биологическом поле. Способы ее представления в словарях не формализованы и недостаточно унифицированы. Для указания на биологический пола зоосемизма используются следующие маркеры: *мужчина, юноша, мальчик* – мужской пол; *женщина, дама, девочка* – женский пол; *человек, тот кто*, название лица по характеризующему признаку (*хитрец*) – мужской и женский пол. Отношения между грамматическим родом и биологическим полом описываются не единообразно.

Довольно спорный способ описания представлен в СОС: при словах женского грамматического рода на *-а* (например, зоосемизм *акула*) имеется указание: «также относится к муж. полу». При этом способе грамматическая родовая помета *ж.* функционирует одновременно и как маркер женского биологического пола. Такое употребление пометы *ж.* является отступлением от общей лексикографической традиции разделять грамматическую информацию о роде и информацию о биологическом поле и, по крайней мере, нуждается в особой оговорке.

В характеристиках грамматического рода и биологического пола зоосемизмов между русскими толковыми словарями выявляются различия. Зоосемизмы на *-а* *гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка,*

скотина РСС характеризует как слова общего рода, на что указывает помета *м.* и *ж.* В СОС они охарактеризованы как слова женского грамматического рода с помощью пометы *ж.* Исследованные материалы НКРЯ подтверждают женский грамматический род зоосемизмов *гнида, ехидна, каракатица, кляча*; подтверждают общий грамматический род зоосемизмов *гадина, малявка, скотина*.

Между двумя русскими словарями имеются расхождения при обозначении биологического пола зоосемизмов: *гадюка, крокодил, мартышка*. На основе материалов НКРЯ подтверждается отнесение их к мужскому и к женскому биологическому полу, как это представлено РСС.

8. Подводя итоги обзору научной литературы о метафоре в России и в Китае, в качестве объединяющего их признака выделим то, что и в России, и в Китае представлены три этапа и три аспекта развития теории метафоры: стилистический, семантический и когнитивный. Эти этапы связаны с развитием философии и филологии, точнее, с изменениями научной парадигмы.

В китайской лексикологии большинство научных работ посвящено сопоставительному анализу зоо-номинаций английского и китайского языков. Русский зоосемический материал привлекается только в немногих исследованиях (около 5 % от общего количества научных работ данной проблематики), при этом исследования осуществлены преимущественно на фразеологическом материале, а не на материале зоосемизмов. Проблема разграничения зоонимов и зоосемизмов в китайском языкознании пока не обозначена.

9. Обращение к китайской толковой лексикографии позволило увидеть национально-культурную специфику русского зоосемического материала. В русской лексике метафоризация является важным способом создания новых слов. Многие метафорические характеристики человека на основе зоонимов не представлены в китайском языке, и эти вторичные наименования человека составляют одну из особенностей русского языка на фоне китайского.

В китайских толковых словарях выявлены 23 зоо-номинации со значением 'признак человека', мотивированные теми же зоонимами, что и русские зоосемизмы (14 % от русского зоосемического материала). При этом общие зоо-номинации имеют разную степень эквивалентности. У китайских зоосемизмов наблюдается более широкий набор общих категориальных признаков или более узкий; некоторые зоосемизмы в двух языках имеют противоположные характеристики: *дракон, змея, попугай, обезьяна, орёл*. Многие китайские зоосемизмы отражают концептуальную специфику древней эпохи, что не свойственно русскому зоосемическому материалу. Диапазон стилистических и прагматических помет при китайских зоосемизмах уже, чем при соотносительных русских зоосемизмах.

Треть китайских зоосемизмов (8 из 23) реализуют положительные или нейтральные оценки лица; в русском языке соотносительные зоосемизмы окрашены более негативно: 3 из 23 русских зоосемизмов реализуют положительную или нейтральную оценку, остальные зоосемизмы (87 %) негативно окрашены. Эти количественные характеристики отражают различия в оценочности китайской и русской зоонимической метафористики.

10. Среди источников изучения языка дополнительные возможности для исследователя содержат двуязычные толковые словари, которые отражают также научные достижения лексикографии сопоставляемых языков.

«Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» (РКТС) на 300 тысяч слов отражает восприятие русской лексики со стороны носителя другого языка и другой культуры. Это позволило определить круг схождений в использовании зоосемизмов, выявить сферу специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык.

Изучение русского словарного материала, как он представлен в китайской двуязычной лексикографии, показало, что некоторые особенности этого представления могут быть связаны с разными подходами к данной языковой проблеме в русскоязычной и китаеязычной лексикографии. В

частности, в лексикографической практике китайского языка не проводится последовательного разграничения метафорических и фразеологических значений. Это затрудняет сопоставление русского и китайского зоосемического материала.

11. Сравнительно адекватное отражение характеризующих значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет менее трети от того зоосемического материала, который выявлен нами в русских толковых словарях (53 зоосемизма из 162 – 32,7 %); у шестой части русских зоосемизмов не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях (у 26 из 162 – 16 %); толкования в двуязычном словаре в той или иной степени не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях у половины русских зоосемизмов (у 83 из 162 – 51,2 %). Эти количественные показатели отражают сложности с описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

Способы лексикографического описания русского метафорического характеризующего значения в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны. Показательно, что при переводе русского зоосемизма его характеризующее значение в двуязычном словаре преимущественно раскрывается описательно, как буквальный перевод на китайский язык толкования русского зоосемизма, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию.

Единичные русские зоосемизмы переводятся китайскими зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением: *зверь* («цинъ шоу» – ‘птицы и звери’), *зверюга* («е шоу» – ‘дикий зверь’), *змееныш* («сяо ду-шэ» – ‘маленькая змея’), *тигрица* («му лао-ху» – ‘самка тигра’). Такой тип толкования свидетельствует о том, что в русской и китайской языковых культурах обнаруживается в целом близкое понимание некоторых зоосемизмов.

В незначительной степени в двуязычном словаре отражён перевод русских зоосемизмов китайскими зоосемизмами, которые мотивированы

другими зоонимами (с близким характеризующим значением). Например, *спрут* в двуязычном словаре переведен как «Да э» – *досл.* ‘большой крокодил, чьи злобные и вредоносные планы и поступки, вредная деятельность тайно проникают всюду, охватывают многих людей’ [РКТС: 6165]. *Сова* – «е мао-цзы» – *досл.* ‘ночной кот’ [РКТС: 6026]. В китайском языке зооним *сова* означает дословно ‘ястреб с головой кота’. Так что в основе сближения русского зоосемизма *сова* и китайского *е мао-цзы* (‘ночной кот’) лежит образ одного и того же ночного животного – совы.

Русскому зоосемизму может соответствовать китайское сравнение, метонимия или метафора с не зоонимическим образом. Это наблюдается при переводе зоосемизмов *кит* («тай чжу-цы» – ‘основная опора’, «динь лян-чжу» – ‘главная колонна’, «гу гань» – ‘диафиз’), *зайчик* («сяо хин-гань» – ‘маленькие сердце и печень’), *слизняк* («жуань гу-тоу» – ‘мягкая кость’), *обезьяна* («чжо па-гуай» – ‘некрасивое чудовище’), *пиявка* («си сюе-гуй» – ‘вампир’; «ци шэн-чун» – ‘паразит’), *ворона* («ма да-ха» – ‘имя героя комедийного представления’), *притворяшка* («вэй цюнь-ци» – ‘связано с историческим персонажем’), *быдло* («синь ши цоу чжоу» – ‘шагающий труп’). Несовпадения в используемых образах отражают географические, национальные особенности России и Китая, особенности исторического развития двух народов.

Некоторые русские зоосемизмы имеют в двуязычном словаре дополнительные значения, источником которых являются русские фразеологизмы, молодежный сленг, профессиональный или блатной жаргон, контекстуальное употребление зоо-номинаций в художественной литературе, значение которых в двуязычном словаре иногда иллюстрируется неадекватно. Для некоторых дополнительных значений установить источник затруднительно. Таким образом, в двуязычном словаре совмещены зоосемические и зоонимические значения. Авторы двуязычного словаря ориентируются не только на русский литературный язык, но также на русский народный язык. Метафорическое значение многих зоосемизмов,

напротив, представлено более узким набором характеризующих признаков.

Система стилистических помет в РКТС менее детализирована по сравнению с русскими словарями. Пометы при многих зоосемизмах не соответствуют пометам в русских словарях. Это отчасти объясняется вариантностью стилистических помет в русских толковых словарях.

В двуязычном словаре не отражены в основном те зоосемизмы, которые выявлены только в одном из русских словарей – только в РСС или только в СОС. Следовательно, двуязычный словарь отчасти отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей.

12. РКТС следует грамматическим пометам русскоязычных словарей, а также следует за маркерами биологического пола, принятыми в русскоязычной лексикографии. В основном двуязычный словарь адекватно отражает особенности грамматического рода и биологического пола русских зоосемизмов. Несоответствия в разных группах отражаются в описании от 5 до 12 % зоосемизмов. Так, словарные толкования зоосемизмов *гидра*, *квочка* в двуязычном словаре нуждаются в помете типа «обычно относится к женщине»; зоосемизм *кобылка* может быть дополнен вторым значением с указанием на женский биологический пол. Определения двуязычного словаря нуждаются в замене маркера биологического пола ‘мужчина’ (относится только к мужскому полу) на маркер ‘человек’ (относится к мужчине и женщине) у зоосемизмов *верблюд*, *голубь*, *козёл*.

Определенную сложность для двуязычного словаря представляют толкования русских словарей без регулярного маркера биологического пола: типа ‘крикун’ при зоосемизме *шавка*; ‘сыщик, сыскной, шпион’ (*ищейка*); ‘вампир, паразит’ (*пиявка*); ‘мерзавец, животное, скотина’ (*гадина*); местоимения *тот кто* (*птичка*). Такие способы толкования не ориентируют китаеязычного пользователя в отношении биологического пола зоосемизма. Ложным ориентиром в отношении биологического пола в данном случае является указание на женский грамматический род. На наш взгляд, при

переводе таких зоосемизмов на китайский язык грамматической пометы женского рода недостаточно. Предпочтительно добавить маркеры для женского и мужского биологического пола также для зоосемизмов *жираф – жирафа, гад – гадина, зверь – зверюга*.

Кроме того, помета общего рода не ориентирует китаеязычного пользователя в особенностях синтаксических связей относящихся сюда слов: в вариантности атрибутивного и предикативного согласования при названиях лиц мужского пола, в отличие от названий лиц женского пола. Эту недостающую информацию могли бы восполнить иллюстрации из литературных текстов или образцы сочетаемости зоосемизмов типа: *Он настоящий зверюга, Он настоящая зверюга; Она настоящая зверюга*.

Таким образом, частные проблемы двуязычной лексикографии, связанные с вариативностью лексикографических способов описания или с недостаточностью для иноязычного пользователя той информации, которая имеется в русских словарях, с необходимостью ее унификации, конкретизации или экспликации, очерчивают перспективы дальнейшей разработки зоосемической проблематики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Статьи и монографии

1. Алексеева 2010 – *Алексеева Ш. А.* Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 2010. 22 с.
2. Антонова 2010 – *Антонова А. Б.* Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта DRINKING // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 4, 2010. С. 149–155.
3. Апресян 1974 – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. 472 с.
4. Апресян 1995 – *Апресян Ю. Д.* Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект Избранные труды Т. 2.: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С 157-163.
5. Аристотель 2000 – *Аристотель* Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
6. Арутюнова 1979 – *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. С. 147–173.
7. Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
8. Арутюнова 1997 – *Арутюнова Н. Д.* Метафора // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. – М., 1997. С. 233-236
9. Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
10. Балакай 1992 – *Балакай А. Г.* Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. – Новокузнецк: Кузбассвузиздат, 1992. 78 с.
11. Баранов 2003 – *Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. №.2. С.73–95.

12. Баранов 2014 – *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
13. Баранов, Добровольский 2009 – *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, 2009. №6. С. 21–34.
14. Баранов, Караулов 1991 – *А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: ИРЯ, 1991. 193 с.
15. Битокова 1996 – *Битокова С.Х.* Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира. Проблемное описание и преподавание романо-германских языков. – Нальчик: Кабардино–Балкарский государственный университет. 1996; № 2. С. 24-30.
16. Блэк 1990 – *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. С.153–172.
17. Бовсуновская 2009 – *Бовсуновская А.И.* Двухязычные словари как источник истории русского литературного языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151, кн. 3. Гуманитарные науки, 2009. С. 215–221.
18. Болгова 2021 – *Болгова Е.В.* Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2021. 18 с.
19. Ван Ли 2013 – *Ван Ли* История китайской лексикологии. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2013. 320 с. 王力, 汉语词汇史, 中华书局, 北京 2013, 共 320 页
20. Ван Сюе-фэй 2004 – *Ван Сюе-фэй.* Сопоставительный анализ зоонимических метафор в русском и китайском языках: магистерская дис. – Харбин, 2011. 51 с. 王雪飞 俄汉表动物词语隐喻义对比分析. 哈尔滨, 2011. 共 51 页.
21. Васькова 2006 – *Васькова О. А.* Гендер как предмет

лексикографического описания (на материале фразеологии): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2006. 21 с.

22. Вежбицкая 1990 – *Вежбицкая А.* Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. С. 133–152.

23. Виноградов 1953 – *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3 - 29.

24. Виноградов 1976 – *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. Сборник работ. Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. – М.: Наука, 1976. 512 с.

25. Виноградов 1977 – *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1997. 310 с.

26. Вольф 1985 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки Текст. М.: Наука, 1985. 230 с.

27. Вольф 1988 – *Вольф, Е. М.* Метафора и оценка Текст // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. С. 52–65.

28. Гаврилюк 2013 – *Гаврилюк М. А.* Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник ТПГУ. 2013. №10. С.136–140.

29. Гаврилюк 2015 – *Гаврилюк М. А.* Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира // Вестник МГЛУ. 2015, № 2. С. 109–119.

30. Гак 1966 – *Гак В. Г.* Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1966. 351 с.

31. Гак 1972 – *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. – М.: Изд. Московского университета, 1972. С. 144–157.

32. Гак 1977 – *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. 360 с.

33. Гак 1988 – *Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. 174 с.
34. Галимова 2004 – *Галимова О. В.* Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2004. 22 с.
35. Грамматика 1960 – Грамматика русского языка Т. 1. Под. ред. В. В. Виноградова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. 719 с.
36. Григорьева, Туран 2016 – *Григорьева О. Н., Туран П.* Гендерный аспект именования человека по его отношению к собственной внешности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М. 2016, № 4. С. 154–162.
37. Гукетлова 2009 – *Гукетлова Ф. Н.* Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смыслоразличительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009, № 2. С.121–125.
38. Добровольский 2004 – *Добровольский Д. О.* Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 77–88.
39. Дорогайкина, Игнатьева 2019 – *Дорогайкина Е. М., Игнатьева Т. Г.* Зоономинативы как объект лингвистического исследования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5. С. 53–66.
40. Дубичинский 1998 – *Дубичинский В.В.* Теоретическая и практическая лексикография. – Вена – Харьков, 1998. 160 с.
41. Дэвидсон 1990 – *Дэвидсон Д.* Что означает метафоры // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С.173–192.
42. Дяо Янь-бинь 2013 – *Дяо Янь-бинь* Исследование современной лексикологии китайского языка. Пекин: Изд. Академия общественных наук, 2013. 237 с. 刁晏斌, 当代汉语词汇研究—北京: 中国社会科学出版社, 2013.

共 237 页

43. Жуань Цзин-жун 1994 – Жуань Цзин-жун Кодификация «Большого китайского словаря». Создание филологии. Вып. № 9. 1994. С. 14–16. 阮锦荣, 《汉语大词典》的编纂, 文建设, 1994, 第 9 期, 第 14–16 页

44. Зализняк 2002 – *Зализняк А. А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: "Языки славянской культуры", 2002. 752 с.

45. Земская 1973 – *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. 485 с.

46. Карташкова, Куражева, Егорова 2009 – *Карташкова Ф. И., Куражева И. В. Егорова А. В.* Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2009. 152 с.

47. Кацитадзе 1985 – *Кацитадзе Э. А.* Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тбилиси, 1985. 19 с.

48. Киприянова 1998 – *Киприянова А. А.* Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М., 1998. С. 330–332.

49. Киприянова 1999 – *Киприянова А.А.* Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): Автореф. дис. ...канд. наук. – Краснодар, 1999. 23 с.

50. Кирилина 1999 – *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН. 1999. 189 с.

51. Кобозева 2019 – *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика // Учебник. Изд. Стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

52. Колесникова 2016 – *Колесникова С. М.* Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность. – М. МПГУ, 2016. 288 с.

53. Колотнина 2001 – *Колотнина Е. В.* Метафорическая модель

«Субъекты экономической деятельности – это животные» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 6. – Екатеринбург, 2001. С. 17–22.

54. Кузнецов 2014 – *Кузнецов И. Н.* Риторика. Учебное пособие. 6-е изд. – М.: Дашков и К°, 2014. 560 с.

55. Курбанов 2000 – *Курбанов И. А.* Анализ зоосимволики в русском и английском языках: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2000. 437 с.

56. Лакофф, Джордж 2004 – *Лакофф, Джордж.* Метафоры, которыми мы живём; пер. с англ. А.Н.Баранова и А.В. Морозовой; под ред. А.Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004. 252 с.

57. Лань Чунь 2005 – *Лань Чунь.* Изучение когнитивной лингвистики и метафоры. – Пекин. Изд. преподавание и изучение иностранного языка, 2005. 223 с. 蓝纯. 认知语言学与隐喻研究、 外语教学与研究出版社, 2005, 共 223 页

58. Леонова, Самарин 2017 – *Леонова Т. В., Самарин А. В.* Проблема прагматической направленности при изучении фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017, № 4. С. 26–29.

59. Ли Имо 2020а – *Ли Имо.* Зоосемизмы в русской и китайской лексикографии: род и пол // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 2020, № 5. С. 289–295.

60. Ли Имо 2020б – *Ли Имо.* Лексикографические особенности русских зоосемизмов на фоне китайского языка // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 2020, № 4. С. 417–420.

61. Ли Имо 2020в – *Ли Имо.* Русские зоосемизмы в зеркале русско-китайского словаря // Вестник ПермГУ, 2020, № 3. С. 49–58.

62. Ли Имо 2021 – *Ли Имо.* Зоосемизмы и зоонимы в составе фразеологических единиц // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки, 2021, № 3/2. С. 137–143.

63. Ли Цзинь-си 1935 – *Ли Цзинь-си.* Сравнение и поэтическое

вдохновение в стилистике. Коммерческий пресс, 1935. 110 с. 黎锦熙, 修辞学比兴, 商务印书馆, 1935 年. 共 110 页

64. Ли Чжи-циян 1999 – *Ли Чжи-циян*. Исследование о пометах филологического словаря // Развитие филологии. Пекин, 1999. Вып. № 5. С. 27–29 //李志江, 关于语文辞书词性标注的探讨, 语文建设, 1999, 第 5 期, 第 27–29 页

65. Линь Шу-ву 1997 – *Линь Шу-ву*. Обзор анализа метафоры зарубежом // Преподавание и изучение иностранного языка, 1997, № 1. С. 14–22. 林书武 国外隐喻研究综述, 外语教学与研究, 1997 (01)第 14–22 页。

66. Литвин 2015 – *Литвин Ф. А.* Общее и национально-специфическое в семантике и функционировании зоонимов-характеристик (на материале параллельных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2015, № 2. С. 105–112.

67. Ло Чжу-фэн 1986 – *Ло Чжу-фэн*. Достижение и программа – выход первого тома Большого словаря китайского языка, 1986. С. 1–7. 罗竹风, 回顾与展望—记《汉语大词典》首卷出版, 第 1–7 页

68. Лю Се 501 н. э. – *Лю Се*. Монография о теории литературы: Сравнение. Сайт древних китайских литератур [Электронный ресурс] // 刘勰, 文心雕龙·比兴, 古诗文网 URL: https://so.gushiwen.org/guwen/bookv_4051.aspx (Дата обращения:12.12. 2019).

69. Лю Цзи-янь 2010 – *Лю Цзи-янь* Исследование новых лексических групп китайского языка. – Шанхай: Изд. «Хюе Линь», 2010. 228 с. 刘吉艳, 汉语新词群研究, 上海: 学林出版社, 2010. 共 228 页

70. Лясота 1984 –Английская зоосемия: учеб. пособие / Ю.А. Лясота.. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1984. 116 с.

71. МакКормак 1990 – *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. С. 358–386.

72. Марудова 2015 – *Марудова А.С.* К вопросу о содержании термина «зооним» // Сборник статей и тезисов IX Междунар. науч.-практ. конф.,

Минск, 2015. С.103–107.

73. Маслов 2013 – *Маслов А. С.* Использование индекса инвективности при характеристике зоометафоры в современном русском языке // Научные ведомости БелГУ. Серия гуманитарные науки. 2013, № 13. С. 51– 58.

74. Махова 1999 – *Махова И. Н.* Анимализация человека в коллоквиальной лексике современного немецкого языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 02.09.2020): Дис. канд. филол. наук. – Пятигорск, 1999. 199 с.

75. Мельчук 1999 – *Мельчук И. Н.* Опыт теории лингвистических моделей Смысл–Текст. – М.: Школа Языки русской культуры, 1999. 346 с.

76. Минеева 2014 – *Минеева З. И.* Полисемия в русских зоотропах // Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014, № 3, С. 328–338.

77. Мокиенко 2001 – *Мокиенко В. М.* Из сокровищницы русской речи (народные устойчивые сравнения с названиями животных) // Мир русского слова, 2001. № 4. С. 40–46.

78. Молотков 1977 – *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. АН СССР, Ин-т рус. яз. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 283 с.

79. Москвин 2002 – *Москвин В. П.* Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2002, № 2. С. 66–74.

80. Москвин 2006 – *Москвин В. П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.

81. Мусси 2017 – *Мусси В.* Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты // Вестник Томского государственного университета. 2017, № 419. С. 45–53.

82. Никитин 2003 – *Никитин О. В.* Л.В. Дуличенко. Словарь обидных слов // Русская речь. Вып. № 4. М., 2003. С. 124–127.

83. Огдонова 2000 – *Огдонова Ц. Ц.* Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. 21 с.

84. Ортони 1990 – *Ортони Э.* Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. С. 213–235.

85. Падучева 2004а – *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языка славянской культуры, 2004. 608 с.

86. Падучева 2004б – *Падучева Е. В.* Метафора и её родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.187–230.

87. Пань Гуо-минь 1998 – *Пань Гуо-минь.* Основы составления большого двуязычного словаря. – Харбин.: Исследовательский институт Хэйлуунцзянского университета, 1998. С.1–10. 潘国民, 编纂大型双语词典的组织工作述要, 黑龙江大学辞书研究所, 哈尔滨, 1998. P. 1–10.

88. Пань Гуо-минь 2015 – *Пань Гуо-минь* «Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи» успешно создан за 10 лет // Русский академический журнал. Том 5, № 27. С. 30. 潘国民, 新时代俄汉详解大词典经历十年编纂完成, 2015年, 俄罗斯学刊, 第五卷 27期, 第30页

89. Патюкова 2008 – *Патюкова Р. В.* Зоосемические компоненты устойчивых единиц: опыт словаря (на материале английского и русского языков) / Под ред. Факторовича А. Л. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. 96 с.

90. Патюкова 2009 – *Патюкова Р. В.* Зооморфная метафора как одна из составляющих образности публичного выступления (на материале английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009, № 2. С. 193–199.

91. Распыхина 1984 – *Распыхина, Н. В.* Проблема взаимосвязи разноформленных знаков прямой и косвенной номинации: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1984. 28 с.

92. Реформатский 2010 – *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М.: Аспект–Пресс, 2010. 536 с.
93. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 1 / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М.: Наука, 1980. 796 с.
94. Рыжкина 1979 – *Рыжкина О. А.* Системное исследование зооморфизмов в русском языке в сопоставлении с английским: Дис. ...канд. филол. Наук. – Новосибирск, 1979. 329 с.
95. Рыжкина, Чакыроглу 2009 – *Рыжкина О. А., Чакыроглу С.* Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Вып. 2. – Новосибирск, 2009. С. 18–23.
96. Саблина 2020 – *Саблина О. Б.* Отражение национального менталитета в зоосемизмах (на примере фразеологических единиц русского и немецкого языков) // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 2. С. 489–491.
97. Салим Ахмед Ибрагим 2018 – *Салим Ахмед Ибрагим.* Зооморфные образы в русских и арабских поговорках // Молодой ученый. 2018. № 11. С. 281–283.
98. Сафаралиева 2013 – *Сафаралиева Г. М.-к.* Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013, № 3. С. 121–128.
99. Селиверстова, Цэн Кунь-цзяо 2013 – *Селиверстова Е. И., Цэн Кунь-цзяо.* Русские и китайские пословицы с зоосемическим компонентом (в аспекте межъязыковых соответствий) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: Сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции. – Белгород, 2013. С. 451–456.
100. Семина 2008 – *Семина О. Ю.* Вторичные значения зоонимов русского и английского языков (на материале национальных корпусов):

Автор. дис. ...канд. филол. наук. Орел, 2008. 249 с.

101. Сёрль 1990 – *Сёрль Дж.* Метафора // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. С. 307–341.

102. Складарская 1993 – *Складарская Г. Н.* Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Наука. 1993. 150 с.

103. Складарская 2017 – *Складарская Г. Н.* Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 9–17.

104. Соколова 2009 – *Соколова А. Г.* КОШКА и СОБАКА в русском и немецком языках (на материале толковых и фразеологических словарей) [электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.sfpgu.ru/files/sokolova.pdf> (дата обращения: 17.08.2020).

105. Солнцева 2004 – *Солнцева Н. В.* Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Омск, 2004. 31 с.

106. Солодкин 2009 – *Солодкин Р. Я.* К вопросу о терминологических особенностях обозначения наименований животных во вторичной номинации // Сборник трудов молодых ученых. 2009, № 4. С. 68–73.

107. Су Бао-жун 2008 – *Су Бао-жун* «Метафорическая аналогия» и «синонимические отклонения» – два способа формирования китайского многозначного слова. Исследование лексикологии и лексикографии. – Пекин: Коммерческое издательство, 2008. 436 с. 苏宝荣, “隐喻类比”与“近义偏移”——谈汉语多义词形成的两种主要途径, 词汇学与辞书学研究, 商务印书馆, 北京, 2008, 共 436 页

108. Суперанская 2012 – *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. Изд. 4-е. – М.: URSS, 2012. 367 с.

109. Телия 1986 – *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. 143 с.

110. Телия 1988 – *Телия В. Н.* Метафора в языке и в тексте. – М.: Наука,

1988. 176 с.

111. Телия 1991 – *Телия В. Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. С. 36–66.

112. Телия 1997 – *Телия В. Н.* Номинация // Русский язык: Энциклопедия/ Гл.ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М., 1997. 722 с.

113. Устуньер Ильяс 2004 – *Устуньер Ильяс.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : автор. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

114. Фролова 2005 – *Фролова О. Е.* Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении, 2005, № 2 (10). С. 137–158.

115. Хеллинггер 1999 – *Хеллинггер М.* Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия / Под общ. ред. В.И. Успенской. – Тверь, 1999. С. 91–98.

116. Ху Чжан-линь 2004 – *Ху Чжан-линь.* Когнитивная метафора. – Пекин. Изд. Пекинского университета, 2004. 244 с. 胡壮麟. 认知隐喻学, 北京大学出版社, 2004. 共 244 页。

117. Хун Ду-жэнь 1986 – *Хун Ду-жэнь* Принцип выборки слов и ведущая идеология, 1986. С. 25–35. // 汉语大词典的收词原则与指导思想, 洪笃仁, 1986, 第 25–35 页

118. Цай Сяо-лин 2006 – *Цай Сяо-лин* Зоонимы и зоосемизмы в отношении к роду и биологическому полу // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы. Вып. 9. Тайбэй, 2006, № 9. С. 84–93.

119. Цзя Янь-дэ 1999 – *Цзя Янь-дэ.* Семантика китайского языка. Пекин: Изд. Пекинского университета, 1999. 431 с. // 贾彦德, 汉语语义学, 北京大学出版社, 北京, 1999, 共 431 页

120. Цян Лань-шэн 2019 – *Цян Лань-шэн* Редактирование «Большого

словаря китайского языка» // Исследование словаря. Пекин, 2019. Вып. № 4. С. 1–7 // 江蓝生, 一次全面深入的修订—《汉语大词典》第二版第一册管窥, 中国社会科学院, 辞书研究 2019 第四期, 北京, 第 1–7 页

121. Чао Линь-на 2017 – *Чао Линь-на* Когнитивный анализ зоосемизмов в русском и китайском языках: Дис. ...канд. филолог. наук. Ухань, 2017. 207 с. 赵琳娜. 俄汉语动物隐喻的认知研究[D]. 武汉大学, 2017. 共 207 页

122. Черемисина, Соппа 1973 – *Черемисина М. И., Соппа Н. С.* К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55–69.

123. Чжао Ин-дуо 1994 – *Чжао Ин-дуо.* Специфика толкования в «Большом словаре китайского языка» // Научные круги. Вып. № 5. – Пекин, 1994. С. 71–78. 赵应铎, 试论《汉语大词典》释义的特点, 《学术界》, 1994, 第 5 期, 第 71–78 页

124. Чжэн Динь-оу 1998 – *Чжэн Динь-оу.* Очерк двуязычной лексикографии // Лексикография двуязычного словаря. Сборник; Под общей ред. Хуан Цианхян, Чжэн Чусян. – Чэнду.: Сычуаньское образовательное издательство, 1998. С. 8 郑定欧 汉外词典学纲要, 双语词典学专集, 黄建华, 陈楚祥主编, 四川教育出版社 第 8 页

125. Чжэн Цзинь 2012 – *Чжэн Цзинь.* Сопоставительный анализ русских и китайских зоосемизмов: магистерская дис. Наньцзин, 2012. 61 с. 程静. 俄汉动物隐喻对比研究[D]. 南京师范大学, 2012. 共 61 页

126. Чжэн Шу-пу 1998 – *Чжэн Шу-пу.* Сопоставительный анализ лексики в процессе редактирования двуязычного словаря // Лексикография двуязычного словаря. Сборник; Под общей ред. Хуан Цианхян, Чжэн Чусян. – Чэнду.: Сычуаньское образовательное издательство, 1998. С. 74 郑述谱, 结合双语词典编纂开展词汇对比研究, 双语词典学专集, 黄建华, 陈楚祥主编 第 74 页

127. Чудинов 2003 – *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 250 с.

128. Чэнь Ван-дао 2008 – *Чэнь Ван-дао.* Сущность стилистики. Изд-во Фуданьского университета. – Шанхай, 2008. 238 с. 陈望道, 修辞学发凡, 复旦大学出版社, 2008. 共 238 页

129. Чэнь куй 1960 – *Чэнь куй* Закон языка. Отбор китайской классической критики теории литературы. – Пекин.: Изд-во народная литература, 1960. 84 с. 陈骙, 文则, 中国古典文学理论批评专著选集, 人民文学出版社, 1960 年. 共 84 页

130. Шао Кан 2018 – *Шао Кан.* Область источника «животное» в русской и китайской политической речи: магистерская дис. – Далянь, 2018. 86 с. 邵康. 中俄政治话语中“动物”源域的概念隐喻对比研究. 大连外国语大学, 2018. 共 86 页

131. Шаповалова 2018 – *Шаповалова А. А.* Сравнительно-сопоставительный анализ метафорического употребления зоонимов (на материале русского английского, французского и новогреческого языков) // Альманах мировой науки. 2018, № 3. С. 96– 01.

132. Шарова 2010 – *Шарова А. А.* Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ярославль, 2010. 22 с.

133. Шмелев 1964 – *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. 244 с.

134. Шу Дин-фан 2000 – *Шу Дин-фан.* Исследование метафоры. – Шанхай: Изд. «Педагогика иностранных языков», 2000. 267 с.

135. Шульга 2017 – *Шульга М. В.* Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. – М.: Индрик, 2017. 256 с.

Источники

136. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 23.01.2020).

137. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Шведовой Н. Ю. – М., 1998. Т. 1. 800 с.

138. СОС – Дуличенко Л. В. Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. – Тарту, 1999. 270 с.

139. БСКЯ – Большой словарь китайского языка / Под ред. Ло чжуфен. – Шанхай: Издательство лексикографической литературы, 1993. 18481 с. // 罗竹风主编 汉语大词典, 上海: 上海辞书出版社. 1993. 18481 с.

140. РКТС – Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи: в 4 т. / Под ред. Пань Гоминь, Ли Сиинь. – Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2014. 7676 с. // 新时代俄汉详解大词典: 共 4 卷, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 2014. 7676 с.

141. ССКЯ – Современный словарь китайского языка (7 изд.) / Под ред. Люй Шусян, Динь Шэншу. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. 1800 с. // 吕叔湘, 丁声树主编 现代汉语词典 (第 7 版), 北京: 商务印书馆, 2019. 共 1800 页。

142. CNKI: “Китайский научный сайт” [Электронный ресурс]. URL: https://kns.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx (дата обращения: 12.12.2019).

Словари

143. БТС - Большой толковый словарь русского языка / Авт. и рук. проекта С.А. Кузнецов. СПб., 2002. 1536 с.

144. Ефремова 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. [Электронный ресурс]. URL: <https://efremova.slovaronline.com/29946-ZOOMORFIZM> (дата обращения:

07.12.2021)

145. Козлова 2001 – *Козлова Т. В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М.: Издательство "Дело и Сервис", 2001. 208 с.

146. Мокиенко, Никитина 2008 – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2008. 800 с.

147. Словарь экономических терминов 2012 – Словарь экономических терминов – Экономика и финансы – Slovar.cc.

148. ЯОС – Ярославский областной словарь. – Ярославль, 2015. Т.1. 389 с.